

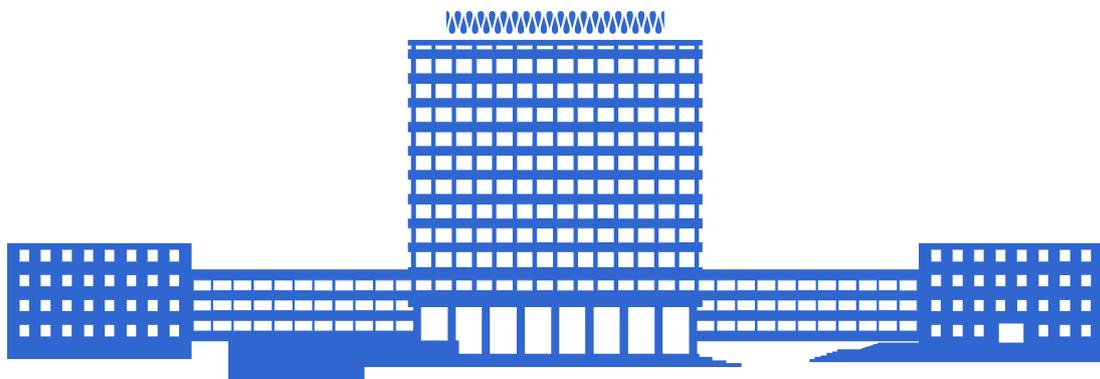
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 19 Выпуск 1 (59) 2023

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2023. – Т. 19. – Вып. 1 (59). – 124 с.

*Печатается по решению Учёного совета
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 3 от 28 апреля 2023 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Постановление Правительства Российской Федерации от 18.03.2023 г. № 115).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

*Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22*

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 19 Выпуск 1 (59) 2023

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. В. Ленец; д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев;
д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина; д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко;
д. филол. наук, проф. А. В. Петров; д. филол. наук, проф. М. В. Пименова;
д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов; д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик;
д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2023

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER
EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 19 Issue 1 (59) 2023

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov; Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova;

Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik;

Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 19, Вып. 1 (59), 2023

Германские языки

<i>Усова Н. В.</i> Фразеологическое использование онимной лексики немецкого языка для обозначения глупости.....	5
<i>Филатова Е. В.</i> Принципы и положения исследования речи.....	15
<i>Чечина И. В.</i> Структурные особенности женских личных имен со значением ‘красота’ в англоязычном антропонимиконе.....	27
<i>Ягупова Л. Н.</i> От смешения языков к смешанным текстам: корпусное исследование средневерхненемецких рукописей.....	39

Романские языки

<i>Кравцов С. М., Шевченко К. В.</i> Современный французский спортивный дискурс: функциональный и прагмалингвистический аспекты.....	54
--	----

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Квач Ю. А.</i> Термины-метафоры в составе англоязычной и русскоязычной строительной терминологии.....	64
<i>Левицкий А. Э., Доу Чуньяо</i> Характерные черты людей детского возраста в зеркале русских и китайских фразеологических единиц.....	76

Перевод

<i>Бекоева И. Д.</i> Способы восполнения лакунарности при переводе теонимов.....	82
<i>Бессонова О. Л., Михачева С. П.</i> Особенности перевода английских неологизмов общественно-политической сферы на русский язык.....	94
<i>Николаев С. Г.</i> «Переводческий пробел»: намеренная небрежность или интерпретационный прием?	106

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 19, Issue 1 (59), 2023

Studies in Germanic Languages

<i>Usova N. V.</i> Phraseological Use of German Onym Vocabulary for Designation of Stupidity.....	5
<i>Filatova E. V.</i> Principles and Rules of Speech Study.....	15
<i>Chechina I. V.</i> Structural Peculiarities of Female Personal Names with Meaning ‘Beauty’ in English Anthroponymic Vocabulary.....	27
<i>Yagupova L. N.</i> From Language Mixing to Mixed Texts: Corpus Study of Middle High German Manuscripts.....	39

Studies in Romance Languages

<i>Kravtsov S. M., Shevchenko K. V.</i> Modern French Sports Discourse: Functional and Pragmalinguistic Aspects.....	54
--	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Kvach Yu. A.</i> Metaphorical Terms as Part of English and Russian Construction Terminology... ..	64
<i>Levitskiy A. E., Dou Chunyao</i> Typical Geatures of People of Young Age in the Reflection of Russian and Chinese Phraseological Units.....	76
<i>Petrishcheva E. I.</i> Emotional-Evaluative Nomination of Relatives.....	82

Translation

<i>Bekoeva I. D.</i> Ways to Eliminate Lacunarity in Translation of Theonyms.....	82
<i>Bessonova O. L., Mikhacheva S. P.</i> Features of the English Socio-Political Neologisms Translation into Russian.....	94
<i>Nikolaev S. G.</i> «Blank Spaces in Translation»: an Intentional Negligence or a Means of Interpretation?	106

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.+ 81'373.2

© 2023 Н. В. Усова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНИМНОЙ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЛУПОСТИ

В статье анализируются фразеологизмы немецкого языка с онимным компонентом, в которых разные онимы, главным образом антропонимы, выполняют характеризующую функцию. Внимание фокусируется на онимной лексике с семантикой признака ментальной несостоятельности человека.

Ключевые слова: *оним, имя собственное, семантика, деонимизация, апеллятивация, идиоматизация.*

© 2023 N. V. Usova

PHRASEOLOGICAL USE OF GERMAN ONYM VOCABULARY FOR DESIGNATION OF STUPIDITY

The article analyzes phraseological units of the German language with an onymic component, in which different onyms, mainly anthroponyms, perform a characterizing function. The attention is focused on onymic vocabulary with the semantics of a human mental incompetence sign.

Key words: *onym, proper name, semantics, deonymisation, appellativisation, idiomatisation.*

1. Введение. Фразеология отражает картину мира и особенности менталитета носителей языка, составляя особый «фонд» языка и являясь, по образному выражению В. Н. Телия, зеркалом, «в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [Телия, 1986: 82]. Фразеологический фонд, так же как и ономастикон, составляет часть лексической системы языка, обладающей специфическими свойствами, соединяющей в себе языковое и культурно значимое, представляющей собой одновременно знаки языка и культуры.

Пропримальные единицы являются носителями и хранителями разнообразных форм культурно обусловленной и культурно значимой информации в силу того, что выступают как свидетельства исторического, социального, общественного, культурного развития больших общностей людей и знаки конкретных объектов действительности определённого лингвокультурного пространства. Положение имени собственного в языке характеризуется в современной лингвистике как особое среди прочих именных категорий [Курилович, 1962; Топоров, 1985; Усова, 2018; Thurmair, 2002 и др.]. Возрождение в современной лингвистике

интереса к явлениям, выявляющим взаимосвязи между языком и культурой, обуславливает актуальность исследований, направленных на языковые единицы, в которых объединяется и синергетически взаимодействует фразеологическое и ономастическое.

Фразеологизмы являются языковыми единицами, которые концентрированно содержат в себе представления народа о мифах, обычаях, традициях, морали, нормах поведения и т. д. Любой лексический элемент, который входит во фразеологизм, приобретает двойственную сущность: с одной стороны, он становится частью структурно-семантического сложного целого, а с другой – приобретает значение, переосмысленное в рамках этого целого. В результате фразеологизации в языке (а прежде всего в речи) возникают образованные разными способами устойчивые словосочетания, словесные комплексы, в том числе такие, в которых базовым компонентом выступает оним – личное имя или фамилия, реже топоним.

Следует заметить, что при большом количестве работ по фразеологии в целом не так много специальных исследований посвящено фразеологическим единицам (далее ФЕ), в составе которых присутствует оним. В последнее время в лингвистике активизировался исследовательский интерес к данному явлению, появляются работы, хотя и не многочисленные, целиком посвящённые этой теме [Беспалова, 2021; Волошин, 2017; Ловянникова, 2008; Ganzer, 2008]. Для обозначения ФЕ с компонентом-онимом появляется термин «ономастическая фразеология» [Беспалова, 2021; Ловянникова, 2008].

Данная статья имеет целью охватить лишь небольшую часть онимов немецкого языка во фразеологическом употреблении, детально не изученную ранее. В центре внимания находятся фразеологизмы определённой семантической группы, в которых разные онимные единицы используются для выражения сходных характеристик, а именно, для обозначения глупости человека. С точки зрения структуры эти единицы рассматривались ранее [Usova, 2011, 2012]. Теперь внимание обращается на семантические особенности рассматриваемых фразеологизмов, их онимной составляющей и на возможности собственных имён (далее – СИ) как выразительных языковых средств.

2. Терминология и теоретические основания. Термины *фразеологизм* и *фразеологическая единица* употребляются в статье как синонимы и понимаются в широком смысле. Базовым для ФЕ служит определение А. В. Кунина, согласно которому фразеологическая единица – это «устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин, 1986: 16]. Принимается мнение Д. Ганцер, которая

относит к фразеологизмам языковые единицы, «имеющие такие признаки, как полилексичность, устойчивость, воспроизводимость и лексикализация» [Ganzer, 2008: 38].

Статус онима в составе фразеологических сочетаний продолжает дискутироваться. В теоретических рассуждениях обсуждается вопрос о том, сохраняют ли собственные имена в устойчивых словосочетаниях свои именные признаки или нет. В. Фляйшеру принадлежит мнение, что имена внутри фразеологизмов остаются «онимичными», если они берут на себя сравнительную функцию, но в большинстве случаев «релевантные компоненты фразеологизма деонимизируются, и их следует рассматривать как имена собственные лишь генетически [Fleischer, 1997: 96]. Вполне возможно, что появление СИ в составе устойчивых словосочетаний стало возможным благодаря «двойственной природе» имен [Ussova, 2011]. При фразеологизации антропонимы утрачивают функцию индивидуальной характеристики людей и выполняют классифицирующую и обобщающую функцию, которая в основном присуща апеллиативам [Ganzer, 2008: 41]. Переосмысление имени в процессе фразеологизации можно рассматривать также как следствие его частого употребления и распространения в разных социальных слоях. Исторически особенно популярным было использование таких личных антропонимов, как *Hans, Peter, Liese, Heinrich* etc. При частом воспроизведении в лингвокультуре языкового сообщества оним утрачивает свое референциальное значение, вместе с тем развивает апеллиативное значение ‘мужчина’, ‘женщина’, ‘человек’, нередко также дополнительные коннотации, например, *Hans* – ‘человек из народа’, ‘крестьянин’.

Имена издавна употреблялись для обозначения человека с ограниченными ментальными способностями, попросту говоря – глупого человека, дурака. Предположительно традиция называть глупость или глупого человека именем собственным берет свое начало в средние века, и ее происхождение представляет собой не чисто лингвистическое, но лингвокультурное, социолингвистическое и культурно-историческое явление. Наиболее частотными были самые популярные и потому особенно распространённые звательные имена *Hans, Peter, Heinrich, Minna, Liese* и т. п. (вместе с их гипокористическими и уменьшительно-ласкательными формами *Lieschen, Gretchen, Hänselein, Heini* и т. д.).

3. Немецкие СИ, наиболее часто функционирующие в идиоматическом значении ‘глупый человек’, ‘дурак’, синоним глупости

3.1. Сложные существительные (композицы) со вторым компонентом *-(r)ian* или *-jan*. Эти номинации лиц являются хронологически очень старыми, они происходят от деонимизированного личного антропонима *Jan*, который был привнесён в апеллиативное

обозначение: *Dummrian*, *Dummerjan*, *Blödian*. Сегодня эти элементы считаются более непродуктивными (полу)суффиксами с пейоративной экспрессивной коннотацией [Fleischer, 1971: 160; БНРС, 1969: 364].

3.2. Личный антропоним, звательное имя (Rufname) *Hans* и его дериваты, активно употребляются для номинации глупого человека. Существует множество вариантов имени с таким значением в различных комбинациях компонентов.

Антропоним *Hans* начинает часто появляться в качестве наименования дурака с XV века, когда популярным становится персонаж фастнахтшпилей – дурак по имени *Hans* (der Narr *Hans*) со своей подружкой (die Närrin *Gütel*). Затем именование выступает также в виде композита: *Hansnarr* [БНРС, 1969: 598; Kluge, 1989].

Вариативные номинативные единицы с подобным значением:

Hans Supp(e) – имя весёлого дурака из комедии (предположительно по подобию французского персонажа по имени *Jean Potage*);

Hans Wurst (также в слитном написании *Hanswurst*) – происходит от имени крестьянина в популярных театрализованных постановках середины XVI века. Это выражение встречалось ещё при М. Лютере в значении ‘неловкий, неуклюжий болван’ (‘*ungeschickter Tölpel*’), затем как номинация неловкого крестьянина и наконец в качестве дурака из комедии [Brockhaus' *Konversationslexikon*]. Затем следует апеллятивное употребление этого имени в немецком театре для обозначения шутника, который нравился многим зрителям из-за своих шуток, часто примитивных и грубых. Существовала ещё одна, менее распространённая, форма *Wursthans*; эта номинация входит в употребление в сопровождении артикля и становится обиходной исключительно как апеллятив со значением ‘дурак’. Был также вариант женского рода: «*dasz hanswurst seine hochzeit hält, und sich eine hanswurstin zugesellt*» [Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm]. Иногда в этом же значении встречается словосочетание *Hensel Wursten*.

В современном немецком языке композит *Hanswurst* употребляется (как правило, в разговорной речи) для характеристики человека как недалёкого, неэнергичного [Ganzer, 2008: 329]. Соединение антропонима *Hans* с другим выдуманным именем собственным встречается многократно в композитах, например, *Faselhans* – ‘*Dummschwätzer*’ (болтун, пустомеля, брехун) или в устойчивых словосочетаниях *Hans Narr* (der Narr *Hans*); *Hans Dummian*, *Hans Eselein*, *Hans Hänselein*, *Hans Dumm*, *Hans Aff*. Оним *Hans* при этом обычно опирается на значение, а дополнение призвано подчеркнуть ещё одно особенное свойство носителя имени, которое во многих случаях только лишь

детализирует специфическое проявление глупости, в других же случаях является производным от внешних отношений, от социального происхождения, места происхождения (*Hans von Jene*), от пищевых пристрастий (*Hans Supp(e)*, *Hans Wurst*) [Deutsches Wörterbuch]. Как имя дурака служит часто диминутив *Hänschen*, отсюда словосочетания *einen zum Hänschen haben*, *mit jemandem Hänschen machen*, означающие ‘дурачить, разыгрывать кого-либо’, ‘обращаться как с маленьким ребёнком’, ‘держаться за дурачка’ [Ganzer, 2008: 306]. Диминутивная форма имени *Hansel* может также иметь значение *kann auch die Bedeutung* ‘глупый человек’ и использоваться в качестве имени дурака, отсюда выражение *jemanden für einen Hansel halten* [Deutsches Wörterbuch].

3.3. *Hannemann* – распространённая в сельской местности уменьшительно-ласкательная форма личного имени *Johannes* со значением ‘наивный человек’, ‘простак’ [Ganzer, 2008: 300]. Распространённым является также выражение *Hannemann, geh du voran!* Это побудительное обращение к лицу – сделать первый шаг в неприятной ситуации – вошло в обиход с XIX века [Deutsches Wörterbuch; Kluge].

3.4. Личное имя *Gottfried* означает в разговорной речи ‘глупый, свихнувшийся человек’ (*‘närrischer Mensch’*) [Ganzer, 2008: 295].

3.5. Антропоним *Kasper / Kaspar* имеет значение ‘чудак, странный человек’, [Deutsches Wörterbuch; Ganzer, 2008: 334]. Региональный вариант *Kasperl* (верхненем.) – ‘остряк, комик’, ‘глупый, простоватый человек’; ‘человек, который выставляет себя на посмешище’ [Deutsches Wörterbuch]. Производный глагол *Verb kaspeln* может выступать в значении ‘глупо болтать, глупо вести себя’.

3.6. Мужской антропоним *Nikolaus* может означать наивного, глуповатого человека (*einfältigen Mann*) [Ganzer, 2008: 366], также и в форме множественного числа *Nikoläuse*. Диминутив *Klaus* означает ‘глупый человек’ [Deutsches Wörterbuch; Ganzer, 2008: 338].

4. Многие диминутивные формы СИ часто служат в разговорной речи образованию фразеологических словосочетаний с отрицательной оценкой. Особенно популярны при этом уменьшительные формы *Matz*, *Heini*, *Stoffel / Toffel*.

4.1. Сокращённая форма от *Matthias* – *Matz* – начиная с XVII века употребляется в разговорной речи для обозначения глупого, простоватого, женоподобного мужчины. Это популярное личное имя, по мнению Д. Ганцер, использовалось вместо апеллиатива ‘мужчина’ [Ganzer, 2008: 351]. Уничижительное значение возникает на том основании, что обычно краткая форма имени используется как звательное имя для ребёнка; взрослый мужчина, названный таким образом, приравнивается ему. Вместе с апеллиативом это имя образует композит *Matzbläke* (-bleke = «Zunge») со значением ‘глупый, несимпатичный

человек'. Отонимный композит *Piepmatz* образует устойчивое сочетание *einen Piepmatz haben*, что означает 'быть не совсем в своём уме'. Диминутив *Matz* в соединении с уменьшительным суффиксом *-chen* выступает базовым компонентом в ФЕ *Mätzchen machen* – 'делать глупости, вести себя как маленький *Matz*, т. е. глупо, смешно'.

4.2. Сокращённые формы личного имени *Heinrich* – *Heini / Heine, Hein, Heinz* и *Hinz*. Так как имя *Heinrich* встречалось чрезвычайно часто, оно потеряло своё значение как имя собственное и стало употребляться повсеместно для обозначения лиц мужского пола, чьи настоящие имена не знают или не хотят называть. Таким образом оно (так же, как это происходило с именем *Hans*) выступает в апеллятивном значении 'глупый, наивный человек'; 'неловкий человек, неудачник' [Ganzer, 2008: 311]. Именная форма *Heini* носит уменьшительно-пейоративную окраску и используется как ругательство. Образования с этим личным именем могут не только подчёркивать глупость как особое качество его носителя, но и специфицировать её, указывая на различия форм выражения, обозначающих различную степень глупости. В то время как краткая форма имени *Heini* лишь намекает своей семантикой на глупость определённой личности мужского пола, такие композиты, как *Quatschheini, Blödheini, Pfeifenheini* ('dummer Kerl; schlechter Schiedsrichter'; 'Versager' [Fleischer, 1971: 101]) содержат эту характеристику в усиленной степени, удваивая признак глупости. То же самое происходит в словосочетаниях *blöder Heini, doofer Heini*. В наивысшей степени признаком глупости обладает композит *Idiotenheini* – 'очень глупый парень' ('sehr dummer Kerl') [Ganzer, 2008: 312].

4.3. В качестве базисных элементов различных образований для выражения глупости могут использоваться такие мужские антропонимы, как *Stoffel / Toffel* (сокращение от *Christoffel*), *Peter, Michel, Otto*, фамильное имя *Meier* (*Faselmeier* – глупый болтун (törischer Schwätzer)).

4.4. Среди женских имён чаще всего в этой функции выступают *Minna, Liese, Suse auf*. Женский антропоним *Minna*, гипокористика от *Wilhelmine*, в XIX веке был необычайно популярным личным именем, и так звались многие служанки. Поэтому это имя стало синонимом апеллятивам *служанка, прислуга, домработница* и получило значение 'неумная, простоватая женщина' [Ganzer, 2008: 363].

Женский антропоним *Suse*, гипокористика от *Susanna*, именуется ограниченной, глуповатую, медлительную женщину, особенно невнимательную и неловкую.

Женский антропоним *Liese* служит (главным образом в северонемецких территориях) для обозначения глупой женщины или девушки [Etymologisches Wörterbuch; Ganzer, 2008: 343].

4.5. Особенно распространённым является использование таких СИ, как *August, Michel, Liese, Suse, Peter* в их соединении в устойчивые словосочетания с прилагательным с пейоративной, уничижительной, дисквалифицирующей семантикой (*dumm, albern* и т. п.): *dumme Liese; dummer Michel; der dumme August* ('клоун, шутник'); *alberner Peter; dummer Peter* и т. д.

4.6. ФЕ с топонимным компонентом (включая компаративные словосочетания) – *aussehen wie der Junge von Meissen; aus Schilda kommen* (Vgl. *schildaer Streiche*); *er ist aus Borneo* – встречаются не столь часто.

4.7. Глагольные словосочетания с СИ по своей семантике могут разделяться на две группы: (1) устойчивые словесные комплексы, в которых глупость выступает как квалификация субъекта и (2) устойчивые словесные комплексы, в которых глупость выступает как квалификация объекта. К первой группе относятся такие устойчивые выражения, как *den dummen August (den Hanswurst / den dummen Johann / einen Kasperl / Mätzchen / den Otto) spielen / machen / markieren* с активным значением 'вести себя неразумно, глупо, выставлять себя дураком, прикидываться дураком, делать вид, что ничего не понимаешь'. Ко второй группе относятся такие устойчивые выражения, как *j-n zum Hänschen (zur Minna / zum Kasperl / zum Michel) machen; einen zum Hänschen haben; jemanden für einen Hansel halten; mit jemandem Kunzen spielen* с пассивным значением 'считать кого-либо дураком' или 'позволять делать из себя дурака'.

4.8. Понимание фразеологизма в широком смысле подразумевает включение в рассмотрение словесных комплексов со структурой предложения. В ходе исследования выявлены полилексемные ФЕ *Ich bin doch nicht dein (kein) Hanswurst / Otto / Johann* и т. п. со значением 'Я не позволю делать из себя дурака; я не глуп; я не дам себя одурачить'.

4.9. Следует отметить способность СИ к заменяемости в составе ФЕ различных структур. В композитах речь идёт о т. н. отыменных полусуффиксах, образованных из деонимизированных единиц. Оним больше не обладает проприальными свойствами и может произвольно выбираться, например: *Faselmeier, Faselhans*. Эта произвольность однако не абсолютна, т. е. имеет ограничения и регулируется двумя факторами: фактором частотности и фактором языковой игры [Ganzer, 2008: 59-60].

5. Выводы. При фразеологизации онимов речь идёт об утрате референциального значения и развитии идиоматического значения 'любой человек', 'крестьянин',

‘человек из народа’, часто с дополнительными созначениями человека со слабыми ментальными способностями.

Имя собственное, функционирующее в ФЕ, выполняет не только номинативную, но и другие, обычно не свойственные онимной лексике, функции, основной из которых является характеризующая.

В рассмотренных случаях онимы характеризуют лицо как глупого, недалёкого, ограниченного человека. Для этого в немецком языке существует множество вариантов имён и структурных комбинаций. Онимный компонент функционирует при этом как базовый компонент композита, его смысловой и смыслообразующий элемент.

В качестве онимного базового компонента ФЕ, выражающих глупость, может выступать имя собственное: личное (звательное) имя, соответствующий диминутив, реже фамильное имя или топоним. Благодаря этому одноклассные и поликлассные словесные комплексы приобретают уничижительно-пейоративное значение и негативную оценку.

Внутри ФЕ со значением ‘глупость’ происходит спецификация этого признака с помощью подбора онимных и апеллятивных единиц, так что основное значение наряду с сохраняющейся семантикой характеристики человека может получать созначения и оттенки.

Многообразие и вариативность задействованных в рассматриваемых процессах языковых средств позволяет говорить о синонимии онимных единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалова Е. А. Ономастические фразеологизмы, основанные на прецедентной ситуации, в современных медиатекстах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. № 11 (1). С. 17-28.
2. Волошин Ю. К. Онимы во фразеологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 125-130.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1986. 336 с.
4. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1962. 456 с.
5. Ловянникова В. В. Ономастическая фразеология в лингвокультурологическом аспекте (на материале немецкого языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нальчик, 2008. 24 с.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 143 с.
7. Топоров В. Н. Санскрит и его уроки // Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. Москва: Наука, 1985. С. 5-29.
8. Усова Н. В. Имя собственное в синхронии и диахронии языка и культуры. Донецк: ДонНУ, 2018. 385 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 16).

9. Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997. 299 S.
10. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. 327 S.
11. Ganzer D. *Deutsche Phraseologismen mit Personennamen: Lexikografischer Befund und textueller Gebrauch / Studien zur Germanistik*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008. Bd. 25. 445 S.
12. Thurmair M. Eigennamen als kulturspezifische Symbole oder: Was Sie schon immer über Eigennamen wissen wollten // *ANGLOGERMANICA ONLINE*. Periodisch erscheinende Online-Zeitschrift für englische und deutsche Philologie. 2002. S. 84-102.
13. Usova N. V. Beitrag des Eigennamens zum lexikalischen Sprachbestand // *Germanistik in der Ukraine*. Kiew, 2011. S. 187-198.
14. Usova N. Neuer Blick auf alte Namen: 'Dummheit' in den onymischen Sprachmitteln // *Німецька мова в українському контексті: формування мовної компетенції, контрастивні дослідження та міжкультурна комунікація*. Одеса: Фенікс, 2012. С. 205-207.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой немецко-русский словарь / ред. О. И. Москальская. Москва: Сов. энцикл., 1969. Т. I. 760 с. [БНРС].
2. Brockhaus' *Konversationslexikon*. Leipzig, Berlin und Wien. Available at: <http://www.retrobibliothek.de/retrobib/seite.html?id.> (accessed: 08.02.2023).
3. *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*: in 32 Teilbänden. 16 Bde. Available at: www.dwb.uni-trier.de. (accessed: 08.02.2023).
4. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Erarbeitet unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co KG, 1997. 1665 S.
5. Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, New York: de Gruyter, 1989. 822 S.

REFERENCES

1. Bepalova, E. A. (2021). Onomasticheskie frazeologizmy, osnovannye na pretsedentnoy situatsii, v sovremennykh mediatekstakh [The Usage of Phraseological units with Onomastic Components, based on a Precedent Situation in Modern Media Texts]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika*. No. 11(1). Pp. 17-28. (In Russ.).
2. Voloshin, Yu. K. (2017). Onimy vo frazeologii [Onyms in Phraseology]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No. 2. Pp. 125-130. (In Russ.).
3. Kunin, A. V. (1986). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Course of phraseology of the modern English]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
4. Kurilovich, E. (1962). *Ocherki po lingvistike* [Essays on the Linguistics]. Moskva: Izdatelstvo inostrannoy literatury. (In Russ.).
5. Lovyannikova, V. V. (2008). *Onomasticheskaya frazeologiya v lingvokulturologicheskom aspekte (na materiale nemetskogo yazyka)* [Onomastic phraseology in the linguoculturological aspect (based on the German language)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Nalchik. (In Russ.).
6. Telia, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The connotative aspect of the semantics nominative units]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
7. Toporov, V. N. (1985). Sanskrit i ego uroki [Sanskrit and its lessons]. In *Drevnyaya Indiya. Yazyk. Kultura. Tekst*. Moskva: Nauka. Pp. 5-29. (In Russ.).
8. Usova, N. V. (2018). *Imya sobstvennoe v sinkhronii i diakhronii yazyka i kultury* [Proper name in synchrony and diachrony of language and culture]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; T. 16). (In Russ.).

9. Fleischer, W. (1997). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
10. Fleischer, W. (1971). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
11. Ganzer, D. (2008). *Deutsche Phraseologismen mit Personennamen: Lexikografischer Befund und textueller Gebrauch / Studien zur Germanistik*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač. Bd. 25.
12. Thurmair, M. (2002). Eigennamen als kulturspezifische Symbole oder: Was Sie schon immer über Eigennamen wissen wollten. In *ANGLOGERMANICA ONLINE. Periodisch erscheinende Online-Zeitschrift für englische und deutsche Philologie*. Pp. 84-102.
13. Usova, N. V. (2011). Beitrag des Eigennamens zum lexikalischen Sprachbestand. In *Germanistik in der Ukraine*. Kiew. Pp. 187-198.
14. Usova, N. (2012). Neuer Blick auf alte Namen: 'Dummheit' in den onymischen Sprachmitteln. In *Nimetska mova v ukrayinskomu konteksti: formuvannya movnoyi kompetentsiyi, kontraktivni doslidzhennya ta mizhkulturna komunikatsiya*. Odesa: Feniks. Pp. 205-207.

LEXICOGRAPHICAL SOURCE

1. *Bolshoy nemetsko-russkiy slovar* [Unabridged German-Russian Dictionary]. In O. I. Moskalskaya (ed.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1969. Vol. I. (In Russ.).
2. *Brockhaus' Konversationslexikon*. Leipzig, Berlin und Wien. Available at: <http://www.retrobibliothek.de/retrobib/seite.html?id>. (accessed: 08.02.2023).
3. *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*: in 32 Teilbänden. 16 Bde. Available at: www.dwb.uni-trier.de. (accessed: 08.02.2023).
4. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Erarbeitet unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co KG, 1997.
5. Kluge F. (1989). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, New York: de Gruyter.

Усова Нина Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: n.usova@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Usova Nina V. – Doctor of Philology, Associate Professor of Germanic Philology Department (e-mail: n.usova@donnu.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 11 марта 2023 г.

ПРИНЦИПЫ И ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧИ

В статье рассматриваются закономерности развития современного языкознания, представлены принципы и положения исследования речи, описаны методология и методика её исследования. Поднимаются вопросы речеведения как самостоятельной отрасли лингвистики. Наиболее убедительной, с нашей точки зрения, является та концепция построения речи, которая приложима к речевой деятельности человека, независимо от его возраста и знаний, с учётом письменной и устной её формы.

Ключевые слова: синтагма, фраза, предложение, высказывание, текст, единица языка, единица речи.

PRINCIPLES AND RULES OF SPEECH STUDY

The article deals with the mechanisms of modern linguistics development, the principles and rules of speech study are provided, its methodology and technique are described. The issues of speech production matter as an independent field of linguistics are raised. In our view, the most convincing is the concept of speech creation which is applicable to human speech activity regardless of their age and proficiency in light of its written and oral forms.

Key words: syntagma, phrase, sentence, utterance, text, language unit, speech unit.

1. Вводные замечания. Язык как важнейшее национальное и социальное явление, как основной инструмент любой деятельности занимает центральное место в жизни каждого народа как субъекта мировой истории и каждого человека независимо от того, осознаёт он это или нет. Язык выступает в роли средства и способа формирования личной системы понятий и представлений о мире, которая является главным арсеналом психической деятельности каждого человека.

Историю любого народа можно представить как отражение развития его речевой деятельности. Все его действия, достижения, все события в его жизни сопровождаются мышлением и речью, которая в полной мере отражает практическую жизнь, знания, науку, культуру, обычаи, традиции, менталитет, в связи с чем люди постоянно проявляют интерес к речи, так как она сопровождает их жизнь из поколения в поколение, отражая историю и определяя перспективы развития.

Лингвистика накопила значительное количество ценных сведений, которые касаются фундаментальных проблем языкознания, в связи с чем помогают найти ответы на многие актуальные вопросы теории и практики речевой деятельности. Тем не менее, современная теория в то же время характеризуется обилием проблем и противоречий.

Дискуссии вызывают многие вопросы. Такие, например, как сфера языка и сфера

речи, номинация и коммуникация, интонация и её роль в построении и восприятии речи, порождение речи и её реальные исходные единицы, слово в системе языка и в сфере речи, единицы языка и единицы речи, единицы устной речи и письменной, единицы порождения речи и структуры её традиционного оформления, члены предложения и его реальные авторские единицы, которые чётко отражаются в интонационной делимитации речи её субъектом, слово и словосочетание и их роль в построении речи, структурная схема предложения и её отношение к организации речи и многие другие.

Неубедительность и противоречивость при выделении исходной речевой единицы являются закономерным результатом непоследовательного разграничения сфер языка и речи, что, например, проявляется в элементарном смешении языковых единиц и речевых, в недостаточной разработке реальных основ построения речи, в использовании методов и приёмов, не соответствующих предмету, сфере и цели исследования.

Не способствует успешному исследованию частое смешение единиц устной и письменной форм речи. По этому признаку до сих пор нет чёткой дифференциации речевых единиц, нет разграничения их и по признаку участия их в порождении речи или в её традиционном оформлении, хотя попытки дифференциации речевых единиц по их отношению к формам речи осуществляются некоторыми исследователями [Андреева, 2007].

Дискуссионными и неубедительными предстают теории построения речи (предложения) на основе структурной схемы с помощью так называемых отдельных лексических распространителей.

Следует обратить внимание на то, что в последнее время лингвисты изменили подход к объекту исследования. В течение всего существования и развития языкознания объектом их исследований был язык как арсенал лингвистических средств, как система правил, норм, грамматических парадигм, схем и моделей. Но изучение лингвистики на уровне языка, т. е. на уровне обобщений и абстракций, нередко приводит исследователей в тупик, так как мир лингвистики по своей сущности бинарен. Он включает сферу языка как статичную общенародную часть, представленную в предметно-словесной форме, и сферу речи как динамичную область индивидуальной креативной психической деятельности человека.

Языковые реалии и категории устанавливаются на основе речи и не выходят за её пределы, тогда как речевые факты всегда шире, богаче и разнообразнее языковых. Поэтому речевая деятельность требует особого внимания и тщательного изучения.

Игнорирование исследователями сферы речи приводило к тому, что многие лингвистические разработки заканчивались противоречиями, вызывая сомнения и возражения. В связи с этим накопилось много проблемных вопросов. Особенно в той части,

которая связана с речью. Это вводные слова, их статус, место и роль в речи; обращение, его статус и место в речи. Высказываются странные мысли о том, что это факультативные компоненты, которые могут быть опущены без ущерба для структуры и содержания предложения. С одной стороны, обращение определяется как необязательный для структуры предложения компонент, с другой же – утверждается о существовании особых вокативных предложений. При этом уже никто не упоминает, что обращение – факультативный компонент, никто не задаётся вопросом, можно ли в вокативных предложениях опускать его «без ущерба для предложения», ибо курьёзность ситуации очевидна. Насколько вообще правомерно утверждение, согласно которому какие-то компоненты можно регулярно опускать в предложении без ущерба для его содержания? Если их можно опускать без ущерба для содержания, то уместнее их вообще не включать в предложение.

Весьма сомнительно представлено в науке и само предложение как синтаксическая структура, его построение, статус, членение на составные компоненты, его актуальное членение, сфера функционирования и место в речи. Противоречиво представлено словосочетание и его функции, учение о членах предложения и порядке слов в нём и многие другие вопросы, которые объективно и убедительно можно осветить, лишь опираясь на результаты исследования конкретной речи.

Необходимо чётко и последовательно разграничить сферы языка и речи и их единицы. Важно осуществить дифференциацию речевых единиц по их назначению, признакам и функциям, установить реальные исходные компоненты порождения и восприятия речи, выявить их типологические признаки, обосновать главный методологический принцип исследования речи, определить актуальные методы и приёмы. Без знания реальных основ речи, многие концепции в области синтаксиса остаются неубедительными. Этим обусловлены **актуальность** и перспективы.

Исследование синтаксических явлений осуществлялось в основном в сфере языка, в сфере абстракций и обобщений, тогда как синтаксис прежде всего связан с речью. И это стало тормозом в развитии синтаксической мысли. Всё чаще стали возникать парадоксальные ситуации, когда содержание речи людям понятно, а теоретическое описание её лингвистами представлено туманно и неубедительно. И это в родном языке, которым на практике каждый человек овладевает уже в первые годы своей жизни.

До настоящего времени остаётся неубедительным освещение многих тем. В процессе верификации предлагаемых концепций выясняется, что они не соответствуют речевой деятельности.

Речевая деятельность включает четыре вида: два продуктивных (говорение и письмо) и два рецептивных (слушание и чтение), два в устной её форме (говорение и

слушание) и два в письменной (письмо и чтение). Обращаясь к устной форме речи и соотнося её с письменной речью, можно увидеть, что существующая теория часто не соответствует ни её видам, ни реальным единицам, ни характеру её порождения.

Например, в устной речи можно *произнести* единицы языка – *звук, букву, морфему, слово, словоформу*. Можно *произнести* любую из типичных речевых единиц устной формы – *синтагму, фразу*. Даже можно *произнести речь* в целом как завершённое в структурном, интонационном и смысловом отношении сообщение. Но нельзя *произнести предложение*. Речевая практика народа не фиксирует сочетания *произнести предложение*. Такого действия нет в устной речи народа, так как в ней нет предложений – в ней фразы. А чего в ней нет, того нельзя и произнести.

Не соответствует существующая синтаксическая теория и восприятию устной речи, которое осуществляется в последовательном осмыслении слушателем всех исходных речевых единиц по мере их появления и разграничения в речи. Иными словами, она не соответствует естественным, первичным видам речевой деятельности, которые даны человеку от природы.

В известной степени она соответствует письменной, т. е. искусственной, форме речи. Но и здесь не обошлось без сомнительных утверждений и концепций, касающихся вопросов построения предложения, его статуса, функций, порядка слов в нём, системы членов предложения и других.

По проблеме, обсуждаемой в статье, были изучены последние публикации на английском языке, представленные в открытом доступе [Aarts, 2001; Baird, Evans, Greenhill, 2021; Baker, Hengeveld, 2012; Denham, Lobeck, 2013; Forsyth, 2013; Found, 2017; Kuperman, Siegelman, 2022; Ruppel, 2018].

2. Основная часть. При изучении фактов и различных явлений речи должны использоваться не просто лингвистические методы и приёмы, а именно те, которые в полной мере соответствуют речи как объекту исследования и не вызывают противоречий в процессе верификации выводов.

Исходя из того, что речь – типичное, но индивидуальное явление, необходимо выявлять подлинную индивидуально-авторскую структуру конкретной речи, устанавливать реальные, т. е. авторские, исходные единицы её порождения, выяснять признаки этих единиц, их морфологическую природу, функции, особенности употребления в речи.

Существующая концепция построения речи вызывает сомнение в её соответствии реальной речевой деятельности. Какие связи и отношения существуют между языком и речью, словом и мыслью, фразой и предложением?

Согласно господствующему в современной науке мнению, речь строится из слов как номинативных средств языка, отражая триаду лингвистических единиц: слово, предложение, текст. Но ещё В. фон Гумбольдт весьма точно подметил, что не речь порождается из слов, а, наоборот, слова появляются из речи. Он первым обратил внимание на то, что теория построения речи из слов не соответствует характеру речевой деятельности. Тем самым он обозначил приоритет речи в историческом развитии языка и науки о нём.

Как порождается речь – устная и письменная? Как и когда появляются предложения? Простые и естественные вопросы. Но убедительных ответов на них нет и сейчас. В лингвистике вопросы построения и восприятия речи относятся к фундаментальным, ибо отражают основу всех видов речевой деятельности – продуктивных и рецептивных, как устной её формы, так и письменной. Любое изучение речи, как и лингвистики в целом, следует осуществлять с осознания и разграничения лингвистических сфер языка и речи, с разграничения их единиц, а также естественной дифференциации речевых единиц на основании объективных показателей и принципов.

Основным учебным предметом для каждого человека является родной язык, который становится для него главным инструментом в его общественной и производственной деятельности. А каков инструмент, таково и качество деятельности. Например, если учитывать, что основные знания о мире человек получает в результате чтения, становится ясно, как важно научиться правильно читать, чтобы точно понимать читаемый текст. Но правильно понять его можно лишь при опоре на его подлинные исходные речевые единицы, которые составили его реальную, т. е. авторскую, структуру и содержание – не языковую, абстрактную схему, а речевую, реальную, конкретную структуру. Адекватное линейное членение читателем текста на исходные авторские речевые компоненты, непосредственно породившие его структуру и содержание, будет способствовать осознанию авторской интонации, а значит, и точному восприятию содержания.

Прагматический аспект данного вопроса чрезвычайно важен для лингвистического развития человека, в первую очередь при выяснении того, какие слова сочетаются в речи в единые минимальные структурно-смысловые группы и как эти группы соотносятся друг с другом, что существенно при чтении и восприятии текстов. Не менее важен он при изучении грамматики и формировании умений и навыков синтаксического анализа и разбора реальных речевых авторских структур.

Если язык народа – общий арсенал статических лингвистических средств, то речь у каждого человека – индивидуальна и динамична. Тем не менее, у неё тоже есть общие признаки, применительно к её субъектам, например, характер её естественного порождения и устного восприятия, делимитация, т. е. интонационное разграничение с

помощью пауз, исходных минимальных единиц, составляющих её истинную структуру и содержание, а также интонационная интерпретация выделяемых единиц. Говорящий, отражая подлинную структуру речи, разграничивает её реальные исходные единицы паузами, благодаря чему слушатели точно понимают её содержание.

Что касается письменной речи, в которую при необходимости трансформируется устная (или внутренняя) её форма, она воспринимается на основе тех же речевых единиц – синтагм, которые в данном случае получают графическую форму выражения. Так что в письменной форме передаётся то содержание, которое предварительно «проходит» через устную форму (или внутреннюю речь), поэтому для автора оно в обеих формах всегда однозначно и таким оно должно стать для читателя. Только в этом случае можно говорить о точном понимании авторского содержания.

Порождение речи как вид психической деятельности едино, тогда как формы её выражения разные: устная и письменная. Для них используются разные средства, в связи с чем у них разное восприятие – слуховое и зрительное. Но содержание одно и то же – авторское. Оно не предполагает никаких поисков дополнительных смысловых нюансов и оттенков, ибо это уже будем совсем иное содержание.

При устном общении адекватное восприятие речи осуществляется благодаря интонации говорящего – мелодике, ударениям, паузам, – и поэтому оно не вызывает у слушателей затруднений. С письменной речью читателю нужно научиться работать самостоятельно, чтобы добиться её точного понимания. Ему необходимо осознать её авторскую интонацию, что позволит идентифицировать реальную (авторскую) структуру её исходных единиц и на их основе точно определить передаваемое авторское содержание.

Многие ошибки при чтении обусловлены недостаточным объёмом знаний и речевого опыта читателя, а также огрехами в лингвистической науке. Так, согласно господствующей в лингвистике концепции предложение как центральная единица речи строится из отдельных слов, в связи с чем обучение чтению ведётся с опорой на слово. Её сторонники не обращают внимания на то, что воспринимается речь не в результате сложения значений этих слов. Выходит, что у неё разные принципы шифрации и дешифрации, и это не учитывается её сторонниками. Нам не удалось найти ни одного человека, даже среди представителей данной концепции, кто строил бы в своей речи предложения в соответствии с декларируемой теорией.

В своё время В. фон Гумбольдт в нескольких предложениях точно отразил реальную картину порождения речи: *«Речь течет непрерывным потоком, и говорящий, прежде чем задуматься над языком, имеет дело только с совокупностью подлежащих выражению мыслей. Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения*

словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи» [Гумбольдт, 1964: 100].

Таким образом, Гумбольдт отмечает последовательную линейность, спонтанность и автоматизм речи (*течёт непрерывным потоком*). Внимание её субъекта сосредоточено на передаваемом содержании (*на предназначенных для передачи мыслях*).

Ошибочно полагать, что сначала люди установили слова в качестве наименований предметов окружающего мира, а потом при необходимости стали сознательно и целенаправленно вылавливать их из словаря и, соединяя, подгонять их к содержанию речи. В процессе психической деятельности человека результаты его мышления автоматически осуществляются в лингвистической форме. В сознании человека окружающий мир соотносится с системой кодовых лингвистических единиц. В реальности речь вообще не строится, тем более из отдельных слов. Она спонтанно порождается. Она, по Гумбольдту, выливается: между мышлением и речью нет временных промежутков. При передаче информации в процессе её порождения слова мгновенно возникают в сознании в виде единых структурно-смысловых лексических комплексов, отражающих недискретные фрагменты содержания.

На наш взгляд, В. фон Гумбольдт представил весьма убедительную картину порождения речи, в связи с чем его мысль целесообразно принять в качестве первого и главного методологического принципа исследования речи и руководства при оценке сделанных выводов и их верификации.

Сторонники речепорождающей функции слова не учитывают того, что воспринимается устная речь и каждая её фраза (а на письме – каждое предложение) не на уровне значений слов как отдельных, самостоятельных единиц языка в результате последовательного сложения их значений. С этим фактом они согласны, но почему-то его не учитывают. У них порождение речи и её восприятие не объединены единым принципом. Но *если речь воспринимается не на уровне значений отдельных слов, следовательно, не из них непосредственно она и составлена*. Не выяснив причин этого противоречия, трудно представить убедительную концепцию порождения и восприятия речи. Кроме того, нельзя надеяться на какие-либо успехи в обучении языку и чтению с адекватным пониманием содержания.

Становится очевидным и второй принцип исследования: структура и содержание речи непосредственно составлены не просто из лингвистических единиц, а из тех речевых единиц, на основе которых она воспринимается.

Так что необходимо учитывать (1) дифференциацию лингвистических единиц,

(2) структуру речевых единиц и (3) реальные единицы восприятия речи, чтобы объективно получить подлинные единицы её построения. Они основа любого общения – устного и письменного.

В устном общении, благодаря интонации, минимальные речевые единицы легко воспринимаются слушателями. При трансформации устной или внутренней речи в письменную они получают графическое выражение и составляют формат и содержание всех предложений и текста в целом.

При исследовании речи учитываются такие принципы:

1) порождение речи осуществляется в результате последовательного линейного наращивания минимальных речевых единиц (синтагм), а не в результате реализации структурной схемы предложения путём заполнения её типичных синтаксических позиций;

2) последовательное разграничение сферы языка как общего арсенала лингвистических средств и сферы речи как индивидуального спонтанного их использования в процессе речевой деятельности;

3) последовательное разграничение единиц языка и единиц речи;

4) разграничение речевых единиц устной и письменной речи;

5) разграничение речевых единиц в зависимости от их участия в порождении речи или в её традиционном оформлении;

6) единый нерасчленённый компонент содержания можно передать соответствующей единой структурой речи (синтагмой), которая является предельно минимальной речевой единицей;

7) синтагма является минимальной, недискретной речевой структурой, отражающей элементарный компонент содержания, даже если она включает несколько элементов языка, так как речевых единиц меньше синтагмы нет;

8) реальные единицы восприятия речи легко проявляются в устном общении как естественной его форме в результате их интонационной делимитации говорящим; из них он составляет структуру и содержание своей речи, на их основе она и воспринимается слушателями;

9) устная речь воспринимается посинтагмно и является надёжной опорой при верификации результатов исследования, так как она обусловлена природой, наглядно представляет свою структуру, люди овладевают ею самостоятельно уже в детском возрасте, тогда как письменная речь – искусственная форма, требующая длительного и всестороннего изучения.

В качестве методологической основы исследования проблем речи наиболее уместны концепции В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1964], А. И. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де

Куртенэ, 1963], В. В. Виноградова [Виноградов, 1975], Г. Пауля [Paul, 2002], А. А. Потебни [Потебня, 1993] и Л. В. Щербы [Щерба, 2004].

Методическая база речевых исследований представлена разнообразными методами и приёмами, среди которых можно выделить следующие: метод наблюдения за речью в разных речевых сферах; метод системного анализа речи, позволяющий осознать её как систему типичных минимальных исходных авторских речевых единиц, на основе которых представлены и воспринимаются мысли и содержание речи в целом; сопоставительный метод – при анализе речи в её устной и письменной формах при определении её реальной авторской структуры и конкретных исходных единиц; метод верификации полученных результатов и выводов как способ проверки их научной основательности; анализ личной речевой деятельности как один из приёмов верификации; приём синтагматической записи речи; метод компонентного (синтагматического) анализа; приём усиления наглядности, при котором на основе делимитации речи последовательно записываются все выделяемые синтагмы, при этом каждой из них отводится отдельная строка, так что при чтении легче осознаются все авторские синтагмы и фразы, появляется возможность сопоставить фразы с авторскими предложениями, выяснить их соответствия и несоответствия; анализ речи с такими этапами: выделение исходных минимальных речевых единиц (синтагм) и выделение составных речевых единиц вторичной сегментация (фраз, предложений, высказываний, текста).

3. Выводы. Верификация декларируемых утверждений, выводов и концепций – это установление их научной достоверности, основательности, проверка их с использованием наиболее уместных действий, методов и приёмов на соответствие их речевой деятельности, а значит, и истине.

Наиболее убедительной будет та концепция построения речи, которая приложима к речевой деятельности человека, независимо от его возраста и знаний, с учётом письменной и устной её формы.

При верификации результатов исследования целесообразно опираться на устную речь, так как это первичная форма общения, она дана человеку природой; каждый ребёнок овладевает ею самостоятельно, для этого ему достаточно находиться в кругу общающихся людей.

Письменная речь – искусственная форма. Она создана людьми. Чтобы овладеть ею, нужно долго и целенаправленно её изучать, формировать и развивать необходимые знания, умения и навыки. Письмо – результат трансформации звуковой формы в графическую. Именно поэтому при верификации её положений необходимо соотносить их с устной речью как первичной формой, на основе которой разрабатывалась письменная

речь. Устной речью люди наделены природой, а письменную они составили сами.

Необходимость такого подхода диктуется появлением лингвистических концепций, которые не всегда соотносятся с речевой деятельностью и часто содержат гипотетические, виртуальные сведения и поэтому вызывают сомнения в своей достоверности и уместности. Например, господствующие концепции вводных слов и обращений утверждают, что вводные слова и обращения не являются членами предложения, что грамматически они не связаны ни с членами предложения, ни с предложением в целом, занимая в нём факультативное положение. Поэтому они могут быть опущены без ущерба для структуры и содержания предложения.

Однако при верификации выясняется, что вводные слова в предложении относятся или к какому-то члену предложения, или к предложению в целом. Это первое несоответствие. Изъять вводное слово из предложения нельзя, так как при этом нарушается смысл предложения. Причём вводное слово может передавать главный смысловой акцент, и в этой ситуации можно опустить даже главные члены предложения, но вводное слово опустить нельзя. Это второе несоответствие. Ср.:

– *Speaking is the most difficult aspect of learning English. – Definitely.*

При подобной оценке вводных слов ход рассуждений примерно таков. Система членов предложения вполне определилась в науке: главные (подлежащее и сказуемое) и второстепенные (дополнение, определение и разные виды обстоятельств). Вводные слова не относятся к главным членам предложения, не выполняют они и функций второстепенных членов. Следовательно: они факультативны, так как не связаны со структурой членов предложения. Посылки вроде бы верные, но вывод сомнительный.

В этой ситуации более уместны совсем иные выводы:

1. Если вводные слова в предложении не входят ни в группу главных его членов, ни в число его второстепенных членов, то все ли возможные структурно-смысловые части предложения определены, квалифицированы и изучены в лингвистике?

2. Если вводные слова в предложении не соотносятся ни с предикативной связью, ни с сочинительной, ни с подчинительной, то все ли виды связи определены и изучены?

Та же ситуация и с верификацией концепции обращения. Дескать, обращение – факультативный компонент, не обязательный для структуры и содержания предложения.

Чтобы показать неуместность такого вывода приведём следующие строки Огдена Нэша:

*Come, **children**, gather round my knee,
Something is about to be.
Tonight's December thirty-first,
Something is about to burst.
Hark! It's midnight, **children dear**.
Duck! Here comes another year.*

Попытайтесь опустить выделенные обращения. Что произойдет с поэтическими строками? А главное, насколько будут уместны и правомерны подобные действия?

Как видим, существующие концепции вводных слов и обращения при первых же попытках их верификации вызывают сомнения относительно их соответствия речевой деятельности и научной истине. Поэтому они не могут быть приняты. И такие концепции в современной науке не единичны.

В процессе освоения знаний следует постоянно прибегать к приёму верификации – как для установления истинных мыслей, так и для выявления ошибочных утверждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева С. В. Основные и вспомогательные единицы устной коммуникации // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 19-28.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. О задачах языкознания // Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. Москва: Издательство АН СССР, 1963. Т. 1. С. 203-221.
3. Виноградов В. В. Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л. В. Щербы // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. Москва: Наука, 1975. С. 488-516.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Москва: Просвещение, 1964. Ч. I. С. 73-104.
5. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
6. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
7. Aarts B. English Syntax and Argumentation. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol. 2001. 327 p. (Modern linguistics series).
8. Baird L., Evans N., Greenhill S. J. Blowing in the wind: Using ‘North Wind and the Sun’ texts to sample phoneme inventories // Journal of the International Phonetic Association. 2011. No. 52 (3). P. 453-494.
9. Baker A. E., Hengeveld K. Linguistics. Blackwell Publishing Ltd., 2012. 469 p.
10. Denham K., Lobeck A. Linguistics for Everyone: An Introduction. Wadsworth, Cengage Learning. Boston, USA, 2013. 575 p.
11. Forsyth M. The Elements of Eloquence: How to Turn the Perfect English Phrase. London: Icon Books, 2013. 205 p.
12. Found, P. Translation or Adaptation? // Journal of Classics Teaching. 2017. No. 18. P. 8-10.
13. Kuperman, V. et. al. Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus // Studies in Second Language Acquisition. 2022. No. 45. P. 1-35.
14. Paul H. Principien der Sprachgeschichte. Tübingen, Niemeyer, 2002. 288 s.
15. Ruppel A. On Language Teaching // Journal of Classics Teaching. 2018. No. 19(37). P. 53-57.

REFERENCES

1. Andreeva, S. V. (2007). Osnovnye i vspomogatelnye edinitsey ustnoy kommunikatsii [Core and enabling units of verbal communication]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Vol. 7. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. Iss. 2. Pp. 19-28. (In Russ.).

2. Baudouin de Courtenay, J. N. I. (1963). O zadachakh yazykoznaniiya [To the problems of linguistics]. In *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu: v 2-kh tomakh*. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. Vol. 1. Pp. 203-221. (In Russ.).
3. Vinogradov, V. V. (1975). Sintaksicheskie vzglyady i nablyudeniya akademika L. V. Shcherby [L. V. Shcherba's syntax views and considerations]. In *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike*. Moskva: Nauka. Pp. 488-516. (In Russ.).
4. Humboldt, W. von. (1964). O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitiye chelovecheskogo roda [On differences in the structure of human languages and its influence on the intellectual development of the human race]. In *Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Moskva: Prosveshchenie. Ch. 1. Pp. 73-104. (In Russ.).
5. Potebnya, A. A. (1993). *Mysl i yazyk* [Thought and language]. Kiev: SINTO. (In Russ.).
6. Shcherba, L. V. (2004). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language system and speech activity]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
7. Aarts, B. (2001). *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol. (Modern linguistics series).
8. Baird, L., Evans, N., Greenhill, S. J. (2021). Blowing in the wind: Using 'North Wind and the Sun' texts to sample phoneme inventories. In *Journal of the International Phonetic Association*. No. 52(3). Pp. 453-494.
9. Baker, A. E., Hengeveld, K. (2012). *Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd.
10. Denham, K., Lobeck, A. (2013). *Linguistics for Everyone: An Introduction*. Wadsworth, Cengage Learning. Boston, USA.
11. Forsyth, M. (2013). *The Elements of Eloquence: How to Turn the Perfect English Phrase*. London: Icon Books.
12. Found, P. (2017). Translation or Adaptation? In *Journal of Classics Teaching*. No. 18. Pp. 8-10.
13. Kuperman, V. et. al. Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus. In *Studies in Second Language Acquisition*. No. 45. Pp. 1-35.
14. Paul, H. (2002). *Principien der Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer.
15. Ruppel A. On Language Teaching. In *Journal of Classics Teaching*. No. 19(37). Pp. 53-57.

Филатова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: e.filatova@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Filatova Elena V. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of English for Natural Sciences and Humanities Department (e-mail: e.filatova@donnu.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 10 марта 2023 г.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН СО ЗНАЧЕНИЕМ 'КРАСОТА' В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ

В статье представлены результаты анализа структурных особенностей английских женских личных имен со значением 'красота'. Анализ структуры женских имен со значением 'красота' показал превалирование одноосновных единиц. Определены основные словообразовательные модели женских антропонимов. Установлены способы образования женских имен со значением 'красота'. Описаны некоторые лингвокультурологические особенности английских женских имен со значением 'красота'.

Ключевые слова: антропоним, личное имя, антропонимикон, структура, словообразование.

STRUCTURAL PECULIARITIES OF FEMALE PERSONAL NAMES WITH MEANING 'BEAUTY' IN ENGLISH ANTHROPONYMIC VOCABULARY

The study addresses to the analysis of the structural peculiarities of English female personal names with the meaning 'beauty'. The structural analysis of female names with the meaning 'beauty' shows the prevalence of one-part anthroponyms. The major word-formation models of female anthroponyms are specified. Formation means of female names with the meaning 'beauty' are determined. Some linguocultural peculiarities of English female names with the meaning 'beauty' are described.

Key words: anthroponym, personal name, anthroponymic vocabulary, structure, word formation.

1. Вводные замечания

Данная статья посвящена рассмотрению структурных особенностей женских личных имен (далее – ЛИ) со значением 'красота' в англоязычной ономастической картине мира, то есть таких единиц, как:

- *Aurora* (means 'dawn' in Latin. Aurora was the Roman goddess of the morning. It has occasionally been used as a given name since the Renaissance) [Behind the Name];
- *Athena* ([ə'ti:nə] ж Атина, традиц. Афина /лат. *Athenae* < др.-греч. *Athēna* – *Афина*/. В древнегреческой мифологии Афина – богиня мудрости и военного искусства, отождествляемая с древнеримской богиней мудрости Минервой) [Рыбакин, 2000];
- *Elfleda* ((f.) English: Latinized form of the Old English female personal name *Æðelflǣd*, composed of the elements *æðel* 'noble' + *flǣd* 'beauty'. It was revived briefly in the 19th century) [Hanks, Hodges, 2006].

Антропонимы являются культурными социокодами, в семантике и структуре которых кодируются многовековые ценности, традиции и верования народа. Современная лингвистическая литература предлагает широкий выбор ономастических исследований, выполненных в лингвокультурологическом ракурсе [Ермолович, 2001; Кисель, 2009; Леонович, 2002; Плотникова, 2013; Щербак, 2012]. В литературе также представлены исследования лексикографического аспекта антропонимов [Ковалева, 2014; Чечина, 2023]. При осуществлении лингвокультурологического анализа семантики и структуры антропонимов невозможно обойти работы по лексической семантике и лингвокультурологии [Пефтиева, 2011; Vyessonova, 2018, 2021]. **Актуальным** представляется рассмотреть особенности структуры английских антропонимов в лингвокультурологическом аспекте на материале английских женских ЛИ со значением 'красота'. **Целью статьи** является установление и описание особенностей структуры английских женских ЛИ со значением 'красота'. **Объектом** исследования данной работы выступают английские женские ЛИ со значением 'красота', а **предметом** – их структурные особенности.

Материалом исследования послужили 400 женских ЛИ со значением 'красота' (среди них 235 полных, 165 сокращенных форм и дериватов). Источниками антропонимов выступили такие словари английских ЛИ, как «A Dictionary of First Names» [Hanks, 2006] и «Словарь английских личных имен» [Рыбакин, 2000]. Для объективности исследования при анализе учитывались только полные формы ЛИ, так как структура дериватов и сокращенных форм изменяется при усечении и аффиксации.

2. Общая характеристика особенностей структуры английских антропонимов.

2.1. Структурные особенности ЛИ в английском языке. Анализ структуры английских ЛИ позволяет выделить одноосновные, восходящие к одному апеллятиву, и двухосновные ЛИ, восходящие к двум апеллятивам. Одноосновные имена развивались из апеллятивов естественным путем, двухосновные – создавались специально из основ, уже вовлеченных в антропонимический ряд, по имеющимся моделям.

В предисловии к «Словарю английских личных имен» [Рыбакин, 2000] предлагается классификация ЛИ, основанная на фонологических и морфологических признаках антропонимов. Так, выделяются три группы английских ЛИ: 1) полные или исходные имена: *Agnes, Elizabeth*; 2) их варианты: *Annis, Elspeth*; и 3) дериваты: *Aggie, Betty*.

Под термином «дериват» понимаются все виды производных имен (ласкательные, уменьшительные, фамильярные), которые не поддаются четкой дифференциации

[Рыбакин, 2000]. Кроме того, автор словаря отмечает, что основными способами образования дериватов являются сокращение и аффиксальное словопроизводство. Например, при помощи сокращения образуются сокращенные варианты: *Margaret – Meg*. Аффиксальное словопроизводство служит для образования гипокористических имен: *Elizabeth – Eliza – Lizzie, Betty*. Здесь важно отметить, что аффиксация выступает как своеобразная вторичная деривация по отношению к сокращению и обычно не используется без него [Рыбакин, 2000].

2.2. Основные способы образования английских ЛИ. Среди способов образования английских антропонимов можно выделить лексико-семантические и морфологические способы.

К лексико-семантическим способам относится семантическая онимизация (термин [Подольская, 1990]), которая сопровождается субстантивацией, в результате чего образуются имена собственные, омонимичные апеллитивам, лежащим в их основе. Семантическая онимизация бывает простой, метафорической и метонимической [Подольская, 1990].

В процессе простой семантической онимизации имена собственные образуются от апеллитивов без деривации. Они отражают свойства и качества объекта именованного, сохраняя семантику апеллитивов лишь в некоторой степени [Подольская, 1990], например, *Amethyst* (англ. *amethyst* ‘аметист’).

Метафорическая онимизация происходит на основе сходства имени объекта с каким-либо признаком объектов окружающей действительности. Так, например, женщинам часто даются имена, этимологически связанные с названиями цветов и растений: *Lilian* (англ. *lily* ‘лилия’). Выбор таких имен мотивирован ассоциациями цветов с красотой, изяществом, утонченностью.

В основе метонимической онимизации лежит смысловая ассоциация по смежности именуемого объекта и объекта окружающей действительности. С помощью метонимического переноса образованы, в основном, древнеанглийские имена, в которых какой-либо компонент обозначает часть, которая служит для именованного целого (*Elflæda* (др.-англ. *ælf* ‘эльф’ и *flæd* ‘красота’)).

В свою очередь морфологические способы образования антропонимов включают [Керова, 2019; Розенталь, 1985]:

1. Словосложение – образование новых слов путем объединения в одно целое двух и более основ, например, *Mary + Anna = Marianna, Mira + Bella = Mirabella*.

3. Сращение – образование нового имени путем объединения частей двух имен,

например: *Elma* < *Elizabeth* + *Mary*; *Jancis* < *Jane* + *Frances*.

2. Аффикация – образование слов с помощью аффиксов. Аффикация происходит за счет добавления суффиксов: *Lynn* + французский диминутивный суффикс *-ette* = *Lynette*, *Lucia* + *-inda* = *Lucinda*;

4. Усечение – образование новых слов путем сокращения, например, *Flo* < *Florence*, *Bert* < *Albert*.

3. Основные результаты исследования

3.1. Структурные типы английских женских личных имен со значением 'красота'. Компонентный анализ корпуса языкового материала показал, что по количеству компонентов английские женские ЛИ со значением 'красота' делятся на одноосновные и двухосновные. Значительная часть исследуемых антропонимов (182 ед., 77,4%) являются одноосновными антропонимами, в то время как количество двухосновных женских ЛИ значительно меньше – всего 53 единицы (22,6%).

Одноосновные имена включают один компонент, они образованы от апеллиатива, который характеризует именуемого по какому-либо признаку. Так как нами рассматриваются женские ЛИ, в основе которых лежат апеллиативы, ассоциирующиеся с красотой, уточним, что в имени может содержаться прямое указание на красоту, если оно образовано от прилагательного или существительного, описывающего внешнюю привлекательность девушки, как, например, в именах *Anne* (др.-евр. *hannah* 'миловидная, симпатичная'), *Belle* (фр. *belle* 'красивая'). Но чаще имена образуются от апеллиативов, которые связаны с красотой косвенно, через ассоциации по каким-либо признакам, указывающим на то, что люди вкладывают в это понятие. Например, многие женские ЛИ происходят от названий цветов, трав и деревьев: *Peony* (англ. *peony* 'пион'), *Holly* (англ. *holly* 'падуб, остролист'), *Heather* (англ. *heather* 'вереск'), поскольку красоту девушки связывают с такими качествами, как нежность, изящество, гибкость, стройность.

В основе двухосновных имен могут лежать апеллиативы или два ЛИ, объединенные путем словосложения. Понятие «красота» может актуализироваться как в значении одного из компонентов имени, так и в совокупности значений двух антропооснов. Среди двухосновных женских имен также можно выделить три группы, включающие исконные имена, происходящие от древнегерманских языков, заимствованные имена и исконные имена, образованные на современном этапе развития языка.

В англосаксонский период жители Англии придерживались традиционных германских принципов присвоения имен, согласно которым человеку давалось только

имя. Такие имена преимущественно образованы путем объединения двух типичных компонентов, число которых было ограничено, но их можно было комбинировать с помощью множества способов [Redin, 1919]. Например, имя *Rosamund* образовано путем сложения двух основ: др.-вн. *hros* ‘конь, лошадь’ и *munt* ‘защита’. Таким образом, для каждого человека создавалось уникальное имя, в результате чего имена повторялись очень редко [Chetwood, 2018]. Данная традиция именования также связана с мифологическим сознанием англосаксов, которые верили, что имя служит особым талисманом, который будет защищать его носителя и покровительствовать ему. Поэтому именные темы часто заключали в себе пожелания или положительные качества, например, имя *Rowena* состоит из таких компонентов, как *hrod* ‘слава’ и *wynn* ‘радость’.

Древнегерманская именная система была строго структурирована. Существовал особый фонд именных тем, из которого выбирались компоненты имени. При этом некоторые из них могли стоять только на первом либо на втором месте, а часть именных тем могла занимать любую из этих позиций. Вторым компонентом часто указывал на род, поэтому некоторые именные темы использовались для создания только мужских, либо только женских имен. Наиболее распространенными компонентами, образующими женские имена, были имена существительные женского рода, такие как *frithu* ‘мир, безопасность, приют’, *guth* ‘война’, *burg*, *burh* ‘крепость, замок’, *gifu*, *gyfu* ‘дар, подарок, благоволение, милость’ и др. [Рыбакин, 2000]. Среди антропооснов, служащих для образования женских ЛИ, очень мало компонентов со значением ‘красота’. Среди них можно выделить существительное *flæd* ‘красота’ (*Elflæda* (др.-англ. *ælf* ‘эльф’ + *flæd* ‘красота’)) и прилагательное *lind* ‘мягкий, гибкий, нежный’ (*Rosalind* (др.-вн. *hros* ‘лошадь’ + *lind* ‘мягкий, нежный’)). Поскольку англосаксонское общество постоянно находилось под угрозой военных конфликтов, в женщине больше ценилась не красота, а способность примирять враждующих, спланировать общество, вдохновлять воинов на подвиги. Кроме того, двухосновные имена обычно давались представительницам знати, которые считались образцом мудрости и достоинства. Таким образом, древнеанглийские женские имена отражали героическое восприятие мира англосаксов, а также их ценности, среди которых были власть, достаток, слава, благородство.

Зафиксировано большое количество заимствованных единиц, которые пополняли английский антропонимикон на разных этапах его развития. Наиболее заметно влияние греческого и латинского языков, что связано с историческими факторами, а также с интересом к древнегреческой и древнеримской мифологии. Среди греческих и латинских двухосновных женских ЛИ, образованных от апеллятивов со значением ‘красота’, можно

выделить такие имена, как *Florimel* (лат. *flos* 'цветок' и *mel* 'мед'), *Melrose* (лат. *mel* 'мёд' и *rosa* 'роза'), *Calliope* (др.-греч. *kallos* 'красота' и *ops* 'голос'). Также в английском антропонимиконе наблюдается значительное количество заимствований из гаэльского, валлийского, ирландского и древнескандинавского языков, что объясняется близким географическим расположением и тесными культурными и историческими связями этих культур, например, *Malvina* (гаэльск. *mala* 'бровь' и *min* 'гладкий'), *Arianwen* (валл. *arian* 'серебро' и *gwen* 'белый, светлый, благословенный'), *Muriel* (ирл. *muir* 'море' и *gel* 'яркий'), *Astrid* (одр.-сканд. *ass* 'бог' и *fridr* 'светлый, красивый').

3.2. Словообразовательные модели английских женских личных имен со значением 'красота'. В результате анализа морфологических характеристик исследуемых антропонимических единиц были выявлены наиболее и наименее продуктивные словообразовательные модели женских ЛИ со значением 'красота'.

3.2.1. Среди одноосновных женских ЛИ преобладают единицы, образованные от существительных (131 ЛИ, 72%). Продуктивность этой словообразовательной модели обусловлена тем, что имена существительные, как и антропонимы, выполняют номинативную функцию. Одноосновные женские ЛИ преимущественно образованы от названий растений, животных, драгоценных камней и материалов, теплых времен года, весенних и летних месяцев, небесных светил, мифологических существ, например, *Pansy* (англ. *pansy* 'анютины глазки'), *Beryl* (англ. *beryl* 'берилл'), *Star* (англ. *star* 'звезда').

Периферийную группу составляют одноосновные ЛИ, образованные от прилагательных (43 ЛИ, 23,6%). Апеллятивы, лежащие в основе антропонимов этой группы, имеют описательный характер. По данной словообразовательной модели образуются женские ЛИ, в которых содержатся указания на качества, связанные с привлекательностью девушки, например, *Isolde* (ср.-валл. *essyllt* 'прекрасная'), *Belle* (фр. *belle* 'красивая'), *Bonita* (исп. *bonita* 'хорошенькая').

Согласно результатам анализа, наименее продуктивной словообразовательной моделью является модель, по которой одноосновные женские ЛИ образуются от глаголов. Группа данных ЛИ представлена лишь 8 единицами, что составляет 4,4%. В нее вошли только заимствования из греческого языка, такие как *Amaryllis* (др.-греч. *amarysso* 'сиять'), *Thalia* (др.-греч. *thallo* 'цвести').

3.2.2. Анализ морфологических характеристик двухосновных женских личных имен со значением 'красота' позволил выделить ряд словообразовательных моделей.

Наиболее многочисленную группу составляют двухосновные женские ЛИ,

образованные по модели «существительное + существительное» (19 ЛИ, 35,8%), например, *Elfleda* (др.-англ. *ælf* ‘эльф’ и *flæd* ‘красота’), *Rowena* (др.-англ. *hroð* ‘слава’ и *wynn* ‘радость’). Продуктивность данной словообразовательной модели объясняется преимуществом существительных, использующихся в качестве компонентов двухосновных имен.

Периферийную группу (17 ЛИ, 32,1%) составляют антропонимы, образованные путем сложения двух имен, например, *Rosanna* (*Rose* + *Anna*), *Aprilann* (*April* + *Ann*), *Dulcibella* (*Dulcie* + *Bella*).

Группа двухосновных женских ЛИ, образованных по словообразовательной модели «существительное + прилагательное», представлена 14 единицами, что составляет 26,4%. Данные антропонимы использовались в качестве пожелательных имен или имен-характеристик [Сысоева, 2016]. Например, в имени *Malvina* (гаэльск. *mala* ‘бровь’ и *min* ‘гладкий’) отражены стандарты красивой женской внешности.

Наиболее малочисленную группу двухосновных женских ЛИ составляют единицы, образованные путем сложения глагола и существительного (3 ЛИ, 5,7%), например, такие как *Melody* (др.-греч. *melos* ‘песня’ и *aeido* ‘петь’), *Cassandra* (др.-греч. *kekasmai* ‘сиять’ и *aner* ‘мужчина’).

3.3. Способы образования английских женских личных имен со значением ‘красота’. Структурный анализ материала показал, что основными способами образования английских женских ЛИ со значением ‘красота’ являются морфологические способы и семантическая онимизация. Были исследованы как полные, так и сокращенные формы имен, а также дериваты.

Среди исследуемых единиц было зафиксировано незначительное преобладание женских ЛИ, образованных морфологическими способами (201 ЛИ, 50,2%). Популярность и продуктивность данного типа связана с современной тенденцией использовать гипокористики и диминутивы в качестве официальных форм именования, а также со стремлением иметь более простое и благозвучное имя. Морфологические способы образования антропонимов представляют собой изменения морфемного состава полного или исходного имени [Рыбакин, 2000]. Словообразовательный анализ материала исследования позволил выделить такие морфологические способы, как онимическая деривация, усечение и словосложение.

Наиболее многочисленную группу составляют женские ЛИ, образованные с помощью онимической деривации. Данный способ используется для образования уменьшительно-ласкательных форм ЛИ, например, *Florry* < *Florence* + -y, *Mandy* < *Amanda* + -y,

Rachie < *Rachel* + *-ie*. Новые имена также могут образовываться от полных форм ЛИ с помощью аффиксации, не сопровождающейся усечением, например, *Florinda* < *Flora* + *-inda*, *Annette* < *Ann* + *-ette*, *Pearlie* < *Pearl* + *-ie*. Гипокористические формы, используемые для именования людей в неформальной обстановке, а именно в кругу семьи, друзей или знакомых, обычно выражают позитивное отношение к именуемому. Кроме того, деривация используется для образования женских ЛИ от мужских, например, *Georgina* < *George* + *-ina*, *Mignonette* < *Mignon* + *-ette*, *Daria* < *Darius* + *-a*. Данные суффиксы могут использоваться как для образования уменьшительно-ласкательных форм имен, так и для образования вариантов полных личных имён, которые потенциально могут перейти в разряд официально зарегистрированных антропонимов [Керова, 2017].

Периферийным способом образования новых ЛИ является усечение, которое происходит путем сокращения какой-либо части исходного ЛИ. Так, в процессе анализа были выявлены ЛИ, образованные с помощью аферезиса (отсечение начального слога имени): *Dora* < *Eudora*, *Linda* < *Belinda*, *Manda* < *Amanda*; синкопы (сокращение слогов в середине имени): *Miette* < *Mignonette*, *Margie* < *Marjorie*; апокопы (отсечение слогов в конце имени): *Flo* < *Florence*, *Pam* < *Pamella*, *Bea* < *Beata*. Кроме того, для образования некоторых дериватов могут применяться два типа усечения, например, *Mae* < *Amabel* (аферезис + апокопа), *Mag* < *Margaret* (синкопа + апокопа). Тенденция использовать сокращенные имена, образуемые данным способом, обусловлена стремлением к языковой экономии и лаконичности в именовании. Краткие формы считаются более современными и часто используются вместо полных форм тех ЛИ, которые уже начали выходить из употребления.

Наиболее малочисленную группу составляют ЛИ, образованные с помощью словосложения, которое происходит путем слияния двух ЛИ в одно, например, *Lilybelle* < *Lily* + *Belle*, *Annabella* < *Anna* + *Bella*, *Marianne* < *Marry* + *Anne*, *Maybelle* < *May* + *Belle*. Использование данного способа создания имен было обусловлено желанием иметь благозвучное и оригинальное имя [Рыбакин, 2000].

Вторым по продуктивности способом образования женских ЛИ со значением 'красота' в англоязычном антропонимиконе является семантическая онимизация (199 ЛИ, 49,8%). Широкое использование антропонимов, образованных данным способом, объясняется прозрачностью их семантики и желанием имядателя наделить именуемого определенными качествами. В ходе анализа были выделены три механизма семантической онимизации: простая онимизация, метафорический и метонимический перенос.

В процессе простой семантической онимизации женские ЛИ образуются от апеллятивов, которые отражают признаки и свойства именуемого объекта, например, *Isolde* (кельт. *essyllt* ‘прекрасная, красивая’), *Candida* (лат. *candida* ‘ослепительно белая, блистающая красотой’), *Blythe* (англ. *blithe* ‘весёлый, счастливый’).

Метафорический перенос происходит на основе действительного или кажущегося сходства именуемого объекта с каким-либо объектом окружающей действительности или его признаками. Вслед за [Сысоева, 2016], было выделено три его основных типа: 1) наделение носителя имени качествами и свойствами объектов живой природы (*Ivy* (англ. *ivy* ‘плющ’), *Cherry* (англ. *cherry* ‘вишня’), *Leah* (др.-евр. *le'ah* ‘антилопа’), *Lark* (англ. *lark* ‘жаворонок’)); 2) наделение объекта именованию признаками неодушевленных предметов (*Amber* (англ. *amber* ‘янтарь’), *Selina* (др.-греч. *selene* ‘луна’)); 3) ассоциация имени объекта номинации со свойствами абстрактных понятий (*Felicity* (лат. *felicitas* ‘счастье’), *Pleasance* (англ. *pleasance* ‘удовольствие’)).

Наименее продуктивным механизмом образования ЛИ является метонимический перенос, который основывается на смысловой ассоциации по смежности именуемого объекта и объекта окружающей действительности. С помощью метонимического переноса образованы двухосновные ЛИ, в которых какой-либо компонент обозначает часть, которая служит для именованного целого, например, *Malvina* (гаэльск. *mala* ‘бровь’ и *min* ‘гладкий’), *Bronwen* (валл. *bron* ‘грудь’ и *gwen* ‘белый’).

4. Выводы

1. В современном языкознании антропоним рассматривается не только как средство идентификации индивида, но и как знак, отсылающий к реальности и отражающий все происходящее в ней под влиянием исторических, культурных и социальных факторов.

2. В результате структурного анализа женских имен со значением ‘красота’ были выделены одноосновные и двухосновные ЛИ. Преобладание одноосновных ЛИ обусловлено стремлением к языковой экономии, а также желанием иметь лаконичное и благозвучное имя. По этимологии одноосновные и двухосновные антропонимы делятся на исконные исторические, заимствованные и исконные современные имена.

3. Анализ морфологического состава материала исследования позволил выявить основные словообразовательные модели женских ЛИ. Согласно данным анализа, одноосновные имена образуются преимущественно от существительных и прилагательных. Имена, в основе которых лежит глагол, встречаются очень редко и представлены только заимствованиями из греческого языка. Среди двухосновных женских ЛИ наиболее продуктивными являются словообразовательные модели

«существительное + существительное», «личное имя + личное имя», «существительное + прилагательное». Данный факт обусловлен особенностями функционирования указанных частей речи, которые позволяют использовать их для описания именованного и наделяния его какими-либо качествами.

4. Структурный анализ исследуемых антропонимов позволяет выделить основные способы образования женских ЛИ со значением 'красота': семантическая онимизация (простая, метафорическая, метонимическая) и морфологические способы (онимическая деривация, усечение, словосложение), последние из которых являются наиболее продуктивными. Это обусловлено современной тенденцией использовать гипокористики и диминутивы в качестве официальных имен, а также стремлением к простоте изложения, характерным для современного этапа развития языка. Популярность семантической онимизации в свою очередь объясняется желанием наделять именованного положительными качествами, придать имени символический смысл.

5. Понятие 'красота' является одним из наиболее значимых компонентов в англоязычной картине мира, поскольку оно отражает систему ценностей и особенности восприятия прекрасного в данном лингвосообществе. Представления о красоте закреплены в семантике английских женских ЛИ, что обусловлено свойством антропонимов накапливать фоновые знания, включающие культурно-исторические факты, а также особенности мировосприятия людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Москва: Р. Валент, 2001. 198 с.
2. Керова Л. В. Личные имена в английском и немецком языках: лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Донецк, 2019. 266 с.
3. Керова Л. В. Образование гипокористических форм личных имён в английском и немецком языках // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 49-57.
4. Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2009. 183 с.
5. Ковалева М. С. Отражение семантики имен собственных в английских антропонимических словарях // Альманах современной науки и образования. 2014. № 1 (80). С. 56-59.
6. Леонович О. А. В мире английских имен. Москва: Астрель, 2002. 157 с.
7. Пейтеева Е. Ф. Образность как семантический компонент лексического значения слова: лингвокогнитивный аспект (на материале существительных-наименований лица в английском и украинском языках): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.17. Донецк, 2011. 281 с.
8. Плотникова Л. И. Имя личное: гендерный подход (на материале русского и китайского языков) // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2013. № 4-1. С. 220-233.

9. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40-53.
10. Сыроева Е. С. Оценочные антропонимы в английском языке и культуре. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 206 с.
11. Чечина И. В. Гендерные особенности английской антропонимической лексики: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Донецк, 2023. 247 с.
12. Щербак А. С. Картина мира – языковая картина мира – региональная ономастическая картина // Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов, 2012. С. 67-71.
13. Byessonova O. L. Evaluative Designations of Person in Non-cognate Languages // Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations. Berlin: Peter Lang, 2018. P. 77-93.
14. Byessonova O. L. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community // The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries / ed. by M. Jakimovska-Toshikj, K. Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259-284.
15. Chetwood J. Re-evaluating English personal naming on the eve of the Conquest // Early Medieval Europe. 2018. Vol. 26. No. 4. P. 518-547.
16. Redin M. Studies on uncompounded personal names in Old English. Uppsala A.-B. Akademiska Bokhandeln, 1919. 252 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Просвещение, 1985. 543 с.
2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. Москва: Астрель, АСТ, 2000. 221 с.
3. Campbell M., Campbell T. Behind the Name: the etymology and history of first names. Available at: <http://www.behindthename.com> (accessed: 29.01.2021).
4. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, N. Y.: OUP, 2006. 484 p.

REFERENCES

1. Ermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennye na styke yazykov i kultur* [Proper names across languages and cultures]. Moskva: R. Valent. (In Russ.).
2. Kerova, L. V. (2019). *Lichnye imena v angliyskom i nemetskom yazykakh: lingvokulturologicheskiy aspekt* [Personal names in English and German: linguocultural aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Donetsk. (In Russ.).
3. Kerova, L. V. (2017). *Obrazovaniye gipokoristicheskikh form lichnykh imen v angliyskom i nemetskom yazykakh* [Formation of hypocoristic forms in English and German]. In *Gumanitarnyy vector*. Vol. 12. No. 2. Pp. 49-57. (In Russ.).
4. Kisel, O. V. (2009). *Konnotativnye aspekty semantiki lichnykh imen* [Connotative aspects of proper names' semantics]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk. (In Russ.).
5. Kovaleva, M. S. (2014). *Otazhenie semantiki imen sobstvennykh v angliyskikh antroponimicheskikh slovaryakh* [Reflection of personal names semantics in anthroponymic dictionaries]. In *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. No. 1 (80). Pp. 56-59. (In Russ.).
6. Leonovich, O. A. (2002). *V mire angliyskikh imen* [In the world of English names]. Moskva: Astrel. (In Russ.).
7. Peftieva, E. F. (2011). *Obraznost kak semanticheskiiy component leksicheskogo znacheniya slova: lingvokognitivnyy aspekt (na materiale sushchestvitelnykh – naimenovaniy litsa v angliyskom i ukrainskom yazykakh)* [Imagery as semantic component of word lexical meaning: linguocognitive aspect (based on nouns – names of person in English and Ukrainian)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.17. Donetsk. (In Russ.).

8. Plotnikova, L. I. (2013). *Imya lichnoe: gendernyy podkhod (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov)* [Personal name: gender aspect (based on Russian and Chinese)]. In *Problema sootnosheniya estessvennogo i sotsialnogo v obshchestve i cheloveke*. No. 4-1. Pp. 220-233. (In Russ.).
9. Podolskaya, N. V. (1990). *Problemy onomasticheskogo slovoobrazovaniya (k postanovke voprosa)* [Problems of onomastic word-formation (question setting)]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 3. Pp. 40-53. (In Russ.).
10. Sysoeva, Ye. S. (2016) *Otsenochnye antroponimy v angliyskom yazyke i kulture* [Evaluative anthroponyms in the English language and culture]. Rostov-on-Don: Izdatelstvo YuFU. (In Russ.)
11. Chechina, I. V. (2023). *Gendernye osobennosti angliyskoy antroponimicheskoy leksiki* [Gender peculiarities of English anthroponymic vocabulary]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Donetsk. (In Russ.).
12. Shcherbak, A. S. (2012). *Kartina mira – yazykovaya kartina mira – regionalnaya onomasticheskaya kartina* [Worldview – language worldview – regional onomastic picture]. In *Cognitivnyye osnovy regionalnoy onomastiki*. Pp. 67-71. (In Russ.).
13. Byessonova, O. L. (2018). *Evaluative Designations of Person in Non-cognate Languages*. In *Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations*. Berlin: Peter Lang. Pp. 77-93.
14. Byessonova, O. L. (2021). *Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community*. In *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries*. M. Jakimovska-Toshikj, K. Žeňuchová (eds). Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University. Pp. 259-284.
15. Chetwood, J. (2018). *Re-evaluating English personal naming on the eve of the Conquest*. In *Early Medieval Europe*. Vol. 26. No. 4. Pp. 518-547.
16. Redin, M. (1919). *Studies on uncompounded personal names in Old English*. Uppsala A.-B. Akademiska Bokhandeln.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Rozental, D. E. (1985). *Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-handbook of linguistic terms]. 3rd ed. rev. and enlar. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
2. Rybakin, A. I. (2000). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [The dictionary of English personal names]. 3rd ed. rev. Moskva: Astrel, AST. (In Russ.).
3. Campbell M., Campbell T. *Behind the Name: the etymology and history of first names*. Available at: <http://www.behindthename.com> (accessed: 29.01.2021).
4. Hanks P., Hodges F. (2006). *A Dictionary of First Names*. Oxford, N. Y.: OUP.

Чечина Ирина Васильевна – старший преподаватель кафедры английской филологии (e-mail: i.chechina@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Chechina Irina V. – Senior Lecturer of English Philology Department (e-mail: i.chechina@donnu.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 13 марта 2023 г.

ОТ СМЕШЕНИЯ ЯЗЫКОВ К СМЕШАННЫМ ТЕКСТАМ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ РУКОПИСЕЙ

В статье исследуются префиксальные существительные в контексте исторического словообразования немецкого языка. Цель исследования – выявить особенности влияния латыни на средневерхненемецкий язык на примере префиксальных существительных, зафиксированных в средневерхненемецких аутентичных рукописях, представляющих разные типы и жанры текстов, временные отрезки и диалектные ареалы. Внимание сосредоточено, прежде всего, на исследовании латинско-средневерхненемецких параллелей и установлении соответствий между латинскими аффиксами и их свн. эквивалентами.

Ключевые слова: *средневерхненемецкий язык, латынь, историческое словообразование, корпус рукописей, смешанный текст, префикс, имя существительное, диалектный ареал.*

© 2023 L. N. Yagupova

FROM LANGUAGE MIXING TO MIXED TEXTS: CORPUS STUDY OF MIDDLE HIGH GERMAN MANUSCRIPTS

This paper deals with prefixal nouns viewed in terms of the historical word-building in German. The purpose of the paper is to reveal the peculiarities of Latin influence on Middle High German on the example of prefixal nouns in Middle High German manuscripts representing different types and genres of texts, time periods and dialect areas. Special emphasis is laid on the study of Latin-Middle High German parallels and finding correspondences between Latin affixes and their Middle High German equivalents.

Key words: *Middle High German, Latin, historical word-building, manuscripts' corpus, mixed text, prefix, noun, dialectal area.*

1. Введение. Смешение языков как явление известно не только учёным, но и всему христианскому миру, очевидно, со времён строительства библейской Вавилонской башни. Притчу о ней находим в старозаветной Книге Бытия, одиннадцатая глава которой начинается словами: «На всей земле был один язык и одно наречие». И захотели сыны человеческие возвеличить себя (сделать себе имя, согласно Библии), построив город и башню до небес. Это действие было противно Богу, и смешал Господь «язык их, так чтобы один не понимал речи другого», и «рассеял их Господь по всей земле» [Книга Бытие, глава 11, 2003-2023]. Наверное, так было положено начало будущим межэтническим конфликтам, связанным с непониманием и недопониманием из-за незнания языков, истории появления отдельных языков и, в конце концов, культур их носителей. Несмотря на это, языки с незапамятных времён контактируют между собой, прежде всего, те из них,

носители которых живут на сопредельных территориях. Отсюда неудивительно, что естественные языки – это смешанные языки [Sprachmischung – Mischsprachen ..., 2018].

Поскольку в Средние века во всей Западной Европе царила латынь, средневерхненемецкий (далее – свн.) язык также представлял собой в некотором роде смешение с латинским языком, а свн. рукописи – смешанные тексты. В свн. период не было единого литературного языка, существовали многочисленные диалекты, поэтому латынь была *lingua franca* католической церкви, которая главенствовала в обществе, и до XIII века – даже языком канцелярий [Wegera, 2000: 1309]. К.-П. Вегера подчёркивает, что в исследуемый период лишь изредка проза представляла собой аутентичные немецкие тексты: в раннесвн. рукописях речь шла о переводах с латыни и смешанном латинско-немецком языке (т. н. подстрочных версиях (переводах) – «Interlinearversionen») (по поводу этого термина см. также [Lutz, 1989: 11; Prell, 2003: 244]). Но встречались и другие случаи, когда авторами рукописей были образованные клерики, обученные сначала латыни и писавшие на обоих языках [Wegera, 2000: 1309].

Религия сопровождала средневекового человека в его повседневной жизни. Возникла потребность в первую очередь в переводах с латинского языка и толкованиях разных типов религиозных текстов. В частности, Ноткер Лабео (лат. ‘Толстогубый’), или Ноткер Немецкий (Teutonicus) [Salzer, Tunk, von: 62; Der Brockhaus, 2001: 173], – монах и настоятель монастырской школы из Санкт-Галлена, переводчик с латыни на немецкий язык многих античных призываний, был единственным среди авторов, которые писали на латыни, кто хотел при помощи переводов и своих комментариев на немецком языке сделать доступными своим ученикам античные тексты [Frenzel, Frenzel, 1999: 14; Lutz, 1989: 10]. Это были латинско-немецкие смешанные тексты с пояснениями и собственной орфографией. Переводы и комментарии Ноткера должны были способствовать лучшему пониманию в т. ч. церковных текстов, например, «Псалтыри» [Baumann, Oberle, 1996: 18]¹.

Анализ Бохумского корпуса свн. рукописей – источника материала в данной статье (его описание см. в [Klein, Solms, Wegera, 2009: 17-30]) показывает, что латинско-свн. параллели характерны именно для текстов религиозной содержательной сферы, причём на протяжении всего свн. периода [BaGB; Hoff; PrPa; Taul; TrHL; Will; Wind; WNot], но параллельные места встречаются даже в куртуазно-рыцарском эпосе, который не связан непосредственно с латынью, например, в [HTri] (см. ниже).

Явление смешения латинского и свн. языков и его реализация в смешанных текстах

---

¹ О других смешанных латинско-свн. текстах в Бохумском корпусе см. в [Ягупова, 2007].

в виде рукописей исследуется в статье путём выявления латинско-свн. параллелей на примере свн. префиксальных имён существительных с целью сопоставления соответствующих словообразовательных средств в обоих языках. Изучению данной проблемы способствовали элементы сравнительно-исторического анализа дериватов. Изучение латинско-свн. эквивалентов в исследуемых рукописях показывает, что не всегда речь идёт о словообразовательных параллелях. В ряде случаев свн. производные эквиваленты выявляются у корневых латинских слов, которые также анализируются в статье. Основными же объектами исследования являются латинские соответствия свн. имён существительных с префиксами *â-*, *ab-*, *after-*, *misse-*, *un-*, *ge-*.

2. Имена существительные с *â-*. Префикс *â-* утрачивает свою продуктивность уже в начале свн. периода – именно тогда, когда рукописи (особенно тексты религиозной направленности) содержали вкрапления латинских слов и даже выражений. Так, лексема *âbulge* ‘гнев’ зафиксирована в рукописи *Wiener Notker* в единичном случае, в то время как её латинский эквивалент *ira* – 5 раз, ср.:

(1) *Exurge domine in ira tua* ² *Stant uf trohtin mit zorne* [WNot, 009vb,08; 009vb,10] ‘Восстань, Господи, в гневе Твоем’.

В данном примере *âbulge* не является непосредственным переводом лат. *ira*, последнее Ноткер перевёл как *zorn* ‘гнев’, однако семантическая связь между свн. *âbulge* и лат. *ira* очевидна.

В одном контексте (также в [WNot]) употребляются свн. *âwërf* и лат. *abjectio* ‘отброс, подонок’:

(2) *Ego autem sum uermis et non homo obprobrium hominum et abiectio plebis* [WNot, 035ra,19-21] ‘Но я – червь, а не человек, позор человеческий и подонок черни’.

Префиксальное существительное *âkust* ‘подлость’ коррелирует в WNot с лат. существительным во множественном числе *insidii* ‘засада’, ср.:

(3) *Sedet in insidiis* [WNot, 015rb,10-12] ‘Сидит в засаде (тайком)’.

В WNot обнаружено лат. соответствие (*reliquiae*) лексемы *âleibe*, ср.:

(4) *in reliquiis tuis praeparabis uultum eorum* [WNot, 034rb,15-16] $\approx$ *in dinen aleiben gehaltenst du iro antluzze* [WNot, 034rb,19-21] ‘В том, что оставишь по себе, сохранишь Его лик’.

В этой же рукописи лат. *oblivio* ‘забвение, забывчивость’ употребляется вместе с свн. суффиксальным существительным *âgëzzel*.

---

² Наклонная черта здесь и далее в примерах из рукописей сигнализирует конец строки.

Возможные лат. эквиваленты других имён существительных с *â-* обнаруживаются в словаре И. Х. Дворецкого: *impotentia* [Дворецкий, 1976: 500] – *âmaht* ‘бессилие’, *âgnōmen* [Там же: 50-51], *cōgnōmen* [Там же: 200] – *âname* ‘прозвище’. В этом же словаре приводится лат. *indifferentia* [Дворецкий, 1976: 514] и греческое – *apathia* [Там же: 81] как возможные корреляты *âteil* ‘равнодушие’.

Анализ производных имён существительных с префиксом *â-*, отобранных из корпуса свн. рукописей, позволяет сделать вывод, что большинство из них имеют латинские эквиваленты. Касательно других лексем, то не исключено, что они являются калькой с латыни, а потому сохраняются соответствия на словообразовательном уровне: *â-* коррелирует с лат. префиксами *ā-* (*ad-*), *in-*, *co-*.

3. Имена существительные с *ab-*. Самым частотным префиксальным существительным с *ab-*, зафиксированным в Бохумском корпусе, является *abgot* ‘фальшивый, языческий, бог’. Первоначально в латыни не было эквивалента свн. *abgot*; «моральная» оценка богов, по определению Ш. Мозера [Moser, 1993: 22], было делом христианства. Ш. Мозер отмечает, что слово *idolum* ‘изображение идола’ впервые встречается лишь в церковной латыни. В свн. рукописях (в латыни также) иногда употребляется лексема *got* (*deus*) как эквивалент *abgot*. Соответствующее значение реализуется, например, в таких текстах:

(5) *Quoniam quis deus praeter dominum aut quis deus praeter deum nostrum* [WNot, 027vb,18-19] ‘Потому что кто, кроме Бога, есть бог? Или кто есть бог, кроме Бога нашего?’.

(6) *Uuanda er ist got. uuer ist got ane in odar uuer ist got. ane unseren got. die gote dero heidinen. daz sint abgote. unde tiufele* [WNot, 027vb,18-24] ‘Почему Он Бог? Кто есть бог, кроме Него, или кто есть бог, кроме нашего Бога? Боги язычников? Они – языческие боги и дьяволы’.

В латинском тексте *deus* противопоставляется *deum nostrum*, т. е. просто *deus* – не христианский Бог; в свн. языке *abgote* – это *gote dero heidinen*. Присоединение префикса *ab-* со значением ‘фальшивый, неправильный’ (*falsch*) к базовой лексеме могло послужить единственно возможной интерпретации всего слова для не вполне грамотных читателей Библии [Moser, 1993: 22].

У представителя средневековой мистики Иоганнеса Таулера также встречается в некоторых местах его проповедей подстрочный перевод, при этом существительное *abgründe* передаётся лат. эквивалентом *abissus*, ср.:

(7) *Abissuos abissuom invocat dat afgruonde dat in leyt dat afgruonde* [Taul, 020v,12-14] ‘Бездна взывает к бездне’.

Латинский эквивалент свн. *abewęc* ‘обходной путь’ в корпусе не обнаружен, однако М. Лексер [MHW I, 1992: 14] толкует данное производное слово посредством лат. *avia*.

4. Имена существительные с *after-*. Словообразовательные межъязыковые параллели с участием *after-* в корпусе рукописей не выявлены, однако для повышения объективности исследования зона поиска была расширена за счёт значений и лат. переводных соответствий в лексикографических источниках. Так, согласно словарю М. Лексера, *after-* коррелирует с лат. *pro-* (ср.: *aftererbe* = *proheres* ‘следующий наследник’) [MHW I, 1992: 25] и *per-* (ср.: *aftergloube* = *perfidia* ‘ложная вера; суеверие’) [Там же: 26], однако данные лексемы в корпусе свн. рукописей не зафиксированы.

5. Имена существительные с *mis-*. Латинско-средневерхненемецкие параллели с участием префиксальных имён существительных с *mis-* в исследовательском корпусе встречаются, хотя они являются скорее исключением, чем правилом. Так, например, в WNot трижды отмечен лат. эквивалент (*delictum*) свн. *missetât*, ср.:

(8) *Delicta quis intelegit* [WNot, 031rb,13].

И там же:

(9) *Uuer uueiz auer die **millitati*** [WNot, 031rb,16-17] ‘Кто разбирается в грехах?’.

Другие параллели с латынью в исследовательском корпусе не обнаружены. Однако, согласно Ш. Мозеру [Moser, 1993: 25], латинскими эквивалентами немецкого префикса *mis-* могут выступать *ab-*, *in-*, *de-*, *dis-* (ср.: *discordia* ‘*missehëllunge*’). Г. Шварц [Schwarz, 1986: 543] упоминает ещё лат. префикс *trans-*, Г. Рихтер [Richter, 1963: 329] – *re-*.

6. Имена существительные с *un-*. Анализ рукописей позволил выявить соответствия между свн. префиксом *un-* и лат. *in-*, т. е. лат.-свн. параллели *infelicitas* – *unsæl(e)de* ‘несчастье’ (10), *innocentia* – *unschuld(e)* ‘непорочность’ (11), *iniquitās* – *unrëht* ‘несправедливость’ (12), ср.:

(10) *Contricio et **infelicitas** in uiis eorum / Gnustî unde **unsaldi** ist in iro uuegen* [WNot, 019va,02-03; 019va,06-07] ‘Скрежет и несчастье на их пути’.

(11) *Iudica me secundum iusticiam meam et secundum **innocentiam** meam super me. Danne irteile mir nah minemo rehte. unde nah minen **unsculd**on* [WNot, 010ra,11-16] ‘Тогда суди меня по правде моей и по непорочности моей’.

(12) *qui autem diligit **iniquitatem** odit animam suam. / der auer **unreht** minnot. der hazet **fina fela*** [WNot, 017rb,12-14; 017rb,16-17] ‘Но кто любит несправедливость, тот ненавидит свою душу’.

Латинским эквивалентом *unrēht* в WNot [WNot, 010vb,06] является также префиксальное существительное *injūstītia* [WNot, 010vb,03.01].

Касательно корреляции между свн. *un-* и лат. префиксами в рнвн. текстах Ш. Мозер [Moser, 1993: 28] также отмечает, что в 90 % случаев речь идёт о межъязыковой параллели *in-* – *un-*.

Латинские префиксальные существительные и их свн. корреляты в одном контексте встречаются вообще не часто, однако подобные примеры зафиксированы в рамках всего свн. корпуса рукописей, ср.:

(13) *Wande geahtet hat der unfriunt fele mine* [Wind, 198r,10] ‘Потому что неприятель преследовал душу мою’.

(14) *Vsque quo exaltibitur inimicus meus super me. / Uuio lango hereſot uber mih min fiant* [WNot, 018va,05-10] ‘Как долго будет господствовать неприятель мой надо мной?’.

В приведённых высказываниях соотносятся, по форме и по содержанию, лат. *inimīcus* и *unfriunt*, однако данные лексемы зафиксированы в разных рукописях (из одного диалектного ареала – баварского). В подстрочном переводе с латыни в WNot употребляется корневая лексема *viant* ‘враг, неприятель’ (см. (14)).

В комментарии аббата Виллирама к «Песни Песней Соломона» [Will], написанному на восточнофранкском диалекте, также содержатся лат. префиксальные имена существительные *īnfidēlitās* и *īncrēdulitās*, которым соответствует свн. *ungeloube* ‘неверие’. Первую лексему автор оставил без перевода, приведя её в смешанном лат.-свн. тексте. Обращает на себя внимание, что в соответствующем фрагменте обнаруживается свн. антоним лат. *īnfidēlitās* – *geloube*, тогда как лексема с отрицательным *un-* отсутствует:

(15) *Nu īst dīv ſcārfe unte daz ūngeuūtere dero īnfidelitātīf uv're: uvānte ſol iuſtīcie nū ſkīnet. ſo īst kūman dīu hēitere deſ hēiligen gelōuben ūber ālle dīe vūérlt* [Will, 10v,29-34] ‘И вот миновали жестокость и шквал неверия: потому что сияет правосудие. Так, прояснилось небо святой веры над всем миром’.

Ещё одно существительное – *īncrēdulitās* – также употребляется в смешанном тексте, в котором превалирует латынь. На определённом расстоянии от лат. деривата, как и в предыдущем примере, зафиксировано свн. «позитивное» переводное соответствие *geloube*, ср.:

(16) *do ih uu...f in tenebrīf īncrēdulitātīf* [Will, 13v,11-12] ‘потому что я пребывал во мраке неверия’.

(17) *Nu ih ...bo ze fīnemo gelôuben bīn kuman* [Will, 13v,22-24] ‘Однако я пришёл к вере в Него’.

Исследовательский корпус содержит ещё целый ряд лат. выражений, которые остались не переведёнными авторами рукописей, однако в других текстах Бохумского корпуса выявлены их корреляты, ср.:

(18) *do allerêrelt uernâm ih incomprehensibilitatem diuinitatis eius* [Will, 29r,22-24] ‘Поэтому первым делом осознал я безмерность совершенства Его’.

(19) *Ich bīn sculdig in alles leides unmezze* [BaGB, 144,22; 144,28-29] ‘Я виноват во всей безмерности страданий’.

Латинскому *incomprehensibilitās* (см. (18)) соответствует свн. *unmēz* ‘безмерность’ (см. (19)).

В разных текстах отмечены ещё некоторые лат. лексемы, которые имеют префиксальные корреляты, однако лат. существительные представлены суффиксальными образованиями, ср.: *dēceptio* [Will, 36r,07] – *unwârheit* [BaGB, 146,12] ‘неправда’, *vitium* [Will, 03v,26; 20v,24; 11r,08] – *unkust* ‘подлость’.

В ходе анализа исследовательского корпуса выявлена лишь параллель между свн. *un-* и лат. *in-*. Абсолютное превосходство *in-* над всеми иными префиксами, когда речь идёт о толковании словообразовательных функций свн. *un-*, можно наблюдать также в трёхтомном словаре свн. языка М. Лексера [MHW I, 1992; MHW, II 1992; MHW III, 1992], который в определённых случаях вместо перевода на немецкий язык пользуется соответствующей лат. лексемой или объединяет обе возможности. Таким образом возникают свн.-лат. межъязыковые параллели: *ungehōrsam(e)* – *in-oboedientia* ‘непослушание’, *ungunst* – *in-favōrābilitas* ‘недоброжелательность’, *unmiltecheit* – *impietās* ‘немилосерие’, *unruowe* – *in-quiēs, in-quietās* ‘беспокойство’, *ungancheit* – *inīquitās, prāvitās* ‘надмерность, распущенность’, *ungelîcheit* – *inīquitās* ‘трудности’, *unkiusche* – *incestus*; *unkiuschheit* – *fornicātio, impudentia, impudicitia, incestus* ‘распущенность, разврат’, *ungestüemecheit* – *tumultus* ‘буря, ураган’, *unkunder* – *mōnstrum* ‘чудовище’, *ungewiter* – *tempestās, procella* ‘непогода, ураган’, *unkrût* – *zīzānia* ‘бурьян’, *untruowe* – *perfidia, fraus* ‘предательство’, *ungezunft* – *discordia, seditio* ‘раздор’.

Выше приведён выборочный список свн. имён существительных с префиксом *un-* и их лат. коррелятов, зафиксированных в вышеназванном словаре М. Лексера. Поскольку в нём не учтены надстрочные знаки, лат. лексемы приводятся в орфографии, характерной для исследовательского корпуса или представленные как эквивалент другого существительного: например, *inīquitās* автор WNot перевёл как *unrēht* (пример (12)).

Среди 22 лат. лексем, указанных в списке, половина содержит в своём составе *in-* (*īn-*, *im-*). При этом в пяти случаях речь идёт, очевидно, о префиксации как последнем деривационном шаге, о которой сигнализирует у латинской лексемы дефис. Средневерхненемецкому суффиксу *-heit* соответствует чаще всего лат. *-tās*, а также *-tia*, *-us*, *-tio*.

В одном случае лат. дериват, представленный в вышеуказанном списке, содержит префикс *dis-* (*discordiæ*). Другие лат. префиксы здесь не установлены. Ш. Мозер [Moser, 1993: 28], описывая зависимость от латыни рнвн. субстантивных лексем, утверждает, что лат. префиксальные существительные с *dis-*, *de-* и *ab-* практически исчезают в этот период. Однако подобный вывод может быть релевантным уже для свн. периода.

Вышеприведённый список подтверждает мысль о том, что свн. *un-* чаще всего соответствует лат. *in-*: в случаях, когда можно допустить префиксацию как последний деривационный шаг при образовании свн. существительных с *un-*, префиксация также релевантна и для соответствующей лат. лексемы.

7. Имена существительные с *ge-*. В данном разделе статьи принимаются во внимание не только отыменные дериваты, но и любые имена существительные, в состав которых входит префикс *ge-*. Параллельное использование исходных лат. субстантивных лексем и их свн. переводных соответствий с *ge-* зафиксировано, как и в других случаях, прежде всего в WNot. Это даёт возможность сравнить переводы с лат. оригиналом. Так, в WNot обнаружены такие межъязыковые параллели с участием анализируемых имён существительных: *tabernāculum* – *gezēlt* ‘шатёр’, *volucris* – *gevügel(e)* ‘птицы’, *vestīmentum* – *gewæte* ‘одежды’ и др. В большинстве случаев речь идёт о дословном переводе, ср.:

(20) *Domine quis habitabit in tabernaculo tuo. / Uer herro buet in dinemo gezelte.* [WNot, 020rb,09-114] ‘Кто, Господи, обитает в шатре Твоем’.

Латинское *vestīmentum* коррелирует со свн. *gewæte*, ср.:

(21) *diuiserunt sibi uestimenta mea / miniu geuuate teilton fi ze stuchen under in* [WNot, 036rb,22-23; 036va,06-07] ‘Одежды мои поделили между собой [по кусочкам]’.

Средневерхненемецкая лексема *gevügel(e)* соответствует лат. *volucris* (хотя, например, в словаре И. Х. Дворецкого [Дворецкий, 1976: 1091] *volucris* переведено обобщённо как ‘существо, имеющее крылья’), ср.:

(22) *Volucres caeli et pisces maris qui per ambulant semitas maris. / Gefugeli unde mereuifca. die alle mereuuega durh ftricheNt.* [WNot, 012ra,15-18] ‘Птицы [небесные] и рыбы морские, которые бороздят [все] пути морские’.

Иногда Ноткер использовал описательный перевод, в некоторых случаях он производил замещение. Одну и ту же лат. лексему он переводил по-разному, опираясь на многозначность слова из оригинала. Так, в одном месте рукописи Ноткер передал лат. *generatio* при помощи свн. *gesleht(e)* (23), в другом – *künne* ‘род’ (24), в третьем – *geburt* ‘рождение’ (25):

(23) *Quoniam deus in generatione iusta est / Uuanda got in rehtemo gellahti ift* [WNot, 019vb,21-22; 019vb,24-020ra,01] ‘Потому что Бог – в праведном роде’.

(24) *a generatione in generationem / fone chunne ze chunne* [WNot, 015ra,11-12; 015ra,15] ‘из рода в род’.

(25) *Haec est generacio querentium dominum / Daz ift diu geburt dero got fuochenten.* [WNot, 039rb,07-08; 039rb,10-11] ‘Это есть рождение тех, кто ищет Бога’.

Время от времени Ноткер делал перевод с использованием риторических фигур. Так, для подстрочного перевода лат. *manus* ‘рука’ [ср.: Дворецкий 1976: 618] автор WNot употребляет в разных местах рукописи свн. существительное *gewalt*, ср.:

(26) *Exurge domine deus exaltetur manus tua / stant uf fkeine dinen geuualt* [WNot, 015vb,03-04; 015vb,07-08] ‘Восстань, Господи Боже. Возвеличь десницу Твою. / Восстань. Покажи силу Твою’.

В приведённом примере речь идёт фактически о правящей деснице Божьей, т. е. Ноткер воспользовался здесь переводом не дословным, а таким, что передаёт суть лат. лексемы.

Аналогичный случай зафиксирован в другом фрагменте, где лат. лексема *dextera* ‘десница’ переведена как *genâde*. При этом последним именем существительным автор передавал чаще всего другое лат. слово – *misericordia*, ср.:

(27) *et dextera tua suscepit me. / unde din gnada imphieng mih* [WNot, 028ra,24-028rb,01; 028rb,03-04] ‘и десница Твоя поддержала / И милость Твоя поддержала меня’.

(28) *ego autem speravi in misericordia tua. / ih getrueta in dina gnada* [WNot, 018vb,11-18] ‘[А] я возлагал надежду на милость Твою’.

В WNot обнаружены также и другие лат.-свн. параллели с участием субстантивных лексем с *ge-*, напр.: *oratio* (005vb,18) – *gebët* (005vb,20) ‘молитва’, *jüdicium* (056rb,09) – *geriht(e)* (056rb,11) ‘правосудие’, *cōgitatio* (008ra,07) – *gedanc* (008ra,10) (‘мысль’), *disciplīna* (028rb,05) – *getwinc* (028rb,08) ‘поучение’, *vēritās* (017va,12) – *gewarheit* (017va,17) ‘правда’, *praecipio* (009vb,16-17) – *gebot* (009vb,19-20) ‘заповедь’, *ēlogium* – *gekæse* (031vb,07; 031vb,11) ‘речь, выражение’, *meditacio* – *gedanc* (031vb,08; 031vb,11-12) ‘мысль’, *dēsideratio* – *gelust* (014vb,07; 014vb,10) ‘желание’, *voluntās* – *gedinge* (021ra,09; 021ra,11-12) ‘завет’, *factum* – *getæne* (019rb,03-04; 019rb,05-06) ‘деяние’ и т. д.

Если в WNot чаще всего перевод приводится вместе с латинским оригиналом, в рукописи «Sankt Trudperter Hohelied» [TrHL] преобладают случаи, когда лат. лексемы употребляются отдельно от свн. коррелятов, хотя последние также присутствуют в тексте. При этом речь идёт о смешанном тексте. Очевидно, автор пользуется в некоторых случаях лат. словами для того, чтобы наилучшим образом донести содержание лат. оригинала до определённой аудитории. Однако в вышеупомянутой рукописи, написанной на алеманнском диалекте, отмечены лишь параллели с участием имён существительных с *ge-*, которые не являются отсубстантивными дериватами, ср.: *mēmōria* – *gehuht* [TrHL, 001r,18] ‘память’, *dēlectātio* – *gelust(e)* (001r,14) ‘похоть’, *cōnsuētūdo* – *gewon(e)* (001r,16) ‘привычка’.

Латинские вкрапления можно наблюдать также в других рукописях, в частности, в проповедях «Sankt Pauler Predigten» [PrPa], написанных на баварском диалекте: *oboedientia* – *gehōrsam* [PrPa, 158,19-159,01]. В этой рукописи выявлены и другие параллельные места с участием лексем с *ge-*, например, *cantātio* – *gesanc*. В данном случае мы имеем дело с комментирующим переводом:

(29) *Cantate domino daz ift billich daz wir daz edel chint enpfahen mit lobe vnd mit gefange* [PrPa, 052,04-06] ‘Хвала Господу! Нам следует встретить чудесное дитя хвалебной песнью’.

В некоторых случаях корреляция возникает не на уровне отдельных слов (или не только на уровне отдельных слов), а (и) на уровне устойчивых словосочетаний. Такими являются, например, *in nōmine Domini* и *in dem namen gotes* ‘во имя Бога’, ср.:

(30) *in nomine Domini in dem namen def almehtigen gotef* [Hoff, 38r,23-24] ‘во имя Бога / во имя всемогущего Бога’.

В Will 9 раз зафиксировано лат. *scriptura* ‘Писание’ и 6 раз – его свн. эквивалент *geschrift*. Непосредственный перевод определённых мест отсутствует, однако в рукописи встречается смешанный лат.-свн. текст, в котором лат. словосочетанию *sacra scriptura* ‘Святое Писание’ соответствует свн. *geschrift*:

(31) *unte in iffenent die tōigene déro sacre scripture* [Will, 19v,13-15] ‘и им откроется таинство Святого Писания’.

(32) *unte iffenent imo die tōigene déro geschrifte* [Will, 42v,28-30] ‘и откроется ему таинство [Святого] Писания’.

Очевидно, не было необходимости в процессе перевода с латыни на немецкий язык «Песни Песней Соломона» дополнять *geschrift* соответствующим определением,

поскольку средневековый читатель (или слушатель) понимал, что в данном случае речь идёт исключительно о Святом Писании. Однако примеры употребления *geschrift* в сочетании с прилагательным *heilic* в Will всё же присутствуют, ср.:

(33) *daz sint die lúteron únte die scône sinne. déro heiligon gescrifte* [Will, 20v,09-11] ‘Это – чистые и чудесные мысли Святого Писания’.

Латинско-средневерхненемецкие параллели зафиксированы также в позднесвн. рукописях. Так, Генрих Фрайбергский – автор восточносредненемецкого куртуазно-рыцарского эпоса «Tristan» [HTri] толкует лат. *eclīpsis* как *gebrēch(e)* ‘затмение’; лат. *jūdicium*, которое в WNot переведено как *geriht(e)*, коррелирует в другой рукописи – мистика Иоганнеса Таулера [Taul] – с *gerēhtecheit* ‘правосудие’.

Использование подстрочных переводов свойственно также баварско-восточноалеманнской рукописи «Hoffmannsche Predigtsammlung» [Hoff], в которой обнаружена лат.-свн. параллель *vīsiō – gesiune* ‘лицо’:

(34) *dannen reit er fridelichen. unt deumuteclichen. zuo der stat div da heizet visio pacis. ein gifune def fridef. da er die marter erliten hat. div unſ scol bringen / ad visionem caelestis pacis. zuo dem gefune def himelischen fridef.* [Hoff, 48r,05-08] ‘Он [Господь] идёт в мире и смиренности в город, который называется ‘лицом мира’, потому что Он испытал страдания, которые должны привести нас пред лицо Божественного мира’.

На связь между гот. *ga-* и лат. *co-, con-* обратил внимание В. Вильманнс [Wilmanns, 1930: 241]. Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 1963: 61] пишет, что лат. *con-* переводили, в частности, и при помощи двн. *gi-*. Между тем анализ лат.-свн. параллелей в исследовательском (Бохумском) корпусе свидетельствует о том, что корреляция возможна исключительно на лексическом уровне и не даёт оснований утверждать, что она имеет место на уровне словообразовательных аффиксов.

8. Выводы. Процессы исчезновения старых и возникновения новых слов, их непосредственно составляющих в ранние периоды развития немецкого языка разнообразны, а описание этих процессов, по большей части закономерных, ещё далеко не исчерпано. Поэтому остаётся простор для дальнейших исследований в данной области.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

гот. – готский, *двн.* – древневерхненемецкий, *лат.* – латинский, *рвн.* – ранненововерхненемецкий, *свн.* – средневерхненемецкий,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книга Бытие, глава 11. Русский синодальный перевод // Библия Онлайн. 2003-2023. Доступ: old.bibleonline.ru. (дата обращения: 01.02.2023).

2. Кубрякова Е. С. Именное словообразование в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков: в 5 т. Москва, 1963. Т. 3: Морфология. С. 39-131.
3. Ягупова Л. М. Мовно-географічна варіативність системи середньовісньонімецьких префіксальних іменників. Донецьк: ДонНУ, 2007. 605 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження; Т. 4).
4. Baumann B., Oberle B. Deutsche Literatur in Epochen. Ismaning: Max Hueber Verlag, 1996. 368 S.
5. Der Brockhaus: in 15 Bdn. 2., durchges. u. aktual. Aufl. Leipzig; Mannheim: F. A. Brockhaus, 2001. Bd. 10. 480 S.
6. Frenzel H. A., Frenzel E. Daten deutscher Dichtung. Chronologischer Abriss der deutschen Literaturgeschichte: in 2 Bdn. 32. Aufl. München, 1999. Bd. 1: Von den Anfängen bis zum Jungen Deutschland. 408 S.
7. Ganslmayer Ch., Schwarz Ch. Historische Wortbildung. Theorien – Methoden – Perspektiven. Einleitung der Herausgeber // Historische Wortbildung: Theorien – Methoden – Perspektiven [Hrsg. v. Ch. Ganslmayer, Ch. Schwarz]. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2021. S. 1-20. (Germanistische Linguistik; 252-254).
8. Klein Th., Solms H.-J., Wegera K.-P. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen: Niemeyer, 2009. Teil III. Wortbildung. 684 S.
9. Lutz B. Mittelalterliche Literatur // Deutsche Literaturgeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart. 3., überarb. Aufl. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1989. S. 1-50.
10. Moser S. Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. Morphologie und Semantik der Präfixe außer *ge-* und Suffixe *-el*, *-(l/n)er*, *-(e)rich*, *-(e/i)ss(e/in)*, *-icht*, *-in*, *-lein*, *-ling*: Inaug.-Diss. Würzburg, 1993. 195 S.
11. Prell H-P. Typologische Aspekte der mittelhochdeutsche Prosasyntax. Der Elementarsatz und die Nominalphrase // Neue historische Grammatiken. Zum Stand der Grammatikschreibung historischer Sprachstufen des Deutschen und anderer Sprachen. Tübingen, 2003. S. 241-256 (Reihe Germanistische Linguistik; 243).
12. Richter G. Zur Bedeutungsgeschichte der althochdeutschen *missa*-Bildungen. Mit 3 Tabellen im Anhang (8 Blätter) // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1963. Bd. 85, H. 2/3. S. 313-334.
13. Salzer A., E. von Tunk. Illustrierte Geschichte der deutschen Literatur: in 6 Bdn. [neubearb. u. aktual. von C. Heinrich u. J. Münster-Holzlar]. Köln: Naumann & Göbel, Ohne Jahr. Bd. 1: Von den Anfängen bis zum 16. Jahrhundert. 463 S.
14. Schwarz H. Präfixbildungen im deutschen Abrogans. Analyse und Semantik. Göppingen: Kümmerle, 1986. 608 S.
15. Sprachmischung – Mischsprachen: Vom Nutzen und Nachteil gegenseitiger Sprachbeeinflussung [hrsg. v. Th. Burkard u. M. Hundt]. Berlin et al.: Peter Lang Verlag, 2018. 322 S. (Kieler Forschungen zur Sprachwissenschaft; 9).
16. Wegera K.-P. Grundlagenprobleme einer mittelhochdeutschen Grammatik // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung: in 2 Teilbdn. 2., vollständig neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin; New York, 2000. Tbd. 2. S. 1304-1320.
17. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Zweite Abteilung: Wortbildung. 2. Aufl., unveränd. Neudruck. Berlin u. Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1930. 671 S.
18. Wort- und Begriffsbildung in frühneuhochdeutscher Wissenskultur: substantivische Affixbildung / Brendel B., Frisch R., Moser S., Wolf N. R. Wiesbaden: Reichert, 1997. 707 S. (Wissenskultur im Mittelalter; 26).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Рус. яз., 1976. 1096 с.
2. MHW I: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: in 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel, 1992. Bd. 1. 2262 S.
3. MHW II: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: in 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel, 1992. Bd. 2. 2050 S.
4. MHW III: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: in 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel, 1992. Bd. 3. 1226, 406 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BaGB: Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle. Hs.: 12. Jh., obd. (ofrk.). Clm 4460, fol. 103ra-111^v, (135,1-148,17), fol. 111^v-114^r (153,1-154,61).
2. Hoff: Hoffmannsche Predigten. Hs.: 1. Drittel 13. Jh., bair.-ostalem. Textauswahl: fol. 9^r-30^v.
3. HTri: Heinrich von Freiberg. Tristan. Hs.: 1. Hälfte 14. Jh., omd. Textauswahl: vv. 772 (fol. 103ra, 1-106vb,47); 3005-3766 (118vb,27-122vb, 46); 5983-6890 (136ra, 1-140vb,33).
4. PrPa: Sankt Pauler Predigten. Hs.: 2. Viertel 13. Jh., bair.-österr. Textauswahl: 23,13-56,17; 144,13-177,10; 285,10-120,19.
5. Taul: Johannes Tauler. Predigten. Hs.: letztes Viertel 14. Jh., rip. Textauswahl: fol. 1-20^r,2; 79^r,6-97^v,6; 159^r,8-178^r,16.
6. TrHL: Sankt Trudperter Hohelied. Hs.: ca. 1210-1225, alem. Textauswahl: fol. 1^r,1-10^v,18; 45^v,2-55^v,12; 101^r,6-111^v,15.
7. Will: Williram von Ebersberg. Hoheliedparaphrase. Hs.: Ende 11. Jh., ofrk.
8. Wind: Windberger Psalter. Hs.: um / nach 1174, nordöstl. westmittelbair. Textauswahl: 1-1,6 (fol. 9^r,1-9^v,10); 2,10-17,7 (fol. 10^r,1-27^v,16); 51,1-66,8 (80^r,1-96^r,12); 127,5-147,20 (186^v,1-204^r,4).
9. WNot: Notker Labeo. Psalmenauslegung, «Wiener Notker». Hs.: 11. Jh., bair. Textauswahl: fol. 5^{ra}6-44vb,9.

REFERENCES

1. Kniga Bytie, glava 11. Russkiy sinodalnyy perevod [The Book of Genesis, chapter 11. Russian synodical period]. In *Bibliya Onlain*. 2003-2023. Available at: old.bibleonline.ru. (accessed: 01.02.2023). (In Russ.).
2. Kubryakova, E. S. (1963). Imennoe slovoobrazovanie v germanskikh yazykakh [The nominal word-building in Germanic languages]. In *Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov: v 5 t.* Moskva. Vol. 3: Morfologiya. Pp. 39-131. (In Russ.).
3. Yagupova, L. M. (2007). *Movno-geografichna variatyvnist systemy serednoverkhno-nimetskykh prefiksalnykh imennykiv* [Language-geographical diversity of Middle High German prefix nouns system]. Donetsk: DonNU. (Tipologichni, zistavni, diakhronichni doslidzhennya; T. 4). (In Ukr.).
4. Baumann, B., Oberle, B. (1996). *Deutsche Literatur in Epochen*. Ismaning: Max Hueber Verlag.
5. *Der Brockhaus*: in 15 Bdn. 2., durchges. u. aktual. Aufl. Leipzig; Mannheim: F. A. Brockhaus, 2001. Bd. 10.
6. Frenzel, H. A., Frenzel, E. (1999). *Daten deutscher Dichtung. Chronologischer Abriss der deutschen Literaturgeschichte*: in 2 Bdn. 32. Aufl. München. Bd. 1: Von den Anfängen bis zum Jungen Deutschland.
7. Ganslmayer, Ch., Schwarz, Ch. (2021). Historische Wortbildung. Theorien – Methoden – Perspektiven. Einleitung der Herausgeber. In *Historische Wortbildung: Theorien – Methoden –*

Perspektiven [Hrsg. v. Ch. Ganslmayer, Ch. Schwarz]. Hildesheim: Georg Olms Verlag, S. 1-20. (Germanistische Linguistik; 252-254).

8. Klein, Th., Solms, H.-J., Wegera, K.-P. (2009). *Mittelhochdeutsche Grammatik*. Tübingen: Niemeyer. Teil III. Wortbildung.

9. Lutz, B. (1989). Mittelalterliche Literatur. In *Deutsche Literaturgeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart*. 3., überarb. Aufl. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, S. 1-50.

10. Moser, S. (1993). *Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. Morphologie und Semantik der Präfixe außer ge- und Suffixe -el, -(l/n)er, -(e)rich, -(e/i)ss(e/in), -icht, -in, -lein, -ling*: Inaug.-Diss. Würzburg.

11. Prell, H-P. (2003). Typologische Aspekte der mittelhochdeutsche Prosasyntax. Der Elementarsatz und die Nominalphrase. In *Neue historische Grammatiken. Zum Stand der Grammatikschreibung historischer Sprachstufen des Deutschen und anderer Sprachen*. Tübingen. S. 241-256 (Reihe Germanistische Linguistik; 243).

12. Richter, G. (1963). Zur Bedeutungsgeschichte der althochdeutschen *missa*-Bildungen. Mit 3 Tabellen im Anhang (8 Blätter). In *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Bd. 85, H. 2/3. S. 313-334.

13. Salzer, A., E. von Tunk. *Illustrierte Geschichte der deutschen Literatur: in 6 Bdn.* [neubearb. u. aktual. von C. Heinrich u. J. Münster-Holzlar]. Köln: Naumann & Göbel, Ohne Jahr. Bd. 1: Von den Anfängen bis zum 16. Jahrhundert.

14. Schwarz, H. (1986). *Präfixbildungen im deutschen Abrogans. Analyse und Semantik*. Göppingen: Kümmerle.

15. *Sprachmischung – Mischsprachen: Vom Nutzen und Nachteil gegenseitiger Sprachbeeinflussung* [hrsg. v. Th. Burkard u. M. Hundt]. Berlin et al.: Peter Lang Verlag, 2018. (Kieler Forschungen zur Sprachwissenschaft; 9).

16. Wegera, K.-P. (2000). Grundlagenprobleme einer mittelhochdeutschen Grammatik. In *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*: in 2 Teilbnd. 2., vollständig neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin; New York. Tbd. 2. S. 1304-1320.

17. Wilmanns, W. (1930). *Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Zweite Abteilung: Wortbildung*. 2. Aufl., unveränd. Neudruck. Berlin u. Leipzig: Walter de Gruyter & Co.

18. *Wort- und Begriffsbildung in frühneuhochdeutscher Wissensliteratur: substantivische Affixbildung* / Brendel B., Frisch R., Moser S., Wolf N. R. Wiesbaden: Reichert, 1997. (Wissensliteratur im Mittelalter; 26).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Dvoretzkiy, I. Kh. (1976). *Latinsko-russkiy slovar* [Latin-Russian Dictionary]. 2nd ed., rev. and enlar. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

2. MHW I: Lexer, M. (1992). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: in 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel. Bd. 1.

3. MHW II: Lexer, M. (1992). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: in 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel. Bd. 2.

4. MHW III: Lexer, M. (1992). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: in 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel. Bd. 3.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. BaGB: *Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle*. Hs.: 12. Jh., obd. (ofrk.). Clm 4460, fol. 103^r-111^v, (135,1-148,17), fol. 111^v-114^r (153,1-154,61).

2. Hoff: *Hoffmannsche Predigten*. Hs.: 1. Drittel 13. Jh., bair.-ostalem. Textauswahl: fol.

9^r-30^v.

3. HTri: *Heinrich von Freiberg. Tristan*. Hs.: 1. Hälfte 14. Jh., omd. Textauswahl: vv. 772 (fol. 103ra, 1-106vb,47); 3005-3766 (118vb,27-122vb, 46); 5983-6890 (136ra, 1-140vb,33).

4. PrPa: *Sankt Pauler Predigten*. Hs.: 2. Viertel 13. Jh., bair.-österr. Textauswahl: 23,13-56,17; 144,13-177,10; 285,10-120,19.

5. Taul: *Johannes Tauler. Predigten*. Hs.: letztes Viertel 14. Jh., rip. Textauswahl: fol. 1-20^r,2; 79^r,6-97^v,6; 159^r,8-178^r,16.

6. TrHL: *Sankt Trudperter Hohelied*. Hs.: ca. 1210-1225, alem. Textauswahl: fol. 1^r,1-10^v,18; 45^v,2-55^v,12; 101^r,6-111^v,15.

7. Will: *Williram von Ebersberg. Hoheliedparaphrase*. Hs.: Ende 11. Jh., ofrk.

8. Wind: *Windberger Psalter*. Hs.: um / nach 1174, nordöstl. westmittelbair. Textauswahl: 1-1,6 (fol. 9^r,1-9^v,10); 2,10-17,7 (fol. 10^r,1-27^v,16); 51,1-66,8 (80^r,1-96^r,12); 127,5-147,20 (186^v,1-204^r,4).

9. WNot: *Notker Labeo. Psalmenauslegung, «Wiener Notker»*. Hs.: 11. Jh., bair. Textauswahl: fol. 5ra-6-44vb,9.

Ягунова Лариса Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии (e-mail: l.yagupova@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Yagupova Larisa N. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: l.yagupova@donnu.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 13 марта 2023 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

© 2023 С. М. Кравцов, К. В. Шевченко

СОВРЕМЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию способов функционирования языковых единиц в современном французском спортивном дискурсе с точки зрения создания прагматического эффекта. Описываются основные спортивные жанры, выявляются тропы и фигуры речи. Устанавливаются способы их функционирования в комментариях, аналитической статье, интервью.

Ключевые слова: спортивный дискурс, функционирование, прагматический эффект, комментарий, аналитическая статья, интервью, троп, фигура речи, узуальный, окказиональный.

© 2023 S. M. Kravtsov, K. V. Shevchenko

MODERN FRENCH SPORTS DISCOURSE: FUNCTIONAL AND PRAGMALINGUISTIC ASPECTS

The article analyses the ways of functioning of linguistic units in modern French sports discourse with regard to creating a pragmatic effect. The main sports genres are described, tropes and figures of speech are revealed. The ways of their functioning in commentary, analytical articles, interviews are established.

Key words: sports discourse, functioning, pragmatic effect, commentary, analytical article, interview, trope, figure of speech, casual, occasional.

В современную эпоху, характеризующуюся бурным развитием различных видов деятельности человека, спорт, как профессиональный, так и любительский, занимает всё большее место в жизни национальных культур. Многочисленность видов спорта, обусловленная появлением новых из них и объективирующаяся в национальных лингвокультурах посредством языковых средств, стала причиной существования отдельного дискурса – спортивного. Репрезентация спортивного дискурса в речевых произведениях разных жанров предполагает функционирование в них лингвистических знаков не только в узуальном, но и в окказиональном, нестандартном виде, что может в той или иной степени трансформировать их семантику и оказывать в соответствии с интенциями продуцента речи воздействие на её реципиента. Следовательно, особенности функционирования языковых знаков в речевом произведении в рамках спортивного дискурса придают определённый импульс их прагматическому потенциалу, с помощью которого они порождают воздействие

на читателя или слушающего. Таким образом, важность проблемы, затрагивающей изучение возможностей функционирования лингвистических средств, а также способов их употребления в спортивном дискурсе, стимулирующих создание прагматического эффекта, обуславливает актуальность данного исследования.

Релевантность указанной проблемы в области языкознания определяет значительный интерес российских и зарубежных лингвистов к изучению дискурса в целом и спортивного дискурса в частности. Исследованию дискурса как общему феномену посвящены труды таких учёных, как Т. А. ван Дейк [1998]; В. И. Карасик [2002]; Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова [1997] и др. На изучение спортивного дискурса как частного феномена направлены работы таких исследователей, как Е. А. Новикова [2019]; О. А. Панкратова [2005]; В. Н. Шарикова, Э. А. Орлова [2017]; А. Richard [2009] и др. Изучению языковых единиц с точки зрения прагмалингвистики посвящаются труды Д. У. Ашуровой, М. Р. Галиевой [2016]; G. Leech [1985] и др.

Целью данного исследования является изучение функционирования языковых средств, а также способов их практической реализации в современном французском спортивном дискурсе сквозь призму прагматического потенциала лингвистических единиц. С учётом того, что спортивный дискурс включает в себя совокупность речевых произведений разных жанров, в соответствии с целью исследования предполагается решение ряда задач, таких как, во-первых, функционально-прагматический анализ языковых средств и способов их реализации в жанре комментария; во-вторых, функционально-прагматический анализ языковых средств и способов их реализации в жанре аналитической статьи; в-третьих, функционально-прагматический анализ языковых средств и способов их реализации в жанре интервью.

Тема и цель исследования определяют его научную новизну, состоящую в том, что в нём впервые функционирование и прагматический потенциал языковых единиц, а также способы их употребления изучаются во французском спортивном дискурсе в целом, а не отдельно в рамках определённого жанра речевых произведений, посвящённых спортивной тематике. Кроме того, в данном исследовании функционирование языковых единиц во французском спортивном дискурсе впервые анализируется не в отдельности, а в комплексе с прагматическим эффектом, порождаемым определённым способом их применения автором.

Представленное в данной статье исследование, бесспорно, обладает научностью, теоретической значимостью, ибо его результаты вносят вклад в такие направления исследований, как функционирование лексических единиц, лексика и фразеология, их связи с внеязыковой действительностью; методы исследования языковых единиц: функциональные,

коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языков народов зарубежных стран, в частности французского языка; текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран, в частности во французском языке.

Настоящее исследование отличается несомненной практической значимостью. Его материал и результаты могут применяться и быть полезны при изучении практического курса французского языка, теории французского языка, прежде всего лексикологии, стилистики.

Источниками материала исследования послужили электронные версии популярного французского журнала «France Football» и популярной французской газеты «L'Équipe» за 2018-2023 годы. Кроме того, использовались материалы Интернет-ресурса «Eurosport», Интернет-ресурса французского телеканала TF1.

Несмотря на полную и многолетнюю интеграцию спорта в жизнь социума, до сих пор не существует единства учёных в его интерпретации. Нам представляется наиболее корректной трактовка Е. А. Новиковой, согласно которой спортивный дискурс является разновидностью институционального дискурса, определяемого сложившимися в обществе социальными институтами, которая не только имеет ряд уникальных черт, обуславливающих профессиональную направленность, но и концептуально взаимосвязана с медицинским (общение спортсменов с врачами при прохождении медицинских осмотров), юридическим (общение спортсменов с юристами по вопросу заключения контрактов, дисквалификации), военным (общение спортсменов с военнослужащими в спортивных клубах армии) и другими дискурсами [Новикова, 2019: 6].

Прагмалингвистика, в корреляции с которой нами рассматривается функционирование языковых единиц в современном французском дискурсе, понимается учёными достаточно широко. Мы придерживаемся трактовки, предложенной Ю. Д. Апресяном, в соответствии с которой прагматика интерпретируется в качестве закреплённого в языковой единице отношения говорящего 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату [Апресян, 1988: 12]. Подобный подход к пониманию прагмалингвистики поэтапно отражает процесс воздействия продуцента высказывания на реципиента посредством определённого способа применения продуцентом тех или иных языковых знаков.

Современные исследователи выделяют различное количество спортивных жанров. Мы же, вслед за Е. А. Новиковой, выделяем и рассматриваем в настоящей статье три основные жанровые формы спортивного дискурса: комментарий, аналитическую статью и интервью [Новикова, 2019].

Спортивный комментарий – это один из жанров средств массовой информации (СМИ), который отражает процесс комментирования спортивных событий на радио, телевидении, в печатных СМИ или онлайн-платформах. Речевые произведения в рамках данного жанра характеризуются спонтанностью, импровизированностью речи комментаторов, что служит причиной их неизбежной демократизации, способствующей большему воздействию на реципиента. Данные особенности комментария подтверждаются присутствием в нём многочисленных экспрессивных языковых средств, свойственных разговорному стилю. Наиболее распространёнными из них являются восклицания, репрезентирующие эмоции комментатора по отношению к действительности, происходящему, которые передаются зрителю. Часто восклицания объективируются с помощью фигур речи, понимающихся как средство увеличения «гибкости» языка, определяемой количеством способов передачи содержания языковых знаков, и как средство выбора наиболее информативной, наиболее творческой формы реализации их смысла [ЛЭС, 1990: 542]. Среди фигур речи, посредством которых реализуются восклицания, можно выделить такие, как повторение, эллипсис, например:

«*Quelle efficacité! Quelle efficacité, Paul Pogba! Réussite maximale! Maximale!*» [France Football]. ‘Какая эффективность! Какая эффективность, Поль Погба! Максимальный успех! Максимальный!’ (Здесь и далее даётся наш перевод).

«*Quelle finale, quelle finale... . Quel match étonnant.*» [France Football]. ‘Какой финал, какой финал... . Какой удивительный матч’.

Экспрессивность в комментарии может достигать высокой степени, когда восклицания сочетаются с междометиями в эллиптических конструкциях. Приведём пример: «*Oh-la-la! Fabuleux! Fabuleux qu'elle remette cette combinaison qu'elle a ratée au début de programme!*» [France TV Sport]. ‘О-ля-ля! Великолепно! Великолепно, что она повторяет эту комбинацию, которая ей не удалась в начале программы!’. Как видно из примера, восклицания используются комментатором, чтобы не только передать адресату свои эмоции, но и повысить его интерес к событию.

Экспрессивность комментария может передаваться одновременно с помощью разных фигур речи, применяющихся, чтобы акцентировать отношение продуцента к содержанию его сообщения. Рассмотрим пример, где присутствуют такие фигуры, как повторение и риторический вопрос: «*Mais qu'est-ce que c'est que cette équipe de France? Qu'est-ce que c'est que cette compétition magnifique?*» [France Football]. ‘Но что это за команда Франции? Что это за прекрасное соревнование?’.

Риторический вопрос часто употребляется в комментариях самостоятельно, без

сочетания с другими фигурами речи. С помощью риторических вопросов комментатор вовлекает зрителя в происходящее, подчеркивает особо эмоциональные, соответственно, важные моменты. Рассмотрим примеры: «*Mais qu'est-ce que c'est que cette finale? Magnifique!*» [L'Equipe]. 'Ну что за финал? Великолепно!'.

«*Trois buts d'avance pour les bleus! Est-ce que c'est terminé? Sans doute pas! Mais cette deuxième étoile est très proche!*» [L'Equipe]. 'Сборная Франция забила на три гола больше! Всё закончилось? Конечно же, нет! Но эта вторая звезда очень близка!'.

Помимо применения фигур речи, комментарий характеризуется функционированием в нём тропов – языковых знаков, основанных на употреблении в переносном значении и использующихся для усиления его изобразительности и выразительности [ЛЭС, 1990: 520]. К тропам относятся, в частности, метафоры и фразеологизмы. Приведём примеры:

«*C'est le calme avant la tempête*» [L'Equipe]. 'Это затишье перед бурей'.

«*C'est la médaille d'or qui lui tend les bras mais il y a quatre minutes pour cela à franchir*» [L'Equipe]. 'Золотая медаль протягивает ей руки, но есть ещё четыре минуты, которые ей предстоит преодолеть'.

С целью актуализации отношения к адресатам, в частности отношения к ним как к лицам, принадлежащим к единому с говорящим национальному спортивному пространству, комментатор употребляет местоимение *nous* 'мы' в обобщённом значении. Рассмотрим пример: «*Les juges ne nous sont pas favorables*» [Eurosport]. 'Судьи к нам неблагоприятны'.

Другой жанр спортивного дискурса – аналитическая статья – характеризуется описанием и анализом определённого спортивного события или его результата, физического потенциала спортсмена или команды и т. д. Такая статья обычно включает в себя аналитические данные и статистику, которые помогают понять, какие факторы оказывают влияние на результаты прошлых игр и соревнований. Они также могут содержать прогнозы для будущих игр или сезонов на основе анализа прошлых результатов. Более того, зачастую произведения данного жанра спортивного дискурса имеют в качестве адресата подготовленного болельщика, а не обычного зрителя, поскольку автор аналитической статьи часто углубляется в правила, различные техники и тактики, которые могут быть не понятны обычному болельщику.

Тем не менее автор аналитической статьи позволяет себе высказывать личное отношение к действительности, что объективируется посредством экспрессивных языковых единиц, в частности тропов, таких как метафора, эпитет. Приведём пример: «*Que le football est beau quand il vous offre un match de légende, avec un scénario de folie et*

des acteurs exceptionnels comme Lionel Messi et Kylian Mbappé» [France Football]. ‘Как красив футбол, когда он дарит вам матч легенд с безумным сценарием и великолепными актёрами, такими как Лионель Месси и Килиан Мбаппе’.

Пожалуй, самым распространённым способом привлечения внимания читателя аналитической статьи является такая фигура речи, как риторический вопрос. Ярким примером служит выпуск газеты «L'Équipe» от 29 мая 2020 года, на первой странице которого внимание читателей привлекла фраза «Comme des cons?» ‘Как дураки?’, служащая названием аналитической статьи, представляющая собой риторический вопрос и выражающая одновременно негодование и личную точку зрения журналистов, не согласных с отменой чемпионата Франции по футболу в связи с пандемией коронавируса [L'Equipe]. Данная фигура речи произвела ошеломительный эффект, вследствие чего опубликованный под этим названием материал получил широкое распространение во Франции и за её пределами.

Риторический вопрос встречается не только в заголовках аналитических статей, но и в самих статьях с целью выражения автором своего отношения к действительности, в частности к спортсменам, и привлечения внимания читателя к определённому объекту спортивной действительности. Рассмотрим пример: «*Houssem Aouar, un départ inévitable?*» [L'Equipe]. ‘Уссем Ауар: его уход неизбежен?’.

Кроме фигур речи, в спортивной аналитической статье достаточно частотны тропы, такие как метафора, метонимия, фразеологизмы. Наиболее популярным из них является метафора, служащая имплицитным сравнением спортсменов с определёнными людьми, непосредственно не связанными со спортом. Приведём примеры:

«*Les rois déçus ne pourront plus penser que personne ne peut prendre leur place sur le trône*» [L'Equipe]. ‘Свергнутые короли не смогут больше думать о том, что никто не сможет занять их трон’.

«*Les petites filles continuent à affluer dans son club pour être la prochaine princesse de la glace, même si leur règne ne dure qu'un hiver*» [L'Equipe]. ‘Маленькие девочки продолжают приходить в её группу, чтобы стать следующей принцессой льда, даже если их господство длится всего лишь одну зиму’.

Метонимия используется чаще всего в аналитической статье для того, чтобы акцентировать внимание читателя на тех или иных масштабах спортивного сообщества. Рассмотрим примеры:

«*Cette fois, c'est sûr, l'Europe n'oubliera pas son nom*» [Eurosport]. ‘В этот раз Европа, конечно, не забудет его имя’.

«*Le Parc des Princes ne s'est pas trompé quand il a fallu se lever et acclamer Léo Messi et Kylian Mbappé après le troisième but du PSG contre Lens, samedi soir*» [Eurosport]. 'Парк де Пренс» не ошибся, когда нужно было встать и бурно поприветствовать Лео Месси и Килиана Мбаппе после третьего гола «ПСЖ» в ворота «Ланса» в субботу вечером'.

Фразеологизмы употребляются в аналитической статье, чтобы посредством их семантики более полно передать читателю эмоциональное состояние, чувства спортсменов. Например: «*Avec Nagelsmann, à chaque match son système, et à chaque situation son plan de jeu. Ceci explique pourquoi ses joueurs gardent la tête froide en toutes circonstances*» [Eurosport]. 'С Нагельсманном, к каждому матчу – своя система, к каждой ситуации – свой план игры. Это объясняет, почему его игроки сохраняют холодную голову в любых обстоятельствах'.

Жанр интервью в спортивном дискурсе служит журналисту очень важным инструментом, позволяющим узнать мнение людей на различные темы, получить комментарии от авторитетных лиц в области спорта, эксклюзивную информацию, а также более глубоко изучить определённую проблему. В отличие от комментария и аналитической статьи интервью носит диалогический характер, ибо оно не может состояться без как минимум двух участников-продуцентов – журналиста-интервьюера и интервьюируемого.

Основная задача журналиста в жанре интервью состоит не в том, чтобы добыть объективную и конкретную информацию, а в том, чтобы узнать мнение интервьюируемого, определённые факты из его жизни, его планы. Речь журналиста регламентированна, подчиняется требованиям к соблюдению языковых норм, в том числе стилистических. Интервьюируемый адресует свои слова читателям, а не только интервьюеру, при этом он далеко не всегда соблюдает языковые нормы, в частности стилистические, вследствие чего в его речи может употребляться стилистически сниженная, обценная лексика. Например: «*C'est à ce moment-là que tu te dis: «Putain, on l'a fait!» Après, tu regardes à droite, à gauche, tu vois tes coéquipiers qui sont comme des dingues avec la Coupe. C'est incroyable*» [Eurosport]. 'В этот момент ты говоришь себе: «Чёрт возьми, мы это сделали!» Затем ты смотришь направо, налево, видишь своих сумасшедших товарищей по команде с кубком. Это невероятно'.

Интервьюер задаёт вопросы интервьюируемому, которые, как правило, лаконичны, кратки, в результате чего его речь не отличается экспрессивностью. Интервьюируемый, отвечая на вопросы, часто делится с журналистом и зрителями своими эмоциями, представляя своё видение той или иной ситуации. В связи с этим в его речи используются

экспрессивные средства, такие как тропы, в частности гипербола. Рассмотрим пример: «*Le lendemain au réveil, je me suis dit: «Waouh, en fait je suis champion d'Europe!» Ce n'est pas rien, c'est fou!*» [L'Equipe]. 'На следующий день, проснувшись, я сказал себе: «Ух ты, я ведь чемпион Европы! Это не ничто, это безумие!».

В речи интервьюируемого могут использоваться и другие тропы, такие как метафора, фразеологизмы, позволяющие продуценту более точно и ясно транслировать реципиенту свои эмоции и мысли. Приведём пример: «*On a un mois de mars solide avec une phase de qualification qui n'est jamais un long fleuve tranquille. Il ne faut jamais s'endormir sur nos lauriers et avoir toujours la même exigence pour atteindre notre objectif qui est de nous qualifier pour l'Euro*» [France Football]. 'У нас еще трудный март с квалификационным этапом, который никогда не похож на спокойную реку. Мы никогда не должны почивать на лаврах, а должны всегда иметь одно и то же требование для достижения нашей цели – пройти квалификацию на Евро'. Отметим, что фразеологизм функционирует не в узуальном, а в окказиональном виде, ибо использование продуцентом в составе фразеологизма вместо артикля притяжательного прилагательного позволяет выразить личное отношение не только к действительности и содержанию своего сообщения, но и к адресату – болельщикам футбольной сборной Франции, которые полностью разделяют намерения футболистов и поддерживают их.

Итак, результаты проведённого анализа позволяют сделать следующие выводы: во-первых, современный французский спортивный дискурс занимает прочное место в парадигме дискурсов и представлен в языкознании несколькими жанрами, среди которых к наиболее популярным относятся комментарий, аналитическая статья, интервью; во-вторых, прагматический потенциал языковых единиц в современном французском спортивном дискурсе достаточно высок; в-третьих, его прагматический потенциал обеспечивается функционированием в нём многочисленных и разнообразных тропов и речевых фигур; в-четвёртых, значительность его прагматического потенциала обеспечивается также окказиональностью, нетрадиционностью функционирования некоторых языковых единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. Москва: Ин-т яз-я АН СССР, 1988. С. 7-44.
2. Дейк Т. А. ван. К определению дискурса. Лондон, 1998. 384 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 385 с.

4. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Москва: Диалог-МГУ, 1997. С. 19-20.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с. [ЛЭС].
6. Новикова Е. А. Лингвокогнитивный анализ жанров спортивного дискурса (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2019. 22 с.
7. Панкратова О. А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005. 23 с.
8. Шарикова В. Н., Орлова Э. А. Спортивный дискурс и его жанры // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. Краснодар, 2017. Т. 1. С. 338-342.
9. Ashurova D. U., Galiyeva M. R. Stylistics of literary text. T.: Turon-Iqbol, 2016. 130 p.
10. Ashurova D. U., Galiyeva M. R. Text linguistics. T.: Turon-Iqbol, 2016. 230 p.
11. Leech G. Principles of Pragmatics. Lnd., N.Y.: Longman, 1985. 250 p.
12. Richard A. Les discours sportifs en proie aux nationalismes et à l'ethnisation. Montpellier: Université Paul Valéry, 2009. 694 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Eurosport. Available at: https://www.eurosport.fr/patinage-artistique/championnats-d-europe/2019-2020/le-patinage-francais-compte-sur-le-couple-papadakis-cizeron-et-aymoz-pour-redorer-son-blason_sto7622333/story.shtml. (accessed: 28.02.2023).
2. France Football. Available at: <https://www.francefootball.fr/news/Adn-proteiforme-et-homme-insatiable-dans-la-tete-de-julian-nagelsmann/1136978>. (accessed: 28.02.2023).
3. France TV Sport. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=2YEwIShB1U8>. (accessed: 23.05.2022).
4. L'Equipe. Available at: <https://www.lequipe.fr/Patinage-artistique/Article/Vice-champions-d-europe-gabriella-papadakis-et-guillaume-cizeron-sont-tombes-du-ciel/1102683>. (accessed: 06.03.2023).

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1988). Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovarya [Pragmatic information for the thesaurus]. In *Pragmatika i problemy intensionalnosti*. Moskva: Institut yazykoznaniya AN SSSR. Pp. 7-44. (In Russ.).
2. Dejk, T. A. van. (1998). *K opredeleniyu diskursa* [To the discourse identification]. London. (In Russ.).
3. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
4. Kubryakova, E. S., Aleksandrova, O. V. (1997). Vidy prostranstva, teksta i diskursa [Types of space, text and discourse]. In *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya*. Moskva: Dialog-MGU. Pp. 19-20. (In Russ.).
5. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedia]. In V. N. Yartsevov (ed.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. (In Russ.).
6. Novikova, E. A. (2019). *Lingvokognitivnyy analiz zhanrov sportivnogo diskursa (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguocultural analysis of sports discourse genres (based on the English language)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
7. Pankratova, O. A. (2005). *Lingvosemioticheskie kharakteristiki sportivnogo diskursa* [Linguosemiotic features of sports discourse]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Volgograd. (In Russ.).

8. Sharikova, V. N., Orlova, Ye. A. (2017). Sportivnyy diskurs i ego zhanry [Sports discourse and its genres]. In *Integrirrovannye kommunikatsii v sporte i turizme: obrazovanie, tendentsii, mezhdunarodnyy opyt*. Krasnodar. Vol. 1. Pp. 338-342. (In Russ.).
9. Ashurova, D. U., Galiyeva, M. R. (2016). *Stylistics of literary text*. T.: Turon-Iqbol.
10. Ashurova, D. U., Galiyeva, M. R. (2016). *Text linguistics*. T.: Turon-Iqbol.
11. Leech, G. (1985). *Principles of Pragmatics*. Lnd., N.Y.: Longman.
12. Richard, A. (2009). *Les discours sportifs en proie aux nationalismes et à l'ethnicisation*. Montpellier: Université Paul Valéry.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Eurosport*. Available at: https://www.eurosport.fr/patinage-artistique/championnats-d-europe/2019-2020/le-patinage-francais-compte-sur-le-couple-papadakis-cizeron-et-aymoz-pour-redorer-son-blason_sto7622333/story.shtml. (accessed: 28.02.2023).
2. *France Football*. Available at: <https://www.francefootball.fr/news/Adn-proteiforme-et-homme-insatiable-dans-la-tete-de-julian-nagelsmann/1136978>. (accessed: 28.02.2023).
3. *France TV Sport*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=2YEwIShB1U8>. (accessed: 23.05.2022).
4. *L'Equipe*. Available at: <https://www.lequipe.fr/Patinage-artistique/Article/Vice-champions-d-europe-gabriella-papadakis-et-guillaume-cizeron-sont-tombes-du-ciel/1102683>. (accessed: 06.03.2023).

Кравцов Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор, профессор Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (e-mail: serg.cravtsov2017@yandex.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Kravtsov Sergey M. – Doctor of Philology, Professor, Professor of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication (e-mail: serg.cravtsov2017@yandex.ru), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University»
344006, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, Rostov-on-Don

Шевченко Ксения Вячеславовна – магистрант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (e-mail: ksenia19992002@gmail.com), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Shevchenko Ksenia V. – Master's degree student of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication (e-mail: ksenia19992002@gmail.com), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University»
344006, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, Rostov-on-Don

Поступила в редакцию 10 марта 2023 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'37 : 811.111 : 811.161.1

© 2023 Ю. А. Квач

ТЕРМИНЫ-МЕТАФОРЫ В СОСТАВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена сопоставительному анализу англоязычных и русскоязычных строительных терминов, образованных путем метафорического переноса. В работе изучаются источники метафорических номинаций, описываются наиболее продуктивные метафорические типы и модели, характерные для англоязычной и русскоязычной строительной терминологии. В результате анализа установлено, что метафоризация является эффективным способом терминообразования в строительной терминологии обоих языков. Вместе с тем, механизмы образования строительных терминов путем метафоризации в английском и русском языках различны, что свидетельствует о специфическом восприятии объективной реальности представителями англоязычной и русскоязычной культур.

Ключевые слова: термин-метафора, строительная терминология, метафорическая модель.

© 2023 Yu. A. Kvach

METAPHORICAL TERMS AS PART OF ENGLISH AND RUSSIAN CONSTRUCTION TERMINOLOGY

The article focuses on a comparative analysis of English and Russian construction terms formed by metaphorical transfer. The paper studies the sources of metaphorical nominations, the most productive metaphorical types and models, typical for English and Russian construction terminology. As a result of the analysis, it was established that metaphORIZATION is an effective way of term formation in the construction terminology of the languages. At the same time, the methods of formation of the construction term of the way of metaphORIZATION in English and Russian languages turn out to be different, which is associated with a specific perception of the objective reality of the perception of English-speaking and Russian-speaking culture.

Key words: metaphor term, construction terminology, metaphorical model.

1. Вводные замечания. Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным интересом ученых к проблемам терминологии, что обусловлено стремительным научно-техническим прогрессом, расширением межкультурных контактов и интернационализацией науки. Сегодня наряду с потребностью в совершенствовании национального терминологического фонда ощущается острая необходимость в сопоставительном изучении терминологических систем различных языков, что будет способствовать достижению эквивалентности перевода и обеспечению эффективного взаимодействия специалистов в различных научных областях. Особый интерес в данном

контексте представляет сопоставительный анализ терминов строительной сферы, которую сегодня можно без преувеличения считать одной из наиболее динамично развивающихся сфер человеческой деятельности.

Следует отметить, что в современных условиях развития общества строительная терминология стремительно расширяется. При этом эффективным способом пополнения строительного терминологического фонда является метафоризация, под которой подразумевается «семантический процесс выбора наименования на основе предметного, признакового или функционального сходства двух гетерогенных объектов» [Ермакова, Ясенева, 2015: 242].

Изучению метафорического переноса как способа образования терминов отдельных отраслей знаний (в современном языкознании) посвящено большое количество научных исследований, среди которых следует в первую очередь отметить работы Г. С. Баранова [Баранов, 1992, 1993], Е. Н. Ермаковой и А. Н. Ясневой [Ермакова, Ясенева, 2015], Е. А. Сиротиной [Сиротина, 2020], А. П. Чудинова [Чудинов, 2001], Timothy D. Giles [Giles, 2008], Tercedor Sánchez et al. [Tercedor Sánchez et al., 2012], George Lakoff [Lakoff, 1993]. Рассмотрением терминов-метафор непосредственно в области строительства и архитектуры занимаются Д. З. Гайнутдинова [Гайнутдинова, 2017], И. Г. Кудрявцева и И. И. Юдина [Кудрявцева, Юдина, 2021], А. К. Сулейманова [Сулейманова, 2017] и др. Вместе с тем, явление метафоризации в системе строительной терминологии на сегодняшний день изучено недостаточно и требует дальнейшей разработки.

Объектом настоящего исследования выступает английская и русская строительная терминология; **предметом** – термины-метафоры и способы их образования в английском и русском языках.

Целью данной работы является изучение процесса образования строительных терминов путем метафоризации, выявление сходств и различий в образовании терминов-метафор в составе строительной терминологии английского и русского языков.

Материалом данного исследования послужили термины-метафоры, отобранные путем сплошной выборки из отраслевых словарей, а также специализированных изданий. Объем выборки составляет 537 терминов-метафор – 294 в английском языке и 243 в русском языке.

2. Понятие «термин-метафора». Появление терминов-метафор в различных отраслях знаний можно объяснить стремлением человека создавать новые понятия на основе уже знакомых предметов и образов, применяя для этого общеупотребительную лексику.

Использование метафор в языке науки и техники выполняет двойную функцию – одновременно создает ряд новых лексических единиц для описания новых явлений и предметов и формирует связь между новыми и уже существующими явлениями, которые лежат в основе метафоры [Tercedor Sánchez et al., 2012].

При метафорической интерпретации окружающего мира особое значение приобретает ассоциативно-образная символическая связь между двумя объектами, которая позволяет отразить «внутренние категориальные значения, субъективно-семантический контекст, сопровождающий познание окружающей человека действительности» [Глазунова, 2000: 77-78]

При метафорическом терминообразовании, как и при образовании слов общелитературного языка, применяется перенос на основании какой-либо ассоциации и на основании сходства эмоциональных впечатлений. Н.С. Шарафутдинова характеризует терминологическую метафоризацию как «семантический способ наименования специального понятия на основе предметного, признакового или функционального сходства научного и бытового объектов, который основывается на сравнении и сопоставлении» [Шарафутдинова, 2004: 84]

Как отмечает Д. Н. Шмелев, «объединяющие соответствующие значения [лексических единиц] признаки не являются ни дифференциальными семантическими признаками данных слов, ни вообще конструктивными элементами значений» [Шмелев, 1973: 193]. Соответственно, они не являются элементами непосредственного значения слова, а представляют собой некие устойчивые ассоциации, которые связаны с представлением человека о явлении, обозначаемом данным словом. Использование значения общеупотребимого слова позволяет специалисту создать представление о новом объекте и в ходе познавательной деятельности в дальнейшем разработать соответствующее научное понятие о нем.

3. Сферы-источники метафорического терминообразования в английском и русском языках. В настоящем исследовании выделение различных видов метафор осуществляется в соответствии с классификацией А. П. Чудинова, а именно выделяются антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные метафоры [Чудинов, 2001] (см. табл. 1).

Таблица 1. *Лексико-семантическая классификация терминов-метафор в английском и русском языках*

Метафора	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во единиц	%	Кол-во единиц	%
1. Артефактная метафора	104	35,4	102	42,0
2. Антропоморфная метафора	100	34,0	75	30,9
3. Природоморфная метафора	77	26,2	57	23,4
4. Социоморфная метафора	13	4,4	9	3,7
Всего:	294	100	243	100

3.1. Артефактная метафора. Как видно из таблицы 1, наиболее распространенной в исследованном материале является артефактная метафора (англ. – 104 ед., русск. – 102 ед.), в которой предметы и явления объективной действительности представлены в ассоциативной связи с миром вещей, созданных руками человека [Чудинов, 2001]. Достаточно большое количество терминов, в основе которых лежит сходство с искусственно созданными объектами, можно объяснить тем, что реалии, относящиеся к данной категории, окружают человека во всех сферах повседневной жизни, являются для него понятными и знакомыми, что логично приводит к использованию их образов при формировании новых научных понятий.

В рамках артефактной метафоры можно выделить следующие сферы-источники: «Одежда, обувь и аксессуары» (англ. – 40 ед., русск. – 39 ед.), «Предметы обихода и их свойства» (англ. – 18, русск. – 22 ед.), «Мебель и предметы интерьера» (англ. – 18, русск. – 11 ед.), «Продукты питания» (англ. – 7 ед., русск. – 12 ед.), «Сооружения» (англ. – 4 ед., русск. – 6 ед.), «Музыкальные инструменты» (англ. – 4 ед., русск. – 3 ед.), «Корабль и его части» (англ. – 2, русск. – 4 ед.), «Одиночные артефакты» (англ. – 10 ед., русск. – 5 ед.). Большинство выделенных сфер-источников метафоры в английском и русском языке совпадает, что свидетельствует о сходстве материального окружения людей, относящихся к этим языковым культурам.

В сопоставляемых языках наибольшее количество артефактных метафор относятся к сфере «Одежда, обувь и аксессуары», которая включает в себя наименования предметов одежды, обуви, аксессуаров, а также их элементов, например, англ. *base shoe* ‘башмак (основание) колонны’ (*shoe* – досл. ‘туфля, башмак’), русск. *анкерная серьга* (крепежный элемент, который по форме напоминает украшение, носимое в ушах). В русском языке высокой продуктивностью также обладает сфера «Предметы обихода и их свойства», к которой относятся наименования предметов посуды, емкостей для хранения и переноса продуктов, например, англ. *box beam* ‘коробчатая балка’ (*box* – досл. ‘коробка’);

русс. *дорожный утюг* (инструмент для разглаживания швов в дорожном строительстве).

В целом, в сопоставляемых языках в артефактной метафоре встречаются одним и тем же образы, однако можно заметить некоторые наименования одежды, которые больше свойственны одной из культур и не так распространены в другой, например, русск. *косынка* в терминологическом сочетании *соединение с косынкой*, англ. *muffler* 'шумопоглотитель' (досл. 'шарф'). Достаточно большое количество схожих метафорических образов в строительной терминологии английского и русского языка может свидетельствовать о том, что данная терминология сформировалась при тесном взаимодействии данных культур, а также о том, что в целом людей окружают одинаковые или схожие предметы.

3.2. Антропоморфная метафора. Вторым по продуктивности типом метафоры в настоящем исследовании представляется антропоморфная метафора (англ. – 99 ед., русск. – 75 ед.). В основе данного типа метафоры лежит сходство предмета с человеком, его физиологическими характеристиками и интеллектуальными способностями. Достаточно большое количество терминов строительства, образованных в результате такого сходства, является вполне закономерным с учетом антропоцентрической парадигмы современной науки. Как отмечает В. Н. Телия, по антропоцентрическому канону создается «наивная картина мира», которая выражается в возможности рассматривать явления природы или абстрактные понятия как лица или живые существа, которые обладают антропоморфными или зооморфными свойствами [Телия, 1988: 174].

Проведенный анализ антропоморфной метафоры в английском и русском языках позволил выделить следующие сферы-источники: «Строение и внешний вид человека» (англ. – 64 ед., русск. – 46 ед.), «Физиологические процессы» (англ. – 13 ед., русск. – 6 ед.), «Социальный статус человека» (англ. – 7 ед., русск. – 4 ед.), «Интеллектуальные способности» (англ. – 2 ед., русск. – 1 ед.), «Деятельность человека» (англ. – 5 ед., русск. – 13 ед.), «Визуальное восприятие мира человеком» (англ. – 4 ед., русск. – 3 ед.), «Межличностные отношения» (англ. – 3 ед.).

Наиболее распространенной сферой-источником антропоморфной метафоры в английском и русском языках является сфера «Строение и внешний вид человека» (англ. – 64 ед., русск. – 46 ед.), куда входят наименования частей тела и органов человека. Например, английский термин *arm* 'консоль, рычаг' (досл. 'рука') основан на сходстве рычага и руки человека по форме и расположению, а термин *skin* 'наружный слой, оболочка' (досл. 'кожа') образован в результате метафорического переноса по

выполняемой функции, поскольку наружный слой конструкции, как и кожа человека, выполняет защитную функцию. В русском языке к терминам данной группы относятся такие термины, как *щека* (передняя и задняя плоскости арки, торец, срез свода), *пята* (концевая опорная часть арочных конструкций или конструкций стержневого типа), которые образованы путем метафорического переноса по месту расположения.

3.3. Природоморфная метафора. Третий тип метафоры, выделенный в исследованном материале – природоморфная метафора – также демонстрирует достаточно высокую частотность в обоих языках (англ. – 77 ед., русск. – 57 ед.). Природоморфная метафора образуется на основе аналогии с объектами живой и неживой природы [Чудинов, 2001]. В рамках природоморфной метафоры выделены три сферы-источника: «Животный мир» (англ. – 45 ед., русск. – 31 ед.), «Растительный мир» (англ. – 24 ед., русск. – 12 ед.), «Неживая природа» (англ. – 9 ед., русск. – 14 ед.). Наиболее многочисленной в сопоставляемых языках является сфера-источник «Животный мир», в которую входят наименования млекопитающих, птиц, насекомых, моллюсков, пресмыкающихся, а также частей их тел.

Сопоставительный анализ показал, что в основном основой для природоморфной метафоры составляют наименования домашних животных, общих для обоих языков, например, *hog / боров*, *cat / кошка*, *dog / собачка*, *bull / бык*. Однако встречаются и уникальные для каждого из языков метафорические образы, при этом метафорический перенос может осуществляться на основании сходства функции, например, англ. *monkey* ‘баба (для забивки свай)’ (досл. ‘обезьяна’) или сходства формы, например, *dolphin* ‘куст свай’ (досл. ‘дельфин’). Для русскоязычной выборки уникальным оказался образ барана, который встречается, например, в терминах *барашек* (фактура камня, напоминающая баранью шерсть), *барашковый болт* (болт, который по форме напоминает бараньи рога); лебедя – русск. *лебедка* (элемент механизма, по форме напоминающий лебединую шею).

3.4. Социоморфная метафора. Социоморфная метафора, в основе которой лежат ассоциации с событиями социальной жизни человека, наименее частотна в эмпирическом материале (англ. – 13 ед., русск. – 9 ед.). Для данной метафоры было выделено три сферы-источника: «Военные действия и орудия убийства» (англ. – 9 ед., русск. – 8 ед.), русск. *стрела крана*, *цемент-пушка*, англ. *armouring* ‘покрытие защитной оболочкой’ (*armour* досл. ‘доспехи, броня’), «Мифология» (англ. – 2 ед., русск. – 1 ед.), например, англ. *cyclopean concrete* ‘бетон с зёрнами крупного заполнителя (до 15 см)’, *devil* ‘асфальтозагретель’, русск. *циклопическая кладка*, и «Социальный институт»

(англ. – 2 ед.), например, англ. *marriage* ‘точная пригонка одной детали к другой’ (досл. ‘бракосочетание’) и *marrying* ‘наращивание без врубки’. Метафорический перенос в данном случае основан на общем эмоциональном восприятии человеком этих процессов.

4. Классификация терминов-метафор в английском и русском языках по признакам, лежащим в основе метафорического переноса. По мнению А. К. Сулеймановой, в основе терминологической метафоры, как правило, лежит перенос лексического значения по какому-либо внешнему виду, например, по форме, размеру, внешнему виду, расположению [Сулейманова, 2017].

В исследованном материале были зафиксированы английские и русские термины-метафоры, в основе образования которых лежит сходство по форме, функции, эмоциональному впечатлению, расположению, а также термины, в которых сочетаются несколько этих признаков (см. табл. 2).

Таблица 2. *Классификация терминов-метафор в английском и русском языках по признакам, лежащим в основе метафорического переноса*

Признак	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во единиц	%	Кол-во единиц	%
1. По сходству формы	126	41,8	98	40,7
2. По сходству функции	68	23,1	25	10,8
3. По эмоциональному впечатлению	28	9,5	35	14,5
4. По сходству места расположения	27	9,2	18	7,5
5. По сходству формы и места расположения	17	5,8	26	10,8
6. По сходству места расположения и функции	15	5,1	11	2,9
7. По сходству формы и функции	10	3,4	12	4,6
8. По сходству формы и эмоциональных впечатлений	5	1,7	7	5,0
9. По сходству функции и эмоционального впечатления	1	0,3	–	–
10. По осуществляемому действию	–	–	10	4,1
Всего:	294	100	243	100

4.1. По сходству формы. Как видно из приведенной выше таблицы, наиболее распространенным признаком метафорического переноса является сходство объектов по форме. В обоих языках сходство по этому признаку наиболее ярко проявляется в природоморфной и артефактной метафорах, поскольку человек сопоставляет новые объекты с привычной окружающей его действительностью. Например, англ. *bud* ‘растительный орнамент в виде распускающихся почек’ (досл. ‘бутон’) – в данном

примере очевидно сходство декоративного элемента по форме с бутонем цветка; *barrel light* ‘полукруглое световое окно на крыше’ (досл. *barrel* ‘бочонок’) – здесь можем наблюдать сходство конструкции окна по форме с бочкой; русск. *яблоко* ‘шар под крестом на главе церкви’ – декоративный элемент, получил название благодаря круглой форме, напоминающей яблоко; *чашика* ‘вырубка на конце бревна’ – углубление в конструкции напоминает по форме предмет посуды.

4.2. По сходству функции. Вторым по продуктивности признаком метафорического переноса является сходство по выполняемой объектами функции. В английском языке чаще всего сходство по этому признаку встречается среди терминов-метафор, связанных окружающими предметами, т. е. артефактных метафор, и с человеком, т. е. антропоморфных метафор. Например, англ. *backbone* ‘каркас’ (досл. ‘позвоночник’) – в строительстве каркас здания выполняет ту же поддерживающую функцию, что и позвоночник в организме человека; *architectural coating* ‘архитектурная облицовка’ (*coating* досл. ‘верхняя одежда’) – в строительстве облицовка здания, которая представляет собой наружное покрытие, как и верхняя одежда для человека, выполняет функцию защиты от внешних воздействий. В русском языке сходство по функции менее выражено и чаще всего встречается в артефактной метафоре, реже – в антропоморфной и природоморфной, например: русск. *мостик холода* ‘участок ограждающей конструкции здания, имеющий пониженное термическое сопротивление’, т. е. данный элемент, как мост, передает холод остальной конструкции; *скелет* ‘каркас здания’ – в строительстве выполняет ту же функцию, что в организме человека, то есть служит основой для всего остального.

4.3. По эмоциональному впечатлению. Менее продуктивным в английском языке представляется сходство объектов по эмоциональному впечатлению. Данный признак и в английском, и в русском языке чаще всего прослеживается в антропоморфной метафоре, например, англ. *smart building system* ‘система «умный дом»’ – в данном примере наблюдается перенос на здание интеллектуальных способностей человека; русск. *живучесть* (в значении стойкость, долговечность).

4.4. По сходству места расположения. Сходство по месту расположения наблюдается во всех типах метафоры, связанных с какими-либо материальными или физическими объектами, однако совершенно не представлено в социоморфной метафоре, которая подразумевает сходство с некими абстрактными событиями социальной жизни человека. Примерам такого метафорического переноса могут служить следующие термины: англ. *sole* ‘основание’ (досл. ‘подошва’) – в данном примере прослеживается перенос по месту расположения части тела человека и элемента строительной конструкции; русск. *глава*

(декоративное завершение церковных построек в форме шлема, луковицы, груши, конуса или шатра, покоящееся на круглом или многоугольном в плане барабане).

4.5. По осуществляемому действию. В русском языке выделен признак, лежащий в основе метафоризации, который не был выявлен в английском языке, а именно – сходство по осуществляемому действию (русс. – 10 ед.). В данную группу вошли термины, в которых метафорический перенос основан на переносе действий, выполняемых человеком, на неодушевленные предметы и явления, например, *несущая конструкция* (от гл. нести), *наращивание* (от гл. расти, наращивать), *отдых сваи*, *отказ сваи*.

4.6. Комбинированные признаки. В исследованном материале также встречаются различные комбинации сходств по перечисленным выше признакам:

– по сходству формы и места расположения, например, англ. *belly* ‘утолщение, выпуклость’ (досл. ‘живот’); русск. *колесо трубы*;

– по сходству формы и функции, например, англ. *bag* ‘рукав’ (досл. ‘сумка’); русск. *ствол* (колонны);

– по сходству места расположения и функции, например, *cushion concrete coat* ‘подстилающий слой’ (*cushion* досл. ‘подушка’); русск. *кровельный ковер*;

– по сходству формы и эмоциональных впечатлений, например, англ. *water glass* ‘жидкое стекло’ (*water* досл. ‘вода’); русск. *жидкое цементное тесто*;

– по сходству функции и эмоционального впечатления, например, англ. *life-cycle cost* ‘стоимость жизненного цикла’ (*life-cycle* досл. ‘жизненный цикл’).

Выводы. Проведенное исследование показало, что в большинстве случаев в английских и русских терминах-метафорах в области строительства наблюдаются схожие тенденции. Для обоих языков характерен перенос значения с общеупотребительных слов на элементы строительных конструкций, строительное оборудование и т. д. Это подтверждается высокой продуктивностью артефактной метафоры, основанной на переносе значения физических предметов, как в английском, так и в русском языках. Несмотря на наличие общего пласта общеупотребимых слов, послуживших источниками метафор, в каждом из языков прослеживаются уникальные культурные особенности, например, присутствуют свойственные лишь одной из культур предметы быта или животные, для которых характерен определенный ареал обитания.

Согласно полученным результатам, в обоих языках достаточно продуктивен перенос, основанный на сходстве формы и функции. Особенностью русского языка можно назвать преобладание, по сравнению с английским языком, метафор, основанных на

переносе эмоционального восприятия, а также действий, выполняемых человеком. Для английского же более характерно преобладание метафорического переноса, основанного на сходстве формы и на сходстве функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов Г. С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. Ч. 1. 112 с.
2. Баранов Г. С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. Ч. 2. 200 с.
3. Гайнутдинова Д. З. Сопоставительный анализ структурных особенностей терминов-метафор архитектурно-строительного подъязыка (на материале русского и английского языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 92-100.
4. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. Санкт-Петербург: Фил. фак. СПбГУ, 2000. 190 с.
5. Ермакова Е. Н., Яснева А. Н. Метафорический перенос как способ терминообразования в нефтяной отрасли (на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 240-247.
6. Кудрявцева И. Г., Юдина И. И. Сопоставительный анализ терминов-метафор английской и русской терминологий строительства // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 1 (34). С. 359-361.
7. Сиротина Е. А. Метафорический способ образования терминов в современной английской терминологии биохимии // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. Доступ: <https://st-hum.ru/content/sirotina-ea-metaforicheskiy-sposob-obrazovaniya-terminov-v-sovremennoy-angliyskoj>. (дата обращения: 15.11.2022).
8. Сулейманова А. К., Сабитова Н. Г. Лексико-семантические процессы в терминологии: метафора в терминологии архитектуры // Филология науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 2. С. 169-171.
9. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 173-204.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Издво Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.
11. Шарафутдинова Н. С. Терминологическая метафоризация (на материале лингвистических терминов немецкого и русского языков) // Русско-немецкие культурно-исторические контакты. Тольятти: ТГУ, 2004. С. 84-86.
12. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Москва: Наука, 1973. 279 с.
13. Giles T. D. Motives for Metaphor in Scientific and Technical Communication // *Technical Communication Quarterly*. Amityville, NY: Baywood. 2008. Vol. 18. P. 99-101.
14. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // *Metaphor and Thought*. 2nd ed. Cambridge University Press, Cambridge, 1993. P. 202-251.
15. Tercedor S. Metaphor and metonymy in specialized language // *A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language*. Boston: De Gruyter Mouton, 2012. P. 33-72.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Российская архитектурно-строительная энциклопедия. 2010. Т. 13: Строительство высотных зданий и сооружений. 508 с.

2. Широкова Л. Н. Новый англо-русский и русско-английский словарь по архитектуре, строительству и недвижимости. Москва: Живой язык, 2009. 528 с.

3. Davies N., Jokiniemi E. Dictionary of architecture and building construction. Oxford, Elsevir, 2008. 737 p.

REFERENCES

1. Baranov, G. S. (1992). *Nauchnaya metafora: modelno-semioticheskiy podkhod* [Scientific metaphor: model and semiotic approach]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Ch. 1. (In Russ.).

2. Baranov, G. S. (1993). *Nauchnaya metafora: modelno-semioticheskiy podkhod* [Scientific metaphor: model and semiotic approach. Part 2]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Ch. 2. (In Russ.).

3. Gainutdinova, D. Z. (2017). Sopostavitelnyy analiz strukturnykh osobennostey terminov-metafor arkhitekturno-stroitel'nogo podyazyka (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [The comparative analysis of structural peculiarities of term-metaphors of the architecture and construction sublanguage (based on the Russian and English languages)]. In *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. No. 4. Pp. 92-100. (In Russ.).

4. Glazunova, O. I. (2000). *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy* [Metaphoric transformation logic]. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. (In Russ.).

5. Ermakova, E. N., Yasneva, A. N. (2015). Metaforicheskiy perenos kak sposob terminoobrazovaniya v neftyanoy otrasli (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Metaphorical transfer as a way of oil-and-gas term formation (based on Russian and English)]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2. Pp. 240-247. (In Russ.).

6. Kudryavtseva, I. G., Yudina, I. I. (2021). Sopostavitelnyy analiz terminov-metafor angliyskoy i russkoy terminologii stroitel'stva [Comparative analysis of metaphorical terms of English and Russian building construction terminology]. In *Baltiyskiy humanitarniy zhurnal*. No. 1 (34). Pp. 359-361. (In Russ.).

7. Sirotnina, E. A. (2020). Metaforicheskiy sposob obrazovaniya terminov v sovremennoy angliyskoy terminologii biokhimii [The metaphorical way of term formation in modern English terminology of biochemistry]. In *Studia Humanitatis*. No. 1. Available at: <https://st-hum.ru/content/sirotnina-ea-metaforicheskiy-sposob-obrazovaniya-terminov-v-sovremennoy-angliyskoy>. (accessed: 15.11.2022). (In Russ.).

8. Suleymanova, A. K., Sabitova, N. G. (2017). Leksiko-semanticheskie protsessy v terminologii: metafora v terminologii arkhitektury [Lexico-semantic processes in terminology: metaphor in architectural terminology]. In *Filologiya nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 7 (73). Ch. 2. Pp. 169-171. (In Russ.).

9. Teliya, V. N. (1988). Metaforizatsiya i ee rol v sozdaniy yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in linguistic worldview]. In *Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira*. Moskva: Nauka. Pp. 173-204. (In Russ.).

10. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russia in the mirror of metaphor: cognitive research of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).

11. Sharafutdinova, N. S. (2004). Terminologicheskaya metaforizatsiya (na materiale lingvisticheskikh terminov nemetskogo i russkogo yazykov) [Metaphorization in linguistic terminology (based on the German and Russian languages)]. In *Russko-nemetskie kulturno-istoricheskie kontakty*. Tolyatti: TGU. Pp. 84-86. (In Russ.).

12. Shmelev, D. N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale*

russkogo yazyka) [Issues of semantic analysis of literary vocabulary (based on the Russian language)]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

13. Giles, T. D. (2008). Motives for Metaphor in Scientific and Technical Communication. In *Technical Communication Quarterly*. Amityville, NY: Baywood. Vol. 18. Pp. 99-101.

14. Lakoff, G. (1993). The contemporary theory of metaphor. In *Metaphor and Thought*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 202-251.

15. Tercedor, S. (2012). Metaphor and metonymy in specialized language. In *A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language*. Boston: De Gruyter Mouton. Pp. 33-72.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Rossiyskaya arkhitekturno-stroitel'naya entsiklopediya* [Russian encyclopedia of architecture and construction]. 2010. Vol. 13: Stroitelstvo vysotnykh zdaniy i sooruzheniy. (In Russ.).

2. Shirokova, L. N. (2009). *Novyy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar po arkhitekture, stroitelstvu i nedvizhimosti* [New English-Russian and Russian-English dictionary of architecture, construction and real estate]. Moskva: Zhivoy yazyk. (In Russ.).

3. Davies, N., Jokiniemi, E. (2008). *Dictionary of architecture and building construction*. Oxford: Elsevir.

Квач Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода (e-mail: yu.kvach@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kvach Yuliya A. – Senior lecturer of Translation Studies Department (e-mail: yu.kvach@donnu.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 14 марта 2023 г.

УДК 81'33:811.581:811.161.1

© 2023 А. Э. Левицкий, Доу Чуньяо,

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛЮДЕЙ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц с общим семантическим признаком, который характеризует человека в юном возрасте. Анализ проводится на материале русского и китайского языков. Компонентный и семантический анализ фразеологических единиц, которые можно отнести к фразеосемантическому полю «ребенок», позволил выявить сходства и различия в способах выражения семантики детского возраста человека средствами фразеологии русского и китайского языков.

Ключевые слова: *детство, категория возраст человека, компонент, фразеологическая единица, фразеосемантическое поле.*

© 2023 A. E. Levitskiy, Dou Chunyao

TYPICAL FEATURES OF PEOPLE OF YOUNG AGE IN THE REFLECTION OF RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS

The article is devoted to a comparative analysis of phraseological units with a common semantic feature that characterizes a person of a young age. The analysis is carried out on the material of Russian and Chinese languages. The component and semantic analysis of phraseological units that can be attributed to the phraseosemantic field "child" made it possible to identify similarities and differences in the ways of expressing the semantics of a person young age by means of the phraseology of the Russian and Chinese languages.

Key words: *childhood, age of a person, component, phraseological group, phraseosemantic unity.*

Сопоставительное исследование фразеологических единиц в разноструктурных языках осуществляется с позиций семантико-когнитивного [Сунь, 1998 и др.], структурно-грамматического [Тянь Цзюнь, 2001; Хэ Хуа, 1997 и др.], стилистического [Арсентьева, 2006 и др.] и национально-культурного подходов [Рябинина, 2014, Чжоу Хань Жуй, 2014 и др.].

Возраст является ключевым параметром для определения характеристики жизни человека: его внешности, физического, физиологического, интеллектуального и душевного состояния, а также его социального статуса и поведения. Возраст человека всегда вызывал интерес ученых, решающих проблемы в разных сферах научного знания. Не стоит в стороне и лингвистика. Фразеология как направление, занимающееся исследованием языковых единиц, которые характеризуются устойчивостью, переосмысленностью, сверхсловностью, немоделированностью и экспрессивностью [Кунин, 1996: 24-52]. Такие единицы традиционно объединяются во фразеосемантические поля (ФСП), которые рассматриваются

как совокупность взаимообусловленных фразеологических единиц с общим семантическим признаком и определенными внутрисистемными отношениями между собой [Дьяконов, 2012: 198]. В основе распределения фразеологизмов по ФСП лежит «идентификация этих единиц отдельными лексемами, словосочетаниями или развернутыми описаниями в лексикографических источниках, а также наличием интегрирующих элементов их семантики» [Волошкина, 2009: 38].

Вашему вниманию представляются такая ФСП. Единицы её характеризуют человека в юном возрасте – ребенка. ФСП анализируется в сопоставительном аспекте на материале современных русского и китайского языков.

Центральная часть ФСП «童年» в китайском языке включает единицы с опорным компонентом 年齡 [возраст], ср., напр., 聚沙之年 [букв. в возрасте, когда играют в песочнице], который представляет собой образное обозначение детства [БФССКЯ: 598]. Очевидно, образ данного фразеологизма соотносится с антропным кодом китайской культуры: *детство* отличается игровой деятельностью. В китайской фразеологии ещё существует единица, которая содержит отсылку к тому, что дети любят играть в песочнице: 聚沙成塔 [букв. из собранных песчинок соорудить пагоду].

Детство в русской лингвокультуре как возрастной период жизни человека взаимодействует с его внешностью, чертами характера, а также поведением человека. Следовательно, в русской фразеологии отсутствуют единицы, называющие только детство. По сравнению с русской фразеологией, в китайской фразеологии для описания *детства* важны внешность, черты характера, физиологическое явление и поведение детей.

Внешность детей в сопоставляемых лингвокультурах описывается с помощью указания на их рост, ср., напр., *от горшка два вершка, от земли не видать*, 五尺童子 [букв. человек с ростом 5 чи] и т. д. В китайском фразеологизме компонент 五尺 [5 чи] (приблизительно равно 1.15 метра) связан с древнекитайской единицей длины 尺 [чи], т. е. китайский фут [КБФС, с. 1572]. Следует обратить внимание на русский аналог *от горшка два вершка*, который описывает не только детей, но и людей молодого возраста. Обозначая молодых людей, он обычно характеризует их неопытность [СОВРЯ: 27], например: *Вот проныра! От горшка два вершка, а поди ж ты, что вытворяет* (Б. Бедный, Девчата.) [Там же: 27]. Образ данного фразеологизма соотносится с вещным и числовым кодами культуры с помощью компонентов *горшок* и *два* соответственно. Имя числительное *два* также участвует в образовании значения этого фразеологизма, выражая отрицательную коннотацию.

Отметим, что русская и китайская фразеологические системы проявляют сходные представления о чертах характера детей: они характеризуются добротой, чистотой и наивностью: напр., русская пословица *Молодое сердце всегда ближе к правде* и китайский фразеологизм *金童玉女* [букв. *золотой мальчик и нефритовая девочка*].

Перейдём к рассмотрению подгруппы «Детство + поведение». Русская и китайская фразеология по-разному характеризуют поведение детей. Русские фразеологизмы *с колыбели*, *впитать с молоком матери* обозначают то, что люди делают что-либо с самого детства. Предлог «с» во фразеологизме *с колыбели* соотносится с временным кодом культуры, а компонент *колыбель* – с вещным кодом культуры. В основе образа данной единицы «лежит метафора, уподобляющая исходный, начальный момент какого-л. действия первым дням жизни человека – когда он ещё младенец» [БФСРЯ: 599]. Компоненты *молоко матери* в последней единице соотносятся с гастрономическим и соматическим кодами русской культуры. В образе данного фразеологизма лежит «метафорическое уподобление духовного воспитания вскармливанию грудных младенцев молоком» [Там же: 135-136]. Итак, данные фразеологизмы посредством своей внутренней формы показывают стереотипное представление русских о детстве: детство – это начальный возрастной период жизни человека.

По сравнению с русской фразеологией, в китайской фразеологии *童言无忌* [букв. *слова ребенка не содержат зла*] обозначает, что «дети невинны, говорят честно и безудержно, поэтому не надо обижаться, если они что-то сказали по ошибке» [БФССКЯ: 1071]. Очевидно, что китайский фразеологизм фокусирует внимание на речевом этикете. По данным корпуса китайского языка Пекинского лингвистического университета [ВСС], делаем вывод, что в современной речи данный фразеологизм ещё может обозначать взрослых людей, которые любят постоянно говорить ерунду: *元梦满不在乎地懒懒一笑 “什么童言无忌, 你额娘都快三十了还童言无忌!* [ВСС] (здесь и далее перевод наш. – *Юань Мэнмань безразлично и лениво сказала: «Твоя мать уже стала взрослым человеком 30-летнего возраста, но она всё ещё похожа на ребенка и часто говорила разнузданно»*). Очевидно, что данный фразеологизм маркирует отрицательную оценку взрослых людей.

Заметим, что в периферийной зоне ФСП «童年 [Детство]» китайского языка существует и алломорфная подгруппа «Детство + физиологическое явление», которая отсутствует в соответствующем микрополе русской фразеологии: ср., напр., фразеологизм

咿咿呀呀 [букв. *детский лепет*], который обозначает говор младенцев, которые ещё не умеют говорить [КБФС: 1784]. Таким образом, по сравнению с русской фразеологией, в китайской существуют центральная часть ФСП «Детство», в котором есть единицы, называющие только детство человека, а также алломорфная подгруппа «Детство + физиологическое явление». Сходство между фразеологическими системами русского и китайского языков состоит в том, что внешность детей в русской и китайской лингвокультурах характеризуется маленьким ростом (*от горшка два вершка*, 五尺童子 [букв. *человек с ростом 5 чи*] и др.), а их черты характера – чистотой, наивностью и добротой (*Молодое сердце всегда ближе к правде*, 金童玉女 [букв. *золотой мальчик и нефритовая девочка*] и др.). В русской лингвокультуре *детство* понимается как начальный этап жизни человека, а с точки зрения носителя китайской лингвокультуры, слова детей не содержат зла, нельзя их винить, если они не соображают, о чём говорят.

Итак, категория возраста человека выступает одним из значимых фрагментов картин мира русского и китайского языков. Возраст человека представляет собой абстрактное понятие, занимает важное место в русской и китайской картинах мира. Отметим, что в русской фразеологии отсутствуют единицы, которые называют только детство, а лишь в связи с иными свойствами. Иными словами, в русском языке существуют только единицы, которые находятся в периферийной части данного ФСП. По сравнению с русской фразеологией, китайские фразеологизмы распределяются в центральной и периферийной частях исследуемого ФСП.

Кроме того, в статье проанализированы эквивалентные единицы сопоставляемых языков. Анализ близких по значению единиц позволил раскрыть сходство и отличие средств номинации детского возраста человека средствами фразеологии в русской и китайской лингвокультурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань, 2006. 171 с.
2. Волошкина И. А. Фразеосемантическое поле «характер человека» (на материале французского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Белгород, 2009. 233 с.
3. Дьяконов А. И. Понятие «поле» в лингвистике, особенности полевой структуры сферы «англицизмы в русском языке» // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 198-210.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд., перераб. Москва: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
5. Рябинина М. В. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентами *дерево / название дерева* в русском, английском и немецком языках. Хабаровск. Изд-во ТОГУ, 2014. 137 с.

6. Сунь И. Синонимия русских фразеологизмов в сопоставлении с семантическими аналогами китайского языка: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1998. 141 с.

7. Тянь Цзюнь. Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2001. 214 с.

8. Хэ Хуа. Структурно-семантический анализ сложных слов в китайском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 1997. 224 с.

9. Чжоу Хань Жуй. Фразеологизм как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект: на материале китайского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Майкоп, 2014. 157 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. 784 с. [БФСРЯ].

2. Большой фразеологический словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2014. (现代汉语大辞典. 北京: 商务印书馆国际有限公司. 2014年). [БФССКЯ].

3. Китайский большой фразеологический словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 2009. (中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司. 2009年). [КБФС].

4. Словарь образных выражений русского языка. Москва: Отечество, 1995. 368 с. [СОВРЯ].

REFERENCES

1. Arsenteva, E. F. (2006). *Frazeologiya i frazeografiya v sopostavitel'nom aspekte (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Phraseology and phraseography in comparative aspect (based on Russian and English)]. Kazan. (In Russ.).

2. Voloshkina, I. A. (2009). *Frazeosemanticheskoe pole «kharakter cheloveka» (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Phraseosemantic group “character of a person” (based on the French language): diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Belgorod. (In Russ.).

3. Dyakonov, A. I. (2012). Ponyatie «pole» v lingvistike, osobennosti polevoy struktury sfery «anglitsizmy v russkom yazyke» [The notion of “group” in linguistics, features of group structure of “English loan words in Russian” sphere]. In *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*. No. 1. Pp. 198-210. (In Russ.).

4. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The course of phraseology of modern English]. 2nd ed., rev. Moskva: Vysshaya shkola, Dubna: Izdatelskiy tsentr «Feniks». (In Russ.).

5. Ryabinina, M. V. (2014). *Natsionalno-kulturnaya spetsifika frazeologizmov s komponentami derevo / nazvanie dereva v russkom, angliyskom i nemetskom yazykakh* [Cultural and linguistic specifics of phraseological units with tree / name of tree component in Russian, English and German]. Khabarovsk. Izd-vo TOGU. (In Russ.).

6. Sun, I. (1998). *Sinonimiya russkikh frazeologizmov v sopostavlenii s semanticheskimi analogami kitayskogo yazyka* [Synonymy of Russian phraseological units in comparison to semantic analogue of the Chinese language]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.).

7. Tyan, Tszyun. (2001). *Strukturnye i semanticheskie osobennosti somaticheskikh frazeologizmov v russkom i kitayskom yazykakh* [Structural and semantic features of somatic phraseological units in the Russian and Chinese languages]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Volgograd. (In Russ.).

8. Khe, Khua. (1997). *Strukturno-semanticheskiy analiz slozhnykh slov v kitayskom i russkom yazykakh* [Structural and semantic analysis of the compound words in the Chinese and Russian languages]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. (In Russ.).

9. Chzhou Khan Zhui. (2014). *Frazeologizm kak etnokulturnyy fenomen: lingvostranovedcheskiy aspekt: na materiale kitayskogo i russkogo yazykov* [Phraseological unit as ethnocultural phenomenon: an aspect of linguistic and cultural studies: based of the Chinese and Russian languages]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Maikop. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Unabridged phraseological dictionary of the Russian language]. Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2014. (In Russ.).

2. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar sovremennogo kitayskogo yazyka* [Unabridged phraseological dictionary of the modern Chinese language]. Pekin: Kommercheskoe izdatelstvo, 2014. (现代汉语大辞典. 北京: 商务印书馆国际有限公司. 2014年). (In Chin.).

3. *Kitayskiy bolshoy frazeologicheskiy slovar* [Chinese unabridged phraseological dictionary]. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2009. (中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司. 2009年). (In Chin.).

4. *Slovar obraznykh vyrazheniy russkogo yazyka* [Dictionary of figural expressions of the Russian language]. Moskva: Otechestvo, 1995. (In Russ.).

Левицкий Андрей Эдуардович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации (e-mail: andrelev@list.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Levitskiy Andrey Ye. – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics, Translation and Intercultural Communication Department (e-mail: andrelev@list.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow State University named after M. V. Lomonosov» 1 Leninskie gory, Russia, Moscow, 119991

Доу Чуньяо – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник факультета русского языка, Институт иностранных языков, Пекинский университет, КНР

Dou Chunyao – Candidate of Philology, Junior Research Associate of Faculty of Russian Language, Institute of Foreign Languages, Peking University, the Peoples Republic of China

Поступила в редакцию 01 марта 2023 г.

ПЕРЕВОД

УДК 811.221.18'271.2 +81'373.44+811.111++81'255.4+811.161+81'373.211.1

© 2023 И. Д. Бекоева

СПОСОБЫ ВОСПОЛНЕНИЯ ЛАКУНАРНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕОНИМОВ

Статья рассматривает взаимодействие передающей и принимающей культур в процессе перевода, в результате которого проявляются лингвокультурные лакуны и их разновидности, представляющие наибольшую сложность в переводе, особенно, если в принимающей культуре нет языковой единицы, отражающей схожее понятие или явление. Значительная трудность при переводе лингвокультурных лакун заключается в том, что необходимо не только передать предметное (денотативное) значение, но также сохранить коннотацию (эмотивность, оценочность, этническую маркированность).

Ключевые слова: восполнение лакунарности, безэквивалентная лексика, теонимы, способы перевода.

© 2023 I. D. Bekoeva

WAYS TO ELIMINATE LACUNARITY IN TRANSLATION OF THEONYMS

The article considers the interaction of transmitting and target cultures in the process of translation, as a result of which linguocultural gaps and their varieties appear. These kind of lacunae represent the most challenging aspect in translation, especially if the target culture does not have a language unit that reflects a similar concept or phenomenon. Another difficulty in translating linguocultural gaps is the need not only to convey the denotative meaning, but also to preserve connotation (emotivity, evaluation, ethnic marking).

Key words: lacunarity elimination, non-equivalent vocabulary, theonyms, translation methods.

1. Введение

В процессе перевода необходимость трансформаций инокультурного текста, передаваемого средствами переводящего языка, выявляет значительные расхождения в системах сопоставляемых языков. Проблемы непонимания этноспецифики незнакомой культуры объясняются тем, что реципиент рассматривает все через призму своей культуры [Антипов и др., 1989:84]. Крайне важным для оптимизации интракультурного и интеркультурного общения (первый тип общения предполагает общение людей с людьми; второй тип – взаимоотношение людей с окружающей их средой) является адаптация, обуславливающая специфичность различных семиотических феноменов в одной лингвокультурной общности по сравнению с другой [Маркарян, 1983: 209]. Выявление

механизмов адаптации или компенсаторных приемов, применяемых при переводе исходного текста, удобно проводить в рамках теории лакун.

Лакуны – это система принятых для данной культуры способов восприятия и интерпретации поведенческих паттернов (вербальных и невербальных), фактов, явлений, характерных для данной культуры и для данной культурной общности [Чуликов, 2010]. Лингвокультурные расхождения, или лакуны, являются предметом изучения лингвокультурологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, теории и практики перевода. Впервые данный термин был введен в употребление в конце 1950-х – начале 1960-х гг. французскими учеными Ж. П. Вине, Ж. Дарбельне, А. Мальбланом, определявшими лакуну как языковое явление, которое наблюдается всякий раз, когда лексеме в одном языке невозможно найти соответствие в другом языке [François, 2008; Malblanc, 1961; Vinay, Darbelnet, 1958; 1995].

По мнению Ю. С. Степанова, который впервые из отечественных ученых ввел в научный обиход термин «лакуна», описание двух или более языков способствует выявлению так называемых *белых пятен*, или *анти-слов* на семантической карте языка. Носитель, владеющий только одним языком, не может наблюдать их «изнутри» [Степанов, 2003: 120]. Лакуны выявляются исключительно при взаимодействии языков и культур и могут быть: 1) абсолютными (при составлении словаря они указываются как слова, не имеющие эквивалента в виде лексического соответствия в переводящем языке); 2) относительными (если языковая единица существует в переводящем языке, но употребляется редко [Степанов, 2003: 120-121]. Под семантической картой языка понимается смысловой комплекс понятий, графически упорядоченных и логически связанных [НСМТП, 2009]. Семантическая карта и ее моделирование – относительно новые понятия в лингвистике, которые служат способами представления взаимосвязей значений в разных языках [Михалев, 2020: 30]. Семантическая карта – это геометрическое представление функций в «концептуальном / семантическом пространстве», которые связаны соединительными линиями и, таким образом, составляют сеть [Haspelmath, 2003: 213]. Семантическая карта принимает форму двумерной диаграммы и представляет набор значений («смыслов» [François, 2008], «функций» [Haspelmath, 2003; 2010]). Эти значения упорядочены в пространстве согласно определенным принципам и эксплицитно связаны между собой, образуя, таким образом, смысловую сеть [François, 2008:16].

В исследованиях, рассматривающих проблему лакунарности, основное внимание уделяется описанию лексического пласта сравниваемых или сопоставляемых языков,

особенностям грамматического строя и лингвокультурной специфике. Понятие лакуны или лакунарности, первоначально относившееся к отсутствию в одном из языков лексической единицы, стало применяться для целого ряда расхождений (лексических, грамматических, фразеологических, когнитивных).

Каждый язык характеризуется наличием большого количества лакун в лексико-фразеологической системе языка, отражающих этнические характеристики и ментальность народа [Красных, 2002; Марковина, 2006; Стернин, Быкова, 1998]. В. Г. Гак определяет лакуны как виртуальные лексические единицы, не имеющие соответствий в переводящем языке [Гак, 1977]. К лакунам относят лексические единицы из исходного языка, отражающие понятия, не закрепленные в языковой норме переводящего языка [Муравьев, 2005].

Процесс адаптации и транспонирования фрагментов ценностного опыта одной лингвокультурной общности при восприятии данного опыта носителями иной общности сводится к элиминированию лакун разного рода [Сорокин, 1988: 10].

Элиминирование или элиминация (от лат. *eliminare* устранять, удалять, исключать), предполагает процесс совмещения вступивших в конфликт когнитивных, эмотивных и аксиологических установок сопоставляемых культур, процесс адаптации фрагментов культурных текстов при помощи средств культуры реципиента [Сорокин, 1994; Латинско-русский словарь].

Антиномия подобной межкультурной трансляции заключается: 1) с одной стороны, в необходимости сохранения передачи этнокультурной маркированности; 2) с другой стороны, в необходимости максимального приближения к культуре-реципиенту. Сущностная значимость подлежащих межкультурной трансляции фрагментов опыта обусловлена задачами коммуникации, дистанцией между культурами-коммуникантами, а также особенностями текста, в которых эти фрагменты репрезентированы [Сорокин, 1988: 11]. Устранение, восполнение или элиминирование лакун предполагает два способа – заполнение и компенсацию. Заполнение лакун – это процесс раскрытия смысла языковой единицы, относящейся к незнакомой для принимающей стороны культуре. Компенсация состоит в снятии национально-специфических барьеров в ситуации контакта культур, это означает, что для понимания реципиентом фрагмента чужой культуры в текст, вводится, в том или ином виде, этноспецифичный элемент принимающей культуры, что облегчает в некотором роде понимание реципиентом инокультурного текста, но, в то же время, приводит к утрате национальной маркированности передающей культуры [Сорокин, 1988: 11].

2. Переводческая лакунарность

Любой язык развивается на почве определенной культуры и не может изучаться вне этой культуры, включающей в себя как универсальные черты, присущие всем культурам, так и локальные компоненты, отражающие этническую уникальность и национально-культурные особенности народа [Мечковская, 2000: 50]. Вполне очевидно, что национальный колорит и неповторимость формируются именно за счет локальных компонентов, которые должны быть сохранены при переводе, но могут приводить к межкультурному непониманию в случае невозможности подобрать лексико-семантическое переводческое соответствие. Л. С. Бархударов определяет лакуны как единицы вокабуляра одного из сопоставляемых языков, которым не может быть найдено соответствий в переводящем языке [Бархударов, 1975: 95]. Изучение лакун тесно связано с понятием безэквивалентной лексики, так как и те и другие выявляются в переводе парно, то есть, то, что в одном языке считается лакуной, в сопоставляемом языке относится к безэквивалентной лексике, и наоборот [Антипов и др., 1989: 207]. Лакуны, являясь предметом интереса как лингвокультурологии, так и переводоведения, изучаются с разных позиций, отражая отличие переводческого подхода от лингвокультурологического. Культурологи склонны рассматривать все случаи безэквивалентной лексики как примеры лакун, приравнивая безэквивалентность и лакунарность, и подчеркивая их синонимичность [Марковина, 1982: 33; 2006; 2009; Марковина, Сорокин, 2008]. В русле же науки о переводе лакуны являются одной из разновидностей безэквивалентной лексики наряду с реалиями.

Переводческая лакунарность в данном исследовании рассматривается на материале этноспецифических осетинских теонимов, репрезентированных в текстах общественно-политической направленности. Исследование выполнено в русле теории перевода и межкультурной коммуникации, затрагивает проблемы сохранения этноспецифических характеристик исходного текста при передаче его средствами переводящего языка. Основная **цель** состоит в определении собственно переводческого подхода к лексической лакунарности и описании особенностей интерпретации и перевода этноокрашенных онимных единиц, не имеющих соответствий в переводящих языках. Задачи исследования предполагают: 1) выявление применимости теории лакунарности к задачам науки о переводе; 2) рассмотрение способов достижения эквивалентности при переводе безэквивалентных онимов; 3) анализ переводческих решений, выявленных в текстовых фрагментах, извлеченных путем сплошной выборки из материалов новостных агентств Южной Осетии «Спутник Южная Осетия», «РЕС» (14 текстовых фрагментов, содержащих

репрезентации теонима *дауаг / дауджытæ* и их переводческие соответствия на русском языке). **Актуальность** исследования обусловлена важностью обеспечения межъязыкового и межкультурного общения, предполагающего перенос лакун из текста на исходном языке (далее – ИЯ) в текст на переводящем языке (далее – ПЯ) в ситуации отсутствия переводческой традиции и унифицированного подхода к переводу осетинской безэквивалентной лексики. **Предметом** исследования являются способы перевода, предполагающие компенсаторные и экспланаторные приемы передачи этноспецифичных осетинских онимов средствами русского и английского языков. **Объект** исследования – теонимная лексика, не имеющая лексических соответствий в переводящем языке.

3. Способы элиминирования лакунарности при переводе югоосетинских сакральных онимов

Внимание современного антропоцентрического подхода в лингвистической науке сфокусировано на исследовании языковой картины мира народа и на особенностях отражения объективной действительности в языке. В этом отношении сакральный ономастикон – значимый источник исторических, этнографических сведений о народе.

Пласт сакральной онимной лексики тесно связан с традиционными народными верованиями, религиозными учениями, ритуалами, обрядностью, характеризующими кавказское общество. Верования осетин характеризуются сочетанием кавказских и древнеиранских признаков. Активное распространение в средние века христианства не повлияло особенно на традиционные религиозные представления осетин, не проникло глубоко настолько, чтобы изменить или уничтожить все первобытные религиозные культы, но наложило отпечаток, проявившийся, к примеру, в том, что языческие божества нарекались христианскими именами, которые сохранились и по сей день [Калоев, 1971: 236]. Теонимная лексика представляет собой достаточно обширную группу онимов, состоящую из подгрупп агиионимов и мифонимов [Подольская, 1978: 131]. Агиионимы представлены каноническими православными святыми (Св. Георгий, Николай Чудотворец и т. д.), мифонимы югоосетинского сакрального пространства представлены небожителями из пантеона осетинских богов, *дзуарами, зэдами, даугами, бардуагами*.

Теонимы *дауаг* ‘божество’ / *дауджытæ* (форма мн. числа) ‘божества’, ‘духи’, *идауаг* / *идауджытæ* ‘божество / божества’, *зæд* ‘ангел’, *бардуаг* ‘божество, властвующее над определенной сферой природы или мира животных’ являются исконно иранскими словами [Дзиццойты, 2017: 337]. *Дауаги* и *зэды* (боги и силы) являются наследием дохристианской религии алан и постоянно упоминаются в осетинской мифологии, нартских сказаниях, молитвах. В некоторых селах Осетии этим божествам и небесным

силам посвящали и посвящают святилища, почитающиеся всеми жителями данной локальности. Почитание именно этих божеств является отличительной чертой религиозных воззрений осетин, не характерной для всех других кавказских народов [Калоев, 1971: 242]

В осетинских традиционных верованиях и в мифологии *зæдтæ æмæ дауджытæ* ‘зэды и дауаги’ – ‘низшие духи’. В нартовском эпосе это простые смертные, земные жители, противостоящие нартам и воюющие с ними [Дзадзиев и др., 1994: 58].

В христианской традиции Осетии *Zæd / izæd* (в дохристианский период – ‘божество’) средствами русского языка переводится как ‘ангел’. Часто встречается в паре с синонимичным *dawæg, zædtæ æmæ dawgítæ* ‘зэды и дауаги’, ‘боги и небожители в совокупности’ ‘все небесные силы’ [ИЭСОЯ, 1958: 290]. *Зæд* – рел. ‘ангел’ [ОРС, 1970: 226.] *Дауæг* (мн. число *дауджытæ*) дух, покровитель [ОРС, 1970: 203].

Dawæg / idawæg ‘божество’ в до-христианский период – общее наименование ‘небесных сил’; в христианскую эпоху перенесено на христианских святых [ИЭСОЯ, 1958: 348-349]. *Дауаги* – в осетинской мифологии духи – покровители людей, зверей, лесов, вод, ветров, которые после принятия аланами христианства (6-11 вв.) стали называться зэды и дауаги хранителя [МНМ, 1994: 354]. *Дауаги, дуаги* (осет. *Дауджытæ, Дуæгтæ, Идаугутæ, Бардуаг*) – в осетинской мифологии и нартовском эпосе название сверхъестественных духов, стоящих на низшей ступени в иерархии духовных существ (см. табл. 1).

Таблица 1. *Осетинские теонимы*

Теонимы иранского происхождения, относящиеся к дохристианскому периоду истории алан-осетин	Теонимы послехристианского периода
<i>Зæд</i> ‘ангел’	<i>Дзуар</i> ‘божество’ / <i>Дзуæрттæ</i> ‘божества’
<i>Идауæг</i> ‘божество’	
<i>Дауæг</i> ‘божество’ / ‘дух’ / <i>Дауджытæ</i> ‘божества’ / ‘духи’	
<i>Бардуаг</i> ‘божество, имеющее власть над определенной областью природы или животного мира’	

Существует несколько способов перевода лакун: 1) транскрипция и транслитерация; 2) калькирование; 3) описательный перевод; 4) нахождение соответствий-аналогов в виде ближайшей по значению единицы перевода; 5) конкретизация или генерализация [Абдуразакова, 2012].

Дауджытæ как *отголосок глубокой старины. Дауджытæ* – один из основных религиозных праздников. <...> *Дауæг, дауджытæ* (дух, покровитель) – в религиозном воззрении осетин общее наименование всякого рода небесных сил. Под *Дауджытæ*

обычно подразумевают не какое-то определенное божество, а весь сонм покровителей природного мира <...> Праздник в честь *Дауджытæ* обычно приходится на субботу или воскресенье. <...> Важной частью праздника является посещение самого святилища, посвященного *Дауджытæ* <...> [Дауджытæ¹].

Переводческий анализ данного фрагмента показывает, что теоним *Дауджытæ* переводится на русский язык способами транскрипции и транслитерации, без приема морфограмматической адаптации. В ПЯ теоним *Дауджытæ* сохраняет суффикс *-т* и **флексию** *-æ* – формальные показатели множественного числа в осетинском языке. Транскрипция дополняется приемами конкретизации и генерализации, поскольку, с одной стороны, в рассматриваемом фрагменте *Дауджытæ* переводится как ‘дух, покровитель’, с другой стороны, переводчик разворачивает значение теонима до целого сонма покровителей природного мира, а не одного определенного божества (см. табл. 2).

Дауджытæ <...> можно перевести как ангелы или небесные покровители <...> мест отправления этого культа в Осетии немало, одно из них – святилище *Билурта* <...> (2141 метра над уровнем моря) <...> [«Дауджыта»²; Неповторимая аура]. В анализируемом текстовом фрагменте используется комбинированный способ перевода. Теоним *Дауджыта* транслитерируется и транскрибируется. Прием компенсации позволяет передать семантику этно-окрашенного теонима *Дауджыта* через универсальные теонимы ‘ангелы или небесные покровители’ (см. табл. 2).

Таблица 2. Способы перевода теонима *Дауджытæ*

ИЯ	ПЯ	Способ перевода
<i>Дауаг / Дауджыта</i>	Дауаг / Дауджыта	транскрипция, транслитерация
	ангелы или небесные покровители	компенсация, конкретизация
	дух, покровитель	компенсация, конкретизация
	не какое-то определенное божество, а весь сонм покровителей природного мира	экспликация, генерализация
	в религиозном воззрении осетин общее наименование всякого рода небесных сил	экспликация, генерализация

5. Выводы

Теория лакунарности возникла на основе лингвокультурологии и лингвистики текста. Лакуны – это этномаркированные элементы лингвокультурной общности, не имеющие соответствий в принимающей культуре.

Лакуарность предполагает отсутствие в одном из сопоставляемых языков понятия или явления, характерного для передающей культуры, что может потенциально приводить к затруднению межкультурного общения. Лакуарность, понимаемая в широком смысле, это этномаркированность и национальная специфика сопоставляемых языков и культур. В узком смысле лакуна означает отсутствие лексического, лексико-грамматического, фразеологического соответствия в языке реципиента.

Традиционный осетинский сакральный ономастикон включает в себя две микросистемы: 1) православно-христианскую, каноническую; 2) традиционно-обрядовую, объединяющую элементы как архаических, языческих, так и христианских верований.

Способы передачи онимной безэквивалентной лексики средствами других языков – сложная, многоплановая проблема, связанная с одной стороны, с ориентированностью на принимающую культуру, с необходимостью элиминации лакуарности при переводе, с другой стороны, необходимостью сохранения национального колорита при передаче теонима средствами переводящих языков. Для адекватного перевода теонимов важным аспектом переводческой задачи является: 1) знание историко-этимологической составляющей онима; 2) понимание переводчиком мотивированности имени собственного.

Анализ текстовых фрагментов показал, этноспецифичная онимная лексика (теонимная и мифонимы), реализуемая в текстах, является безэквивалентной и передается средствами ПЯ способами транскрипции, транслитерации, экспликации, генерализации, конкретизации, компенсации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуразакова Ш. Р. Межязыковые лакуны и способы их перевода // Филология и лингвистика в современном обществе. Москва: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 97-99.
2. Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. Москва: Наука, 1989. 167 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Москва: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
4. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Ленинград: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1977. 300 с.
5. Дзиццойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии: в 3-х т. Цхинвал: Республика, 2017. Т. I. 464 с.
6. Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). Москва: Наука, 1971. 358 с.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
8. Марковина И. Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 1982. 220 с.

9. Марковина И. Ю. Прагматические аспекты лакунологии. Теория лакун в исследовании проблем межкультурного общения // Вопросы психолингвистики. 2009. № 3. С. 34-41.

10. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 144 с.

11. Марковина И. Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «Притяжения» и «Отгалкивания» // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 12-33.

12. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. 2-е изд., испр. Москва: Аспект Пресс, 2000. 207 с.

13. Михалев А. Б. Семантическая карта: классический тип // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2020. № 1-1. С. 30-37.

14. Муравьев В. Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир: Эпоха, 2005. 110 с.

15. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальное сознание. 3-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.

16. Сорокин Ю. А., Марковича И. Ю., Крюков А. Н. и др. Этнопсихолингвистика. Москва: Наука, 1988. 192 с.

17. Сорокин Ю. А. Этническая конфликтология. Самара, 1994. 95 с.

18. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской). Москва: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.

19. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. Москва, 1998. С. 55-67.

20. Чуликов Ю. М. Проблема лакунарности в межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 128-137.

21. François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. John Benjamins: Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 163-215.

22. Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // The new psychology of language. New York: Erlbaum, 2003. Vol. 2. P. 211-243.

23. Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // Language. 2010. 86 (3). P. 663-687.

24. Malblanc A. Stylistique comparee du francais et de l'allemand. Paris, 1961. 353 p.

25. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparee du francais et de l'anglais. Methode de traduction. Paris, 1958. 331 p.

26. Vinay J. -P., Darbelnet J. Comparative Stylistics of French and English. Amsterdam / Philadelphia, 1995. 358 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР. 1958. Т. 1. А-К. 656 с. [ИЭСОЯ].

2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Издательство ИКАР, 2009. 448 с. [НСМТП].

3. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с.

4. Латинско-русский словарь. Доступ: <https://www.latindic.ru/перевод/латынь-русский/eliminare>. (дата обращения: 13.01.2023).

5. Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарева. Москва: Российская энциклопедия. 1994. Т. 1. А-К. 671 с. [МНМ].
6. Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О.Н. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе: Ир, 1970. 720 с. [ОРС].
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1978. – 198 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Дауджытæ¹ как отголосок глубокой старины. Доступ: <https://south-ossetia.info/daudzhytae-kak-otgolosok-glubokoj-stariny>. (дата обращения: 11.01.2023).
2. «Дауджыта»². Название можно перевести как ангелы или небесные покровители. Доступ: <https://sputnik-ossetia.ru/20200613/Nepovtorimaya-aura-svyatilischa-Bilurta-v-Yuzhnoy-Osetii-prazdneyut-Daudzhyta-10717636.html>. (дата обращения: 11.01.2023).
3. Неповторимая аура святилища Билурта: в Южной Осетии празднуют «Дауджыта». Доступ: <https://sputnik-ossetia.ru/20200613/Nepovtorimaya-aura-svyatilischa-Bilurta-v-Yuzhnoy-Osetii-prazdneyut-Daudzhyta-10717636.html>. (дата обращения: 11.01.2023).

REFERENCES

1. Abdurazakova, Sh. R. (2012). Mezhyazykovye lakuny i sposoby ikh perevoda [Interlingual gaps and ways to translate them]. In *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve*. Moskva: Vash poligraficheskiy partner. Pp. 97-99. (In Russ.).
2. Antipov, G. A., Donskikh, O. A., Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (1989). *Tekst kak yavlenie kultury* [Text as a cultural phenomenon]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and special theory of translation)]. Moskva: Mezhdunarjdnye otnosheniya. (In Russ.).
4. Gak, V. G. (1977). *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of French and Russian languages]. Leninrad: Prosveshchenie. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.).
5. Dzitstsoity, Yu. A. (2017). *Voprosy osetinskoj filologii* [Issues of Ossetian Philology]. In 3 vols. Tskhinval: Respublika. Vol. I. (In Russ.).
6. Kaloev, B. A. (1971). *Osetiny (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Ossetians (historical and ethnographic research)]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
7. Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguocultural studies]. Moskva: ITDGK «Gnozis». (In Russ.).
8. Markovina, I. Yu. (1982). *Vliyanie lingvisticheskikh i ekstralingvisticheskikh faktorov na ponimanie teksta* [The Influence of Linguistic and Extralinguistic Factors on Text Understanding]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
9. Markovina, I. Yu. (2009). Pragmaticheskie aspekty lakunologii. Teoriya lakun v issledovanii problem mezhkulturnogo obshcheniya [Pragmatic aspects of lacunology. The theory of gaps in the study of problems of intercultural communication]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 3. Pp. 34-41. (In Russ.).
10. Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2008). *Kultura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu* [Culture and text. Introduction to Lacunology]. Moskva: GEOTAR-Media. (In Russ.).
11. Markovina, I. Yu. (2006). Eliminirovanie lakun kak deystvie sotsialno-psikhologicheskikh mekhanizmov «Prityazheniya» i «Ottalkivaniya» [Elimination of gaps as an action of socio-psychological mechanisms of «Attraction» and «Repulsion»]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 3. Pp. 12-33. (In Russ.).
12. Mechkovskaya, N. B. (2000). *Sotsialnaya lingvistika* [Social Linguistics]. 2nd ed., rev. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).

13. Mikhalev, A. B. (2020). *Semanticheskaya karta: klassicheskiy tip* [Semantic map: the classic type]. In *Yazyk i kultura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya*. No. 1-1. Pp. 30-37. (In Russ.).
14. Muravev, V. L. (2005). *Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Lexical gaps (based on the French and Russian languages)]. Vladimir: Epokha. (In Russ.).
15. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Yazyk i natsionalnoe soznanie* [Language and national consciousness]. 3rd ed., rev. and enl. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
16. Sorokin, Yu. A., Markovicha, I. Yu., Kryukov, A. N. i dr. (1988). *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
17. Sorokin, Yu. A. (1994). *Etnicheskaya konfliktologiya* [Ethnic conflictology]. Samara. (In Russ.).
18. Stepanov, Yu. S. (2003). *Frantsuzskaya stilistika (v sravnenii s russkoy)* [French stylistics (in comparison with Russian)]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
19. Sternin, I. A., Bykova, G. V. (1998). Kontsepty i lakuny [Metaphorical concepts and lacunae]. In *Yazykovoie soznanie: formirovanie i funktsionirovanie*. Moskva. Pp. 55-67. (In Russ.).
20. Chulikov, Yu. M. (2010). Problema lakunarnosti v mezhkulturnoy kommunikatsii [The problem of lacunarity in intercultural communication]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No. 12. Pp. 128-137. (In Russ.).
21. François, A. (2008). Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. In *From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations*. John Benjamins: Amsterdam / Philadelphia.
22. Haspelmath, M. (2003). The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison. In *The new psychology of language*. New York: Erlbaum. Vol. 2.
23. Haspelmath, M. (2010). Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. In *Language*. 86 (3). Pp. 663-687.
24. Malblanc, A. (1961). *Stylistique comparee du francais et de l'allemand*. Paris.
25. Vinay, J.-P., Darbelnet, J. (1958). *Stylistique comparee du francais et de l'anglais. Methode de traduction*. Paris.
26. Vinay, J. -P., Darbelnet, J. (1995). *Comparative Stylistics of French and English*. Amsterdam / Philadelphia.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Abaev, V. I. (1958). *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. In 4 vols. Moskva – Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. Vol. 1. A-K. (In Russ.).
2. Azimov, E. G., Shchukin A. N. (2009). *Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moskva: Izdatelstvo IKAR. (In Russ.).
3. Dzadziev, A. B., Dzutsev, Kh. V., Karaev, S. M. (1994). *Etnografiya i mifologiya osetin. Kratkiy slovar* [Ethnography and mythology of Ossetians. Concise Dictionary]. Vladikavkaz. (In Russ.).
4. *Latinsko-russkiy slovar* [Latin-Russian dictionary]. Available at: <https://www.latindic.ru/perevod/latyn'-russkii/eliminare> (accessed: 13.01.2023). (In Russ.).
5. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. In S. A. Tokarev (ed.). Moskva: Rossiyskaya entsiklopediya. 1994. Vol. 1. A-K. (In Russ.).
6. Bigulaev, B. B., Gagkaev, K. E., Kulaev, N. Kh., Tuaeva, O.N. (1970). *Osetinsko-russkiy slovar* [Ossetian-Russian dictionary]. Ordzhonikidze: Ir. (In Russ.).

7. Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Daudzhytæ¹ kak otgolosok glubokoy stariny* [Daudzhitæ as an echo of ancient times]. Available at: <https://south-ossetia.info/daudzhytae-kak-otgolosok-glubokoj-stariny> (accessed: 11.01.2023). (In Russ.).

2. «*Daudzhyta*»². *Nazvanie možhno perevesti kak angely ili nebesnye pokroviteli* [«Daudzhitæ». The name can be translated as angels or heavenly patrons]. Available at: <https://sputnik-ossetia.ru/20200613/Nepovtorimaya-aura-svyatilisha-Bilurta-v-Yuzhnoy-Osetii-prazdnuyut-Daudzhyta-10717636.html> (accessed: 11.01.2023). (In Russ.).

3. *Nepovtorimaya aura svyatilishcha Bilurta: v Yuzhnoy Osetii prazdnuyut «Daudzhyta»* [The unique aura of the sanctuary of Bilurta: «Daudzhitæ» is celebrated in South Ossetia]. Available at: <https://sputnik-ossetia.ru/20200613/Nepovtorimaya-aura-svyatilisha-Bilurta-v-Yuzhnoy-Osetii-prazdnuyut-Daudzhyta-10717636.html> (accessed: 11.01.2023). (In Russ.).

Бекоева Ирина Давидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка
(e-mail: irina.beckoeva@yandex.ru),
Юго-Осетинский государственный университет им. А. А.Тибилова
100001, Республика Южная Осетия,
ул. Путина, 8

Bekoeva Irina D. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of English Philology Department
(e-mail: irina.beckoeva@yandex.ru),
South Ossetia State University named after A. A. Tibilov
8 Putin str., The Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 08 февраля 2023 г.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей перевода английских неологизмов общественно-политической сферы на русский язык. Приведены типовые трудности перевода лексических инноваций, связанные со спецификой русского и английского языков, рассмотрены основные способы передачи общественно-политической неолексики с английского языка на русский: транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный, приближенный, трансформационный переводы. Установлено, что преобладающее количество неологизмов переводятся на русский язык при помощи описательного перевода, за счёт чего достигается наиболее успешная переадресация их дефиниции реципиенту.

Ключевые слова: неологизмы, общественно-политическая сфера, способы перевода.

© 2023 O. L. Bessonova, S. P. Mikhacheva

FEATURES OF THE ENGLISH SOCIO-POLITICAL NEOLOGISMS TRANSLATION INTO RUSSIAN

The article addresses the peculiarities of the English socio-political neologisms translation into Russian. Typical difficulties associated with translating lexical innovations related to the particularities of Russian and English are identified, with the main techniques of socio-political neologisms translation from English into Russian being considered, i.e. transliteration, transcription, calque, descriptive, approximate translation, transformations. It has been revealed that the prevailing number of neologisms is translated into Russian by means of descriptive translation, thus achieving the most successful transfer of their definition to the recipient.

Key words: neologisms, socio-political sphere, methods of translation.

1. Введение

Появление лексических инноваций являются наиболее достоверным индикаторам изменений, происходящих на языковом уровне, способствующие модернизации и непрерывному обновлению лексики. Но поскольку различные общества развиваются неравномерно, то в условиях глобализации и возросшей роли международных контактов, внедрения электронных средств массовой информации и закрепления роли социальных сетей в общественно-политическом коммуникативном пространстве проблема перевода английских неологизмов на русский язык предстаёт чрезвычайно актуальной в современной отечественной лингвистике.

Данная работа опирается на исследования, посвящённые типологическим проблемам перевода английской неолексики (см. работы В. С. Виноградова [Виноградов, 2001], С. Л. Васильевой [Васильева, 2017], З. И. Конновой [Коннова, 2015], В. В. Алимova

[Алимов, 2005], Н. В. Чигиной [Чигина, 2016], И. Я. Винничук [Винничук, 2013], Е. Ю. Чибасовой [Чибасова, 2010], А. С. Мирзамовой [Мирзамова, 2020], Н. В. Федоровой [Федорова, 2018]).

Актуальность настоящей статьи обусловлена интенсивным появлением неологизмов в англоязычной системе в результате возникновения новых реалий в общественно-политической сфере. Также особенности перевода неолексикки вызывают интерес отечественной и зарубежной современной лингвистики, переводоведения и межкультурной коммуникации, именно поэтому неология подлежит дальнейшему пристальному изучению.

Цель работы – изучить особенности перевода английских неологизмов общественно-политической сферы на русский язык.

Достижение поставленной цели предполагает выполнение следующих *задач*: выявить и описать актуальные проблемы перевода английских неолексем; рассмотреть основные способы передачи новой общественно-политической лексики с английского языка на русский.

Объект настоящего исследования представляют неологизмы общественно-политической сферы английского языка.

В качестве **предмета исследования** выступают особенности перевода английских неологизмов общественно-политической сферы.

2. Методологическая основа и материал исследования

Материалом для исследования послужили 303 новые лексические единицы общественно-политической сферы английского языка, зафиксированные за последние два десятилетия (2003–2022), полученные методом сплошной выборки. Корпусом отобранных лексических единиц послужили такие электронные лексикографические источники, как списки последних обновлений электронных словарей (*Cambridge Dictionary New words; Macmillan dictionary Recent buzzwords; Merriam-Webster New Words; Oxford Advanced Learner's Dictionary Recent Additions to OALD*) и подборки новых слов на веб-портале *Word Spy*.

Методологическая основа исследования включает сопоставительный анализ перевода, предоставляющий возможность выяснить, как преодолеваются связанные со спецификой русского и английского языков типовые трудности перевода общественно-политических неологизмов, обнаружить изменение формы и содержания единиц при замене лексической единицы на её эквивалент в переводном языке и количественный

метод, позволяющий осуществить статистический подсчёт лексических единиц, и определить частоту употребления конкретного способа перевода.

Проблема перевода новых слов обусловлена тем, что в связи с техническим прогрессом и стремительным развитием общества в целом, лексикографы не успевают проследить возникновение и образование новой лексической единицы (ЛЕ), а также изучить тенденции её употребления. Даже создание отдельных списков словарных обновлений представляет довольно трудоёмкий процесс обработки информации, связанной с учётом частотности употребления нового слова для доказательства его актуальности в обществе на протяжении длительного периода времени.

3. Результаты исследования

3.1. Проблемы перевода неолексем на русский язык

Согласно John Algeo, «*a new word is a form or the use of a form not recorded in general dictionaries*» (новое слово – это форма или использование формы, незафиксированные в общих словарях) [Algeo, 1977: 47].

Проблема фиксирования растущего в геометрической прогрессии числа неологизмов до сих пор не теряет своей актуальности, что находит свое отражение в переводоведении [Федорова, 2018: 216-225]. Отечественные лингвисты предлагают свести проблемы перевода лексических инноваций к следующим: проблемы перевода новейших номинаций, связанных с развитием общества (особенно в сфере информационных технологий и телекоммуникаций); проблемы, связанные с передачей неологизма, который ещё не имеет аналога в русском языке; проблемы перевода неологизмов с неодинаковым объёмом значений.

Ещё одну трудность перевода ЛЕ с английского на русский язык представляет их сочетаемость, которая существенно различается в данных языках.

Безусловно, основная трудность, связанная с проблемой перевода лексических инноваций заключается в передаче их значений. Именно поэтому, впервые столкнувшись с конкретным неологизмом, переводчику следует обратить внимание на контекст его употребления.

Н. В. Чигина считает необходимым принимать во внимание процесс непрерывного изменения английского языка и его обновления за счёт собственных ресурсов [Чигина, 2016: 91]. Словообразовательные элементы также часто помогают переводчику определить значение того или иного нового слова. Например, анализ компонентов слова-композиата может способствовать выяснению значения целого сложного слова. Кроме

того, лексические инновации могут образоваться по аналогии, в связи с чем переводчику необходимо уметь выделять компоненты новых слов, а также знать продуктивные аффиксы и оттенки их значений.

В. С. Виноградов отмечает тот факт, что значение нового слова не всегда складывается из содержания его структурных элементов, т. е. определяется не его формой. В этом случае переводчику необходимо прибегнуть к контексту. По мнению учёного, работа с контекстом позволяет переводчику калькировать новые лексические единицы или даже создавать свои, согласуя передачу значения английского слова на русский язык с требованиями определённого контекста [Виноградов, 2001: 74]

И. Я. Винничук предлагает решить проблему осмысления семантики нового слова аналогичными способами:

1) поиск лексического значения в словаре. Важно отметить, что подобный способ редко работает с неологизмами, т. к. словари не всегда могут в полной мере отразить все лексические инновации в языке;

2) выявление значения неологизма внутри контекста;

3) анализ структуры нового слова, осуществляющийся на базе существующих в языке морфем и слов [Винничук, 2013: 124].

Анализ структуры неологизма является одним из ключевых этапов перевода, поскольку неолексика часто создаётся путём добавления суффиксов и префиксов, а также с помощью аббревиатур и усечений [Semenova, 2020: 61]. Приращение ранее известной словоформы, придавая новое лексическое значение словам, образует так называемые семантические неологизмы. Вследствие этого процесса происходит расширение сферы употребления конкретной лексической единицы [Левицкий, 1999: 25].

Изучая аспекты перевода неолексем при подготовке переводчиков, З. И. Коннова приводит поэтапный перечень действий для наиболее успешной передачи английских неологизмов на русский язык:

1) предпереводческий анализ (задача данного этапа заключается в выявлении нового слова в тексте, определения его функции в предложении, какой частью речи выражено; анализ текста в рамках его жанровой направленности);

2) поиск подходящего эквивалента;

3) поиск дефиниции;

4) определение словообразовательного способа;

5) непосредственный перевод неологизма [Коннова, 2015].

Все выше перечисленные этапы работы с неолексикой, на наш взгляд, значительно оптимизируют её процесс перевода, однако вместе с этим, новые ЛЕ требуют индивидуального рассмотрения.

Главными критериями при переводе неологизмов служат краткость, чёткость и однозначность толкования, а также тот факт, что эквивалент нового слова отвечает нормам и правилам переводного языка. Для правильного осмысления и адекватной передачи значения неологизма, его прагматического содержания не последнюю роль играют фоновые знания переводчика, которые содержат информацию о культурных особенностях языка внутри лингвокультурной общности. В отношении успешной передачи английских неологизмов общественно-политической сферы на русский язык не последнюю роль играет осведомлённость переводчика в политических и общественных изменениях в жизни социума. Перевод текста должен быть адаптирован под целевую аудиторию, которая располагает конкретным объёмом фоновых знаний. Восприятие переводного текста и его понимание – это ключевой фактор, определяющий адекватность перевода. В противном же случае, переадресация нового слова иноязычному читателю, окажется неуспешной. Именно поэтому чрезвычайно важно делать поправки на социокультурные различия между реципиентами переводного и исходного текстов.

3.2. Способы перевода английских неологизмов на русский язык

Поскольку при переводе английских ЛЕ практически невозможно найти прямое соответствие в системе русского языка, в процессе перевода может возникнуть положительное или отрицательное взаимное влияние двух контактирующих друг с другом языков. Данное явление носит название «интерференция». Влияние исходного языка может привести к отклонению от норм переводного языка [Алимов, 2007: 16]. Для того, чтобы преодолеть негативное влияние интерференции необходимо корректно использовать различные способы перевода английских лексических инноваций общественно-политической сферы на русский язык.

Основными критериями перевода для переводчика являются краткость и точность [Рыбакова, 2021: 43]. В современном языкознании выделяются следующие приёмы перевода: транскрипция и транслитерация, подбор аналога, калькирование, описательный перевод (экспликация).

3.2.1. Способ транслитерации подразумевает графический принцип перевода, т. е. передачу английских букв русскими. Передача графического образа особенно актуальна при переводе имён собственных, особенностей общественно-политической жизни

социума, географических наименований: *Brexit* ‘Брексит’, *Trumpism* ‘трампизм’, *Obamatacon* ‘Обамакон’, *colorism* ‘колоризм’, *smart city* ‘смартсити’, *Milifan* ‘Милифан’, *craftivism* ‘крафтивизм’, *clickivism* ‘кликтивизм’, *declinism* ‘деклинизм’.

3.2.2. Приём **транскрипции** основывается на фонетическом принципе, а именно на передаче английских звуков русскими буквами. Данный способ строится на подлинном звучании английского слова [Лебедева, 2011: 118]. Тем не менее, принимая во внимание существенные различия фонетического строя английского и русского языков, такой приём переадресации ЛЕ довольно условен, так как основывается на воспроизведении именно подобия английского произношения слова: *inactivist* ‘инактивист’, *flexism* ‘флексизм’, *adultism* ‘эдалтизм’, *vote-shaming* ‘воут шейминг’.

Перевод транскрипцией и транслитерацией полностью опирается на звуковую или графическую форму оригинального слова, в связи с чем данные способы носят название «квазибеспереводные методы перевода» [Чибасова, 2010: 176].

3.2.3. Калькирование является способом перевода слова путём замены его словообразующих элементов или слов лексическими аналогами другого языка, в нашем случае, русского. При этом сохраняется структура и состав исходной ЛЕ [Васильева, 2017: 68]. Данный способ перевода обладает целым рядом преимуществ: сжатостью, краткостью, точной соотнесённостью с исходной ЛЕ. Вместе с этим, как отмечает А. С. Мирзамова, для этого способа перевода характерен буквализм, который не всегда позволяет раскрыть значение слова [Мирзамова, 2020: 286]. Как демонстрирует материал исследования, в большинстве случаев калькированию поддаются неологизмы-компози́ты и новые телескопизмы: *the Great Resignation* ‘Великая отставка’, *digital republic* ‘цифровая республика’, *democrator* ‘демократор’, *gender gap* ‘гендерный разрыв’, *green anarchy* ‘зелёная анархия’.

3.2.4. Под **описательным переводом** понимается передача значения исходного англоязычного слова на русский язык при помощи подробного объяснения. Преимуществом данного метода является возможность полно отразить суть того или иного явления. Вместе с этим, этот приём перевода отличается своей громоздкостью и неэкономичностью. Очевидно, что при переводе текста переводчику необходимо сократить объяснения, предоставляя реципиенту только часть дефиниции неологизма. Для наиболее полного и точного раскрытия значения неолексемы переводчик может прибегнуть к сноскам. Примером описательного перевода могут послужить следующие отрывки статей общественно-политической тематики:

The identities ‘leaver’ and ‘remainer’ cut across traditional party divides: research

suggests they are replacing Conservative, Labour and Liberal Democrat as indicators of political identity [The Guardian, 02.05.2019]. **‘Сторонники Брексита и его противники** напоминают традиционное деление на партии: исследования показывают, что они заменяют консерваторов, лейбористов и либеральных демократов в качестве индикаторов политической идентичности’.

The battle between Gawker and the tech titan Peter Thiel has made him look like a spiteful manipulator with a bully wallet [The New York Times, 04.06. 2017]. **‘Битва между Gawker и техническим титаном Питером Тилем сделала его похожим на злобного манипулятора, использующего деньги для распространения своего влияния’.**

3.2.5. Среди приёмов перевода англоязычных терминов существует также так называемый **приближённый перевод**. Используя подобный метод, переводчик подыскивает ближайшее по значению слово в русском языке, которое не является неологизмом, но обладает сходным значением с исходным словом, т. е. характеризуется совпадением денотативных элементов лексических значений при неизбежном различии в коннотации. В результате использования подобного способа перевода в целом значение неологизма сохраняется, но стилистический фон может быть при этом потерян. В таком случае, стилистически сниженные слова будут передаваться стилистически нейтральными ЛЕ переводного языка. Например: *A staggering 40 per cent of households will be living in **fuel poverty** if the government sits on its hands while bills soar, an energy firm chief is warning* [The Independent, 22.05.2022]. **‘Более 40 процентов домохозяйств будут жить в дефиците топлива, если правительство так и продолжит сидеть сложа руки, в то время как счета растут, предупреждает глава энергетической компании’.** Как мы можем наблюдать, в данном примере экспрессивный неологизм *fuel poverty* переводится как ‘дефицит топлива’, т. е. денотаты лексического значения адекватно переданы, при этом русский эквивалент стилистически нейтрален. Использование приближённого перевода обеспечивает условную эквивалентность, поскольку исходный и переводной языки характеризуются несовпадением семантического объёма ЛЕ в рамках двух сопоставляемых лингвокультур.

3.2.6. В ряде случаев переводчик может прибегнуть к трансформации структуры слова, лексическим заменам с изменением значения исходного слова, другими словами, **трансформационному переводу**. К трансформациям можно отнести *конкретизацию*, включающую в себя замену слова исходного языка с более широким значением на слово

переводящего языка с более узким значением, *генерализацию*, замену слова ИЯ с узким значением на слово ПЯ с широким значением, *антонимический перевод*, *опущение*.

Конкретизация встречается при переводе следующих отрывков статей: *Alan Johnston reports from the northern city of Parma, where «people power» is the order of the day* [BBC News, 15.08.2012]. ‘Алан Джонстон ведёт репортаж из северного города Парма, где «общественная власть» в порядке вещей’.

Переводчик использует *добавления* при передаче ЛЕ, если в переводящем языке отсутствует соответствующее слово или лексико-семантический вариант этого слова: *Mr Johnson’s new plan is to prorogue parliament for just a few days, to allow a Queen’s Speech on 14 October when the monarch will set out his flagship domestic legislation amid huge pomp and ceremony* [The Independent, 03.10.2019]. ‘Новый план мистера Джонсона состоит в том, чтобы **отложить заседание парламента** всего на несколько дней, чтобы королева смогла выступить с речью 14 октября, когда монарх изложит своё главное внутреннее законодательство во время помпезной церемонии’.

Опущение используется при наличии семантически избыточных слов. Например, *Thirdly and perhaps most significantly, we now live in a post-factual democracy* [Financial Times, 24.06. 2016]. ‘В-третьих, и это, пожалуй, самое важное, сейчас мы живем в **пост-демократии**’.

Антонимический перевод как вид переводческой трансформации, основывается на контрадикторности, т. е. противоположности. При данном способе перевода происходит замена понятия исходного языка (ИЯ) на противоположное в переводном языке (ПЯ), или же замена утвердительной формы на отрицательную, или же наоборот: *Reddit has announced that any type of content deemed offensive to people of color will not be allowed. But as outrage mounted among users over the policy, the post suddenly disappeared from the website* [RT, 08.07.2020]. ‘Reddit объявил, что любой тип контента, который считается оскорбительным для **небелых людей**, не будет разрешен. Но по мере того, как среди пользователей росло возмущение по поводу этой политики, сообщение внезапно исчезло с веб-сайта’.

Наиболее характерная черта грамматических трансформаций с английского языка на русский – это использование родительного падежа для присоединения имени существительного в пост-позиции к главному слову. Подобная перестановка встречается при переводе таких ЛЕ, как *price gouging* ‘взвинчивание цен’, *approval rating* ‘рейтинг одобрения’, *identity politics* ‘политика идентичности’, *power grab* ‘захват власти’, *regime change* ‘смена режима’, *cobra effect* ‘эффект кобры’.

При англо-русском переводе мы можем наблюдать несовпадения количества компонентов в исходных и переводных словах. В таких случаях часто используется добавление или напротив, опущение предлога, сопровождающееся *перестановкой* компонентов и изменением падежа: *red flag law* ‘закон о красном флаге’, *weapon of mass distraction* ‘оружие массового отвлечения’.

При переводе английских неологизмов на русский довольно активно используется трансформационный перевод, что объясняется различием строя английского и русского языков, первый является преимущественно аналитическим языком, в то время как русский – синтетическим. Рассмотренные выше способы перевода неологизмов можно представить в виде таблицы:

Таблица. *Способы перевода английских неологизмов общественно-политической сферы на русский язык*

Способ перевода	Кол-во ЛЕ	%	Примеры
Описательный перевод	102	34	<i>unretirement</i> ‘работа после выхода на пенсию’; <i>sausage tax</i> ‘налог на обработанное мясо’
Калькирование	81	27	<i>fair trade</i> ‘справедливая торговля’; <i>electoral cleansing</i> ‘избирательная чистка’
Приближённый перевод	44	15	<i>earmark</i> ‘ассигновать’; <i>slumdog</i> ‘обездоленный’
Трансформационный перевод	33	11	<i>approval rating</i> ‘рейтинг одобрения’; <i>post-factual democracy</i> ‘пост-демократия’
Транслитерация	23	8	<i>infoganda</i> ‘инфоганда’; <i>Obamamania</i> ‘Обамамания’
Транскрипция	15	5	<i>sageism</i> ‘сейджизм’; <i>vote shaming</i> ‘воут шейминг’
Всего:	303	100	

Представленные в таблице количественные данные с преобладающим числом ЛЕ, переведенных при помощи описательного способа перевода, обусловлены, прежде всего, тем фактом, что данный способ эксплицирует значение неологизма и даёт наиболее полное представление реципиенту о том или ином политическом явлении. При этом, адекватность перевода достигается за счёт сравнительно кратких объяснений во избежание излишней многословности. При переводе неологизмов общественно-политической сферы переводчик может использовать данный способ, поскольку довольно часто встречаются названия политических реалий, которые не существуют в русском языке и поэтому не имеют аналогов. Второе место по численности ЛЕ занимает

калькирование, которое может быть применено переводчиком при наличии межъязыковых соответствий между ЛЕ исходного и переводного языков.

3. Заключение

Для успешной переадресации лексической единицы русскоязычному реципиенту переводчику необходимо адаптировать англоязычный текст, т. е. внести некоторые поправки с учётом социокультурных различий между двумя лингвокультурными общностями. Понимание социокультурных особенностей английского языка, его внутренней структуры, учет прагматического аспекта и владение переводчиком фоновых знаний позволяют правильно раскрыть значения конкретного термина, адекватно передать его на русский язык и максимально снизить влияние интерференции при переводе текстов СМИ общественно-политической тематики.

В заключении также необходимо отметить, что перевод неологизмов является одной из самых сложных задач в практике переводоведения, требующей детального анализа, включая способ словообразования, контекст, жанровое своеобразие текста, работу со словарями или их онлайн-версиями, или же списками последних словарных обновлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов В. В. Общественно-политический перевод. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2007. 269 с.
2. Васильева С. Л. Способы перевода многокомпонентных терминов строительной сферы (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5 (71): в 3-х ч. (Ч. 3) С. 68-71.
3. Гаврилова А. В. Способы перевода англоязычных однокомпонентных терминов сферы природопользования на русский язык // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3. С. 65-68.
4. Винничук И. Я. Трудности перевода английских неологизмов // Вестник магистратуры. 2013. № 6 (21). С. 124-125.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
6. Коннова З. И. Обучение пониманию перевода неологизмов при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации (на примере английского языка) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (Ч. 2). С. 179-183.
7. Лебедева О. Г. Способы перевода неологизмов // *Lingua mobilis*. 2011. № 5 (31) С. 118-122.
8. Мирзамова А. С. Перевод английских неологизмов в современных экономических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 284-290.
9. Федорова Н. В. Неологизмы и тенденции их словообразования в современном английском языке (на материале текстов СМИ) // *Litera*. 2018. № 2. С. 216-225.
10. Чибасова Е. Ю. Проблема перевода экономических неологизмов с английского языка на русский // Альманах современной науки и образования. 2010. № 11. Ч. 1. С. 174-177.
11. Чигина Н. В. Неологизмы в английском языке // Символ науки. 2016. № 10. С. 90-92.
12. Blends A. J. A structural and systemic view // *American Speech*. 1977. № 52. P. 47-64.

13. Semenova E. V. Neologisms as a reflection of evolution and vitality of language (illustrated by examples in English) // Russian Linguistic Bulletin. 2020. №2 (22). P. 60-63.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge Dictionary New words. Доступ: <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>. (дата обращения 03.12.2022).
2. Macmillan dictionary. Recent buzzwords. Доступ: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/recent.html>. (дата обращения 07.12.2022).
3. Merriam-Webster New Words. Доступ: <https://www.merriam-webster.com/topics/new-words>. (дата обращения 04.12.2022).
4. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Recent Additions to OALD. Доступ: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words. (дата обращения 07.12.2022).
5. Word Spy. Доступ: https://wordspy.com/index.php?date=*. (дата обращения 08.12.2022).

REFERENCES

1. Alimov, V. V. (2007). *Obshchestvenno-politicheskiy perevod* [Socio-political translation]. Moskva: URSS: LENAND. (In Russ.).
2. Vasilyeva, S. L. (2017). Sposoby perevoda mnogokomponentnykh terminov stroitelnoy sfery (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Methods of multicomponent terms translation in the construction sphere (based on the Russian and English languages)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No. 5 (71): in 3 ch. (Ch. 3). Pp. 68-71. (In Russ.).
3. Gavrilova, A. V. (2017). Sposoby perevoda angloyazychnykh odnokomponentnykh terminov sfery prirodopolzovaniya na russkiy yazyk [Ways of translating English-language single-component terms of the nature management sphere into Russian]. In *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 3. Pp. 65-68. (In Russ.).
4. Vinnichuk, I. Ya. (2013). Trudnosti perevoda angliyskikh neologizmov [Difficulties of English neologisms translation]. In *Vestnik magistratury*. No. 6 (21). Pp. 124-125. (In Russ.).
5. Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moskva: Izdatelstvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO. (In Russ.).
6. Konnova, Z. I. (2015). Obuchenie ponimaniyu perevoda neologizmov pri podgotovke perevodchikov v sfere professionalnoy kommunikatsii (na primere angliyskogo yazyka) [Teaching to understand the neologisms translation in the training of translators in the professional communication sphere (based on the English language)]. In *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 2 (Ch. 2). Pp. 179-183. (In Russ.).
7. Lebedeva, O. G. (2011). Sposoby perevoda neologizmov [Ways of neologisms translation]. In *Lingua mobilis*. No. 5 (31) Pp. 118-122. (In Russ.).
8. Mirzamova, A. S. (2020). Perevod angliyskikh neologizmov v sovremennykh ekonomicheskikh tekstakh [Translation of English neologisms in modern economic texts]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 6. Pp. 284-290. (In Russ.).
9. Fedorova, N. V. (2018). Neologizmy i tendentsii ikh slovoobrazovaniya v sovremennom angliyskom yazyke (na materiale tekstov SMI) [Neologisms and tendencies of their word formation in modern English (based on the media texts)]. In *Litera*. No. 2. Pp. 216-225. (In Russ.).
10. Chibasova, E. Yu. (2010). Problema perevoda ekonomicheskikh neologizmov s angliyskogo yazyka na russkiy [The problem of economic neologisms translation from English into Russian]. In *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. No. 11. Ch. 1. Pp. 174-177. (In Russ.).
11. Chigina, N. V. (2016). Neologizmy v angliyskom yazyke [Neologisms in the English language]. In *Simvol nauki*. No. 10. Pp. 90-92. (In Russ.).

12. Blends, A. J. (1977). A structural and systemic view. In *American Speech*. No. 52. Pp. 47-64.

13. Semenova, E. V. (2020). Neologisms as a reflection of evolution and vitality of language (illustrated by examples in English). In *Russian Linguistic Bulletin*. No. 2 (22). Pp. 60-63.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Cambridge Dictionary New words*. Available at: <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>. (accessed: 03.12.2022)

2. *Macmillan dictionary. Recent buzzwords*. Available at: <https://www.macmillan.com/dictionary/buzzword/recent.html>. (accessed: 07.12.2022)

3. *Merriam-Webster New Words*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/topics/new-words>. (accessed: 04.12.2022)

4. *Oxford Advanced Learner's Dictionary. Recent Additions to OALD*. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/word-list/new_words. (accessed: 07.12.2022)

5. *Word Spy*. Available at: https://wordspy.com/index.php?date=*. (accessed: 08.12.2022)

Бессонова Ольга Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии. (e-mail: o.bessonova@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Bessonova Olga L. – Doctor of Philology, Professor, Head of English Philology Department (e-mail: o.bessonova@donnu.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Михачева Снежана Павловна – бакалавр кафедры английской филологии (e-mail: amarelis2001@gmail.com), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Mikhacheva Snezhana P. – Bachelor of English Philology Department (e-mail: amarelis2001@gmail.com), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 15 марта 2023 г.

«ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ПРОБЕЛ»: НАМЕРЕННАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ ИЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПРИЕМ?

В настоящей работе рассматривается переводческий (текстовый) феномен, ставший частотным в эпоху глобализации, всеобщего би- и полилингвизма, а также кросскультурализма: оставление без перевода определенных фрагментов оригинального письменного сообщения. Анализу подвергаются прецеденты «переводческого пробела», или «межъязыкового переноса», в текстах трех стилей – научного, официально-делового, художественного. Автор приходит к выводу о закономерности «переводческого пробела», причисляя его к намеренным приемам перевода.

Ключевые слова: письменный перевод, «переводческий пробел», (лингвистическая) реалья, научный перевод, перевод деловой документации, художественный перевод.

© 2023 S. G. Nikolaev

«BLANK SPACES IN TRANSLATION»: AN INTENTIONAL NEGLIGENCE OR A MEANS OF INTERPRETATION?

The paper studies a phenomenon of textual translation that has become frequent at the age of globalization, universal bi- and polylingualism, as well as crossculturalism: leaving some fragments of an original written message «untranslated». Analyzed are precedents of such «blank spaces in translation», or «interlingual transference», in three styles: scientific, official, belle-lettre. The author concludes that «blank spaces in translation» are a consistent and regular means of translation.

Key words: written translation, «blank spaces in translation», (linguistic) realia, translation in science, business translation, literary translation.

Теория перевода претерпевает в настоящее время серьезные изменения, если не серьезную ревизию, пересмотр, в части совокупного объекта своих исследований – оригинального и переводного текстов, составляющих единую, неделимую коммуникативную сущность. Известная дихотомия «буквальный (буквалистский) подход» – «вольный (свободный) подход» в практике перевода теперь допускает многочисленные промежуточные методологические звенья, решительно сближающие и примиряющие две названные интерпретационные позиции, и некогда пустовавшее культурное поле между ними стремительно заполняется альтернативным текстовым материалом. Думается, что такому положению в немалой степени способствовало возникшее и утвердившееся в постмодернистском эстетическом пространстве повышенное внимание к фигуре переводчика как к творческой языковой личности, по значению своего труда приравниваемой теперь к языковой личности автора оригинального текста. Как следствие, переводчик сегодня вправе претендовать на роль соавтора текста, что может быть без

особых натяжек подкреплено результатом его личных (или, точнее, личностных) усилий. Помимо этого, продуктивные дискуссии стали выстраиваться вокруг феномена автоперевода (англ. *self-translation, auto-translation*; нем. *Eigenübersetzung* и т. д.). Наконец, глобализационные процессы последних десятилетий стали стимулом к переходу значительного числа авторов с одного национального языка на другой без видимого ущерба для творческого результата, зато с заметным расширением эстетических, идеологических, культурных и иных горизонтов создаваемой ими литературы. Важные перемены также произошли с потребителем переводческой продукции – читателем, которому во все большем числе конкретных случаев, складывающихся в устойчивые коммуникативные практики, перевод как таковой уже не требуется, а значит, и не нужен переводчик, ставший «третьим лишним» в процессе межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Общим же фоном, предпосылкой для развития показанных выше процессов явился наблюдаемый во всем мире, всеобщий би- и полилингвизм, а также многочисленные проявления кросскультурализма, без труда обнаруживаемые в самых различных сферах коллективной и индивидуальной деятельности человека универсального.

Одной из частных специфик, характеризующих перевод в обозначенную эпоху «глобального сближения и смешения языков» парадоксальным образом является отказ от собственно перевода, причем не только со стороны переводчика-интерпретатора оригинального текста, но и со стороны его потенциального, включая массового, реципиента. Отсюда и вынесенный в заглавие статьи предмет исследования, несколько провокативно обозначенный нами как «переводческий пробел».

Итак, в центр нашего внимания помещено известное, но в целом порицаемое в традиционной переводческой практике, равно как и в теории перевода, явление. Суть его заключается в том, что при переводе с одного национального языка (ИЯ – исходный язык) на другой (ПЯ – язык перевода) некий фрагмент ИТ (исходного текста) переносится в ПТ (переводной текст) без каких-либо изменений со стороны переводчика. Иными словами, такой фрагмент не получает традиционного межкодового переосмысления и соответствующего результирующего преобразования с применением любой из известных стратегий переводческой деятельности. По нашему мнению, указанный перенос производится закономерно, неслучайно, преднамеренно, а во многих случаях и неизбежно. Таким образом, объектом нашего исследования выступает детерминированный переводческой ситуацией пропуск в ИТ – при преобразовании его в ПТ – определенного текстового фрагмента.

Непосредственным примером, иллюстрирующим «переводческий пробел», может послужить заглавие романа Виктора Гюго «Отверженные», которое при неоднократных

переложениях книги на английский язык всегда сохранялось и выглядело, на фоне последующего английского текста, как *Les Misérables* (см. переводы, выполненные и опубликованные в англоязычных странах на протяжении полутора столетий, с выхода «Отверженных» на французском в 1862 г. и до относительно недавнего издания 2008 г.; переводчики: Charles E. Wilbour, 1862; Lascelles Wraxall, 1862; Isabel F. Hapgood, 1887; Norman Denny, 1976; Lee Fahnestock & Norman MacAfee, 1987, USA; Julie Rose, 2008).

Выше нами уже обозначено в целом негативное отношение специалистов-филологов к феномену «переводческого пробела». Такая позиция недвусмысленно отражена, например, в перечне требований к переводу, который приводится в словаре Л. Л. Нелюбина. Этими требованиями, по мнению автора словаря, выступают: (1) точность; (2) сжатость; (3) ясность; (4) литературность. К четырем добавлено последнее, пятое предписание, которое процитируем полностью: «(5) Ни одно слово оригинала не должно переходить в перевод, за исключением слов (и выражений) другого иностранного языка, вкрапленных в оригинал» [Нелюбин, 2006: 231]. Данная декларация обращает на себя внимание не одной, а целым рядом особенностей, отличающих ее от четырех предшествующих.

Во-первых, точность, сжатость, ясность и литературность любого высказывания, в том числе переводного текста, есть качества очевидно абстрактные и ощутимо субъективные, – а, значит, и указывающие, скорее, на некий переводческий идеал, нежели стабильную и, главное, общепризнанную норму. Пятое же требование, напротив, звучит на этом фоне конкретно, представляется бесспорным, простым, выполнимым, в целом не требующим доказательств. По своей сути оно формально, и соблюсти его, казалось бы, можно без особого труда, чисто механически. В таком случае по какой причине оно включено в список наравне с другими?

Во-вторых, запрет на перенос фрагментов ИТ в ПТ сопровождается существенной оговоркой о том, что распространяется он не на все подобные фрагменты; имеется допуск переноса слов и выражений, представляющих собой иноязычные вкрапления в ИТ. И здесь сам собой напрашивается вопрос: если у переводчика время от времени возникают веские основания к тому, чтобы перенести в ПТ фрагменты на третьем языке, то почему автор свода переводческих правил, в нашем случае известный специалист в области практического перевода и теории перевода Л. Л. Нелюбин, отвергает возможность возникновения аналогичной переводческой ситуации в отношении фрагментов и на языке оригинала? Ведь речь здесь идет не о всём ИТ (тогда, бы действительно, о переводе речи идти не могло), но о его частях.

В-третьих, известно множество примеров, когда на практике единственно верным, а подчас и единственно возможным, то есть неизбежным, безальтернативным путем к адекватному воссозданию смысловой сути оригинала выступает именно межъязыковой перенос по типу «переводческого пробела». Ведь именно так происходит при передаче инонациональных реалий.

Здесь, правда, не исключен и контрдовод. Межъязыковая трансляция реалий в большинстве случаев производится метаграфически, т. е. при помощи транслитерации. А транслитерация есть все же прием перевода, разновидность переводческой практики. С другой стороны, проблема транслитерации возникает всякий раз при рассмотрении письменного перевода (в устном переводном дискурсе аналогичный процесс можно назвать трансфонацией, и она применяется крайне редко), но также – и это особенно существенно для обсуждаемого случая – при условии несовпадения графических систем двух языков. Например, о транслитерации можно говорить, если в качестве ИЯ выступает язык с кириллической системой письма (русский, украинский, болгарский), а в качестве ПЯ – с латиницей (английский, немецкий, французский), или наоборот. Если же национальные алфавиты имеют одну и ту же основу и две графические системы совпадают, проблемы транслитерации не возникает: возникает тот самый естественный «переводческий пробел».

Пояснить сказанное можно на примере инокультурной реалии – скажем, личного имени. Хорошо известно, что любое личное имя наделено исторически сформированным «семантическим ореолом» (подробную трактовку этого термина и понятия см. в работе [Виноградова, 1998: 28-31]), в структуру которого входит национально-культурный, то есть национально-специфический компонент. При всех значительных расхождениях в прочтении латинских букв и их сочетаний в таких разных национальных языках, как польский, венгерский, финский, португальский, имена персонажей романов Чарльза Диккенса или Марка Твена будут переданы в переводах на четыре этих языка графически идентично – в точности так, как они выглядят в оригинальных англоязычных текстах (специфику устной презентации английского личного имени поляком, венгром, финном, португальцем в данном случае оставляем в стороне как не составляющую предмета и сути настоящей дискуссии).

Таким образом, транслитерация реалий, без которой обходится редкий ПТ, уже может считаться разновидностью межъязыкового переноса, адаптированного к графическим условиям результирующего текста. Соответственно, само явление «переводческого пробела» едва ли стоит рассматривать как признак неумелого или плохого (некачественного, небрежного и т. п.) перевода. Оно не должно игнорироваться

лингвистами, но, скорее, достойно пристального и конструктивного внимания с целью уяснения его природы и функциональных специфик. Актуальность его изучения очевидна, и обусловлена она не только практической неупорядоченностью вопроса, но и требованием к его теоретическому осмыслению. В частности, давно следует определиться в отношении статуса данного феномена: его отнесенности к переводческим *техникам* или, с другой стороны, к *приемам*; к *стратегиям* или к *тактикам*.

Обрисовав в общих чертах, что представляет собой феномен «переводческого пробела», обратимся к вопросу его адекватного терминования.

При допустимости названного переводческого явления, его встречаемости в самых различных переводных текстах, также при его упоминании и описании в специальной литературе, – своего именованного «переводческий пробел» еще не получил. В поле нашего зрения, правда, попала работа, где применяется словосочетание «нулевой перевод» – с уточнением, что такой перевод сохраняет гибридизацию ИЯ, которая без дополнительных переводческих пояснений в ПТ все же нежелательна, ибо может стать «помехой к общению» [Овсянникова, 2006: 159]. Полагаем, что от номинации «нулевой перевод», в целом удачной, следует отказаться хотя бы по той причине, что данный термин уже закреплен за иным явлением и используется в другом значении: под «нулевым переводом» понимается пропуск той или иной грамматической формы при построении переводного текста, – о «нулевом переводе» как об одном из основных случаев отсутствия в ПЯ однотипного грамматического соответствия см., например, в известной книге В. Н. Комиссарова [Комиссаров, 1990: 150-151, 248].

По указанной причине, а также во избежание развития терминологической омонимии, наша работа предлагает номинацию «переводческий пробел», заявленную в заглавии статьи, и альтернативное ей именование «межъязыковой перенос». Сразу оговоримся, что мы осознаем терминологическое несовершенство своего предложения. Ведь перенос текстового фрагмента в другой, новый, иноязычный текст без каких-либо модификаций не должен рассматриваться как механическое игнорирование фрагмента в процессе перевода: это вполне осознанный творческий шаг, совершаемый переводчиком в особых случаях и сформировавший свою типологию письменно-речевых выражений (моделей), которая обусловлена функциональной спецификой конкретных манифестаций. Именно это мы и намерены показать доказать ниже.

По предварительным наблюдениям, «переводческий пробел» проявляется по-разному в зависимости от функционально-стилистической принадлежности ИТ. В этой связи нами усматривается целесообразность в рассмотрении проблемы в рамках

функционально-стилистической текстуальной парадигмы.

Мы исходим из того, что, согласно новейшей русской лингвистической традиции, наиболее достоверно выделяются следующие функциональные стили речи: научный, публицистический, официально-деловой, разговорный, художественный, религиозный [Кожина, 2003: 581]. Но, с учетом сущностной связи рассматриваемого явления с письменной формой выражения, его зависимости от этой формы и обусловленности ею, мы рассмотрим случаи межъязыкового переноса в текстах, принадлежащих к литературно-книжной письменной речи, – научных, официально-деловых, художественных.

В качестве показательного примера гуманитарной научной статьи нами выбран фрагмент англоязычной работы П. Х. Ноуэлл-Смита «Логика прилагательных» (перевод Л. Б. Лебедевой). В результате мы получили выборку из значительного числа примеров, которые, исходя из графического оформления внутри принимающего (русского) текста, можно разделить на две структурные модели. Это:

I. «Оригинал + перевод». Модель чаще всего применяется при демонстрации материала, относимого к иностранному языку (также и при дальнейшем обсуждении в тексте этого материала). Традиционным графическим путем оформления оригинального фрагмента являются одинарные кавычки. Разноязычные манифестации одного и того же высказывания могут быть расположены в одну строку, но могут занимать и отдельные строки, выстраиваясь «в столбик»:

The view from the top was extensive
'С вершины открывался обширный вид'
The view from the top was sublime
'С вершины открывался великолепный вид' [Ноуэлл-Смит, 1985: 163].

Как видим, вводя в текст оригинальное иноязычие, переводчик словно предлагает читателю возможность выбора и сравнения при рассмотрении фактов иностранного языка, которые в данном случае являются примерами, поясняющими авторскую концепцию. Их адекватное восприятие читателем чрезвычайно важно для понимания содержания статьи.

II. «Перевод + оригинал». Здесь выделяются две более частные разновидности, выполняющие в тексте несходные функции.

1. Базовая вариация модели – так же, как и в модели I, – может применяться при демонстрации иноязычного иллюстративного материала для верификации вышеприведенного перевода. На последнюю особенность указывает и иной путь графического оформления перенесенного английского фрагмента: теперь это круглые скобки. Графическое выделение видится и в соотношении «курсив» (в переводе) – «прямой шрифт» (в оригинале):

Рассмотрим следующий диалог:

A: Что вы делаете? (What are you doing?)

B: Я курю хорошую сигарету. (I am having a nice smoke.)

A: Вам это доставляет удовольствие? (Are you enjoying it?) [Ноуэлл-Смит, 1985: 171].

2. Вторая функциональная разновидность той же модели широко известна. К ней переводчик прибегает всегда, когда стремится к предельно точной передаче мысли автора, заключенной в нестандартной языковой форме или являющейся результатом авторского словотворчества. Теперь оригинальный фрагмент, следующий сразу за переводом без нарушения целостности строки, заключается в круглые скобки:

В этой и последующих главах я хочу показать, что природа и цель практического рассуждения (practical discourse) совершенно затемняются [Ноуэлл-Смит, 1985: 155].

Задача логики – выяснить соотношение тех слов, выражений, предложений и умозаключений, которыми мы пользуемся, когда употребляем язык с практической или теоретической целью (in theoretical or practical discourse) [Ноуэлл-Смит, 1985: 156].

Два предыдущих примера сближены нами неслучайно: в обоих ключевым – очевидно, и самым сложным для перевода, – словом-понятием выступает английская единица *discourse*. Вводя ее в русский текст и демонстрируя в оригинальных контекстах, переводчик словно приглашает читателя к «инспекции» переводческого результата, т. е. к переводческому сотрудничеству, сотворчеству. Разумеется, этим он снимает с себя известную долю ответственности за адекватность предлагаемого в тексте решения.

Во всех показанных случаях мы имеем дело с так называемой *автономной речью*, см. [Сарнар, 1937], в которой адресата отсылают к коду сообщения – английскому языку. Разумеется, такое положение создает известные сложности при традиционном переводе сообщения в иную языковую систему, который неизбежно приведет к утрате первоначального кода. Преодолеть эти сложности можно, только сохранив язык оригинала при передаче определенных фрагментов сообщения.

При ином взгляде на то же явление интересующий нас текстовый фрагмент можно охарактеризовать как *лингвистическую реалию*, трудно поддающуюся переводу в иную языковую систему или не поддающуюся ему вовсе, – об этом подробнее см. [Николаев, 2005: 152-153].

В текстах, относимых к гуманитарным отраслям знаний, – философии, логике, психологии, лингвистике, – помимо денотативной стороны всего сообщения, особую важность приобретает и структура ключевого фрагмента, которым может стать как иллюстрация (в лингвистике), так и научная номинация. Так происходит потому, что посредством названного фрагмента автор стремится передать наиболее значительную, подчас основополагающую идею труда, требующую и неконвенционального языкового

выражения. Ключевое слово и/или выражение есть результат авторского подбора нужного языкового представления сложных, многомерных, новых понятий, концептов, феноменов. Объяснимым поэтому становится стремление заинтересованного читателя получить подобную информацию «из первых рук», с сохраненным оригинальным обликом некоторых единиц текста. Что вовсе не исключает и попытки их перевода.

Обращает на себя внимание и то, что в переводах гуманитарных научных текстов нам почти не встретилось иноязычие в чистом виде: оригинальное представление интересующего нас фрагмента обычно соседствует в них с переводом.

Мы обработали значительный объем переводных текстов, репрезентирующих официально-деловую письменную речь: это были контракты, договоры, соглашения, пакты, учредительные документы и проч. По сложившейся традиции все деловые бумаги, подписываемые двумя разноязычными сторонами (скажем, учредителями совместного предприятия), составляются сразу на двух языках, с параллельным размещением двух содержательно аналогичных, но при этом разноязычных текстов. В тех же случаях, когда исходным языком документа является, например, английский, – в русский текст перевода вводятся неизменные, т. е. не транслитерированные и тем более не переведенные фрагменты, отражающие иноязычные онимы. Приведем пример переводного документа:

Компания SATOURNE LTD.

РЕШЕНИЕ ОБ ИЗБРАНИИ ДИРЕКТОРОВ

В соответствии с разделом 42(1) «Акта о международных компаниях» 1994 г.

МЫ, VERTEX MANAGEMENT LIMITED, находящиеся по адресу: Office 406, Premier Building, Victoria, Mahe, Seyshelles, подписавшие Меморандум и Устав вышепоименованной Компании, настоящим избираем:

2-жу Vanessa Savy

на должность первого Директора названной Компании до очередных выборов ее преемников, или до ее отставки, или смещения с должности; указанное избрание вступает в силу без промедления и ограничений.

п о д п и с ь

От лица и имени VERTEX MANAGEMENT LIMITED
SHIRLEY VALENTIN

8 июля 2022 г.

п о д п и с ь

ПОСТАВЩИК КОРПОРАТИВНЫХ УСЛУГ
VERTEX MANAGEMENT LIMITED

П е ч а т ь

(Перевод выполнен Бюро переводов «Интурист», Ростов-на-Дону)

Здесь в оригинальной графической презентации оставлены название компании, ее полный почтовый адрес (здание, город, штат, страна), имена персоналий – избранного члена компании и лица, проставившего подпись. Напомним, что одной из базовых функций онима, помимо номинативной и коммуникативной, выступает идентификационно-дифференцирующая [Подольская, 2003: 288]. Сохранение и выделение иноязычного онима при переводе, отказ от его транслитерации не только подчеркивают и усиливают в ПТ указанную функцию этого фрагмента. Так межъязыковой перенос еще и актуализирует гораздо более важную функцию любой деловой бумаги – документализирующую. Разумеется, параллельная подача в тексте перевода онимов в двух графических вариантах была бы теперь избыточной (ср. с таким оформлением ПТ при переводе текстов научной тематики).

Наконец, мы обратились к рассмотрению переводных художественных текстов. В них, по сравнению с текстами научными и официально-деловыми, межъязыковой перенос обнаруживается реже. И это объяснимо: ведь художественный перевод подразумевает стремление к *естественности* звучания результирующего высказывания в контексте принимающей культуры, а присутствие в нем иноязычия такую естественность разрушает уже хотя бы потому, что ассоциируется с макаронической (то есть, изначально, в принципе неестественной) речью. И тем не менее, подобнее прецеденты нами были обнаружены, в частности, в русской переводной поэзии.

Одним из примеров сохранения иноязычия при переводе можно считать английскую единицу-рефрен *Nevermore* («никогда больше», «никогда впредь»), оставленную Михаилом Зенкевичем в оригинальном виде в его русской версии знаменитого «Ворона» Эдгара По («Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий...», 1946). Заметим, что в отношении данного стихотворения было предпринято достаточно много попыток переложения на русский язык. Только тех из них, чьи литературные достоинства общепризнанны, насчитывается несколько десятков, а среди переводчиков были Дм. Мережковский (1890), К. Бальмонт (1904), В. Брюсов (1905-1924) и др. В последнем по времени переводе В. Топорова (1988) даже подобран ряд русских слов, составляющих межъязыковые рифмы к английскому *Nevermore* («разговор», «уговор», «приговор»). Однако версия Зенкевича числится среди удачных – возможно, и по причине оригинального и смелого решения в отношении этой очевидно сильной позиции текста.

Строго говоря, оставление *Nevermore* без перевода не было находкой Зенкевича. До него тем же приемом воспользовались в 1903 и 1930 гг. В. Е. Жаботинский, а в 1923 г.

В. Федоров. Как пишет исследователь русских переводов «Ворона» В. И. Чередниченко, «факт употребления английского слова снимает целый ряд технических проблем, но порождает проблему бытования текста как единого неделимого целого в системе русского языка» [Чередниченко, 2000: 74], оценивая, таким образом, данный опыт как не самый успешный, то есть негативно.

Не ставя перед собой задачи определить качество того или иного русского перевода «Ворона», мы все же хотели бы кратко обосновать правомерность переноса в переводной текст слова *Nevermore*. По признанию самого По, этот рефрен явился исходной мыслью будущего стихотворения. Действительно, *Nevermore* – звуковой комплекс, «произносимый» вороном и воспринимаемый как «слово» только героем-рассказчиком; смысл его постоянно меняется, «мерцает»: он то устрашающе ясен и безысходен, то малопонятен и оттого загадочен и тревожен. *Nevermore* – несомненный семантический узел текста, его «черный центр», кульминация и эмоциональный коллапс. Это приговор всему, что еще могло сулить надежду. Переход при его передаче в русском тексте на иностранный язык только подчеркивает заключенную в нем загадку, ответ на которую мучительно ищет герой. В таком «переключении кодов» видится иконическое отражение окончательной непостижимости промысла, судьбы. Иноязычие в переводе подчеркивает эстетические задачи произведения, но при этом создает и определенный конфликт идей внутри текста, развивает драматическое напряжение при его восприятии русскоязычным читателем.

Подведем итог сказанному. Оставление иноязычного, оригинального фрагмента в ПТ не есть результат бессилия или безыскусности переводчика, оно не может служить и показателем слабости переводческого результата. «Переводческий пробел» – это продуманный, намеренный, а в некоторых ситуациях и единственно возможный прием, к которому переводчик прибегает закономерно. В определенных типах текстов (переводы официально-деловой документации) межъязыковой перенос неизбежен; в иных (исследования, относимые к гуманитарным наукам) желателен; в третьих (художественная речь) альтернативно возможен. Межъязыковой перенос – в целом редкий переводческий прием, поэтому он не просто затрагивает, он *выделяет* тот или иной фрагмент высказывания. Иначе говоря, это прием текстового выделения, которому подвергается наиболее значительная, ключевая – в смысловом, фактологическом, эстетическом плане – часть высказывания. Межъязыковой перенос усиливает изначально присущую тексту функциональную направленность, но также вносит в текст новые, собственные, специфические функции. В результате межъязыкового переноса возникает переводной текст особого рода – *двуязычный*. Признавая за таким текстом формально-

системную гетерогенность (как качество, отличающее его от исходного текста), необходимо назвать и его сущностно-смысловую гомогенность и адекватность исходному тексту, его соответствие характеру, природе, духу оригинала. А это те позитивные качества, которыми переводной текст без «переводческого пробела» мог бы не обладать или обладать в неполной мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Н. В. Семантический ореол имени и его составляющие (имя Петр в русской литературе) // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь: Тверской ГУ, 1998. С. 28-31.
2. Кожина М. Н. Функциональный стиль (Функциональная разновидность языка, Функциональный тип речи) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Москва: Флинта, Наука, 2003. С. 581-583.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Москва: Флинта, Наука, 2006. 320 с.
5. Николаев С. Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Часть II: Онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии. Ростов-на-Дону: Изд-во «Старые русские», 2005. 295 с.
6. Ноуэлл-Смит П. Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 155-182.
7. Овсянникова Е. В. Общие закономерности перевода делового английского // Вісник СумДУ. 2006. Т. 2. № 11 (95). С. 125-161.
8. Подольская Н. В. Оним // Русский язык: Энциклопедия. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 288-289.
9. Чередниченко В. И. Стихотворение Эдгара Аллана По «Ворон» («The Raven», 1845) в русских переводах // Эдгар Аллан По. Эссе. Материалы. Исследования. Краснодар, Куб. гос. ун-т, 2000. Вып. 3. С. 23-84.
10. Carnap R. Logical Syntax of Language. New York, Humanities Press, 1937. 352 p.

REFERENCES

1. Vinogradova, N. V. (1998). Semanticheskij oreol imeni i ego sostavlyayushchie (imya Petr v russkoy literature) [Semantic halo of a personal name and its components (the name Petr in the Russian literature)]. In *Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya*. Tver. Pp. 28-31. (In Russ.).
2. Kozhina, M. N. (2003). Funktsionalnyy stil (Funktsionalnaya raznovidnost yazyka, Funktsionalnyy tip rechi) [Functional Style (Functional language variety; Functional type of speech)]. In *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar russkogo yazyka*. Moskva: Flinta, Nauka. Pp. 581-583. (In Russ.).
3. Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
4. Nelyubin, L. L. (2006). *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar* [Explanatory Translation Theory Dictionary]. Moskva: Flinta, Nauka. (In Russ.).
5. Nikolaev, S. G. (2005). *Fenomenologiya bilingvizma v tvorchestve russkikh poetov. Chast II: Ontologicheskie, korrelyatsionnye i funktsionalnye kharakteristiki inoyazychiya v poezii* [Phenomenology of bilingualism in the writing of Russian poets. Part 2: Ontological,

correlational and functional characteristics of foreignisms in poetry]. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo «Starye russkie». (In Russ.).

6. Nowell-Smith, P. H. (1985). Logika prilagatelnykh [The logic of adjectives]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva: Progress. Vyp. 16. Pp. 155-182. (In Russ.).

7. Ovsyannikova, E. V. (2006). Obshchie zakonomernosti perevoda delovogo angliyskogo [General regularities in business English translation]. In *Visnik SumDU*. Vol. 2. No. 11 (95). Pp. 125-161. (In Russ.).

8. Podolskaya, N. V. (2003). Onim [Onym]. In *Russkiy yazyk: Entsiklopediya*. Moskva: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. Pp. 288-289. (In Russ.).

9. Cherednichenko, V. I. (2000). Stikhotvorenie Edgara Allana Po «Voron» («The Raven», 1845) v russkikh perevodakh [Edgar Allan Poe's poem The Raven (1845) in Russian translations]. In *Edgar Allan Poe. Esse. Materialy. Issledovaniya*. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. Iss. 3. Pp. 23-84. (In Russ.).

10. Carnap, R. (1937). *Logical Syntax of Language*. New York, Humanities Press.

Николаев Сергей Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии (e-mail: nikolaev_s@bk.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 105/42

Nikolaev Sergey G. – Doctor of Philology, Professor, Head of English Philology Department (e-mail: nikolaev_s@bk.ru), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University» 105/42 B. Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006

Поступила в редакцию 17 марта 2023 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words: .....

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ....
2. ....
3. ....

REFERENCES

1. ....
2. ....
3. ....

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). <i>Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti</i> [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). <i>Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti</i> [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) <i>Cabbages and Kings.</i> In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 19 Выпуск 1 (59) 2023

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 04.05.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 14,41.
Тираж 100 экз. Заказ № 23май72/1.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.